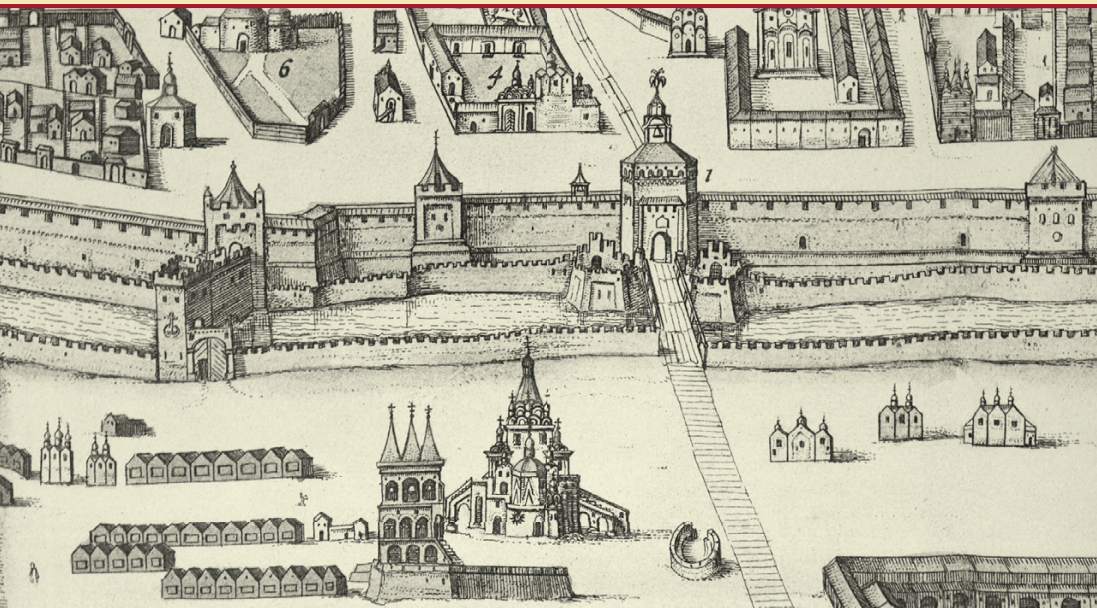

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ

Чтения памяти
И.И. Кузнецова

Выпуск 1

Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный исторический музей»
Храм-музей «Покровский собор»
Подворье Патриарха Московского и всея Руси храмов в Зарядье,
что в Китай-городе г. Москвы, Русской Православной Церкви
(Московский Патриархат)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ
И.И. КУЗНЕЦОВА

Выпуск 1

*Материалы научной конференции,
посвященной памяти протоиерея Покровского собора
(храма Василия Блаженного),
историка Иоанна Иоанновича Кузнецова
и 550-летию рождения блаженного Василия,
Московского чудотворца
(12–13 ноября 2019 г., г. Москва)*

Москва
2020

Ответственный редактор к.и.н. Т.Г. Сарачева

Редакторы-составители: к.и.н. Н.Н. Малышева, к.и.н. Т.Г. Сарачева

Актуальные проблемы изучения и сохранения памятников архитектуры: Чтения памяти И.И. Кузнецова. Вып. 1. Материалы научной конференции. Москва, 12-13 ноября 2019 г. 296 с. : ил.

ISBN 978-5-89076-402-7

Состоявшиеся в ноябре 2019 г. научные чтения приурочены к 550-летию рождения святого Василия Блаженного, имя которого увековечено в названии выдающегося памятника архитектуры — собора Покрова Пресвятой Богородицы на Рву. Они прошли в стенах Покровского собора, где 32 года служил неутомимый исследователь истории храма, ученый, богослов, археолог, протоиерей Иоанн Иоаннович Кузнецов (1863—1923). Его научные труды не потеряли своей значимости и сегодня и представляют несомненный интерес для исследователей архитектуры, настенной живописи, иконописи и церковной жизни.

Для историков, искусствоведов, культурологов, архитекторов, реставраторов, археологов, сотрудников музеев и архивов.

На обложке: Фрагмент плана «Кремленаград». Начало 1600-х годов.

Многоуважаемые читатели!

В жизни и судьбе любой страны были и есть десятки и сотни тысяч людей, имена которых по разным причинам остаются в тени славных и громких имен и званий великих правителей и непобедимых полководцев, знаменитых писателей и поэтов, крупных ученых и общественных деятелей, пламенных революционеров и выдающихся реформаторов, блистательных артистов, художников, журналистов, героев, совершавших грандиозные подвиги...

Однако история — это не только героические деяния, но и повседневная, обыденная жизнь общества, состоящего из интересных, талантливых, трудолюбивых личностей. Вот почему возвращение из небытия каждого забытого имени представляется нам, сотрудникам Исторического музея, делом исключительной важности.

Уже более четырех с половиной веков южную часть Красной площади украшает потрясающий своим многоцветным великолепием бесценный памятник архитектуры мирового значения — Покровский собор. Именно с ним почти на треть столетия связал свою судьбу ученый — историк, археолог и архивист, протоиерей Иоанн Иоаннович Кузнецов (1863—1923), посвятивший большую часть своих научных исследований — статей, публикаций и монографий — храму Покрова на Рву.

Получив серьезное церковное и светское образование (окончил в 1870—1880-е годы духовные училище, семинарию и академию, а в 1912 г. — Московский археологический институт), И.И. Кузнецов много и плодотворно работал в архивах и библиотеках, скрупулезно изучая бесчисленные рукописные, докумен-

тальные и печатные материалы по истории Покровского собора, московской и российской церковной архитектуре. Им были установлены имена строителей этого великого храма, изданы исследования о Житиях святых Василия и Иоанна Блаженных.

Начав служить в соборе Покрова на Рву еще в 1891 г., отец Иоанн Кузнецов отдал ему всю жизнь, последние два года которой он был настоятелем этого знаменитого на весь мир храма. Поэтому нет ничего удивительного в желании сотрудников Исторического музея и, прежде всего, тех из них, кто трудится в музее «Покровский собор», ставшим с 1928 г. филиалом ГИМ, организовать и провести в 2019 г. Чтения памяти И.И. Кузнецова.

В конференции, проходившей 12–13 ноября 2019 г., участвовали историки, искусствоведы, священнослужители, сотрудники музеев, архивов, библиотек, студенты и аспиранты, профессора и начинающие молодые ученые. Устроители рассчитывают сделать Кузнецовские чтения регулярными и проводить их раз в два года, выпуская по итогам каждого научный сборник.

Администрация Государственного исторического музея выражает глубокую благодарность всем участникам конференции, настоятелю Патриаршего подворья храмов в Зарядье протоиерею Вячеславу Шестакову за поддержку и активную помощь в организации Чтений, сотрудникам ГИМ за проявленную инициативу и серьезную работу по подготовке и проведению Кузнецовских чтений.

*Заместитель директора Исторического музея
по научной работе А.Д. Яновский*

Дорогие читатели!

Вашему вниманию предлагаются материалы научной конференции, состоявшейся в ноябре 2019 года в Государственном историческом музее и приуроченной к 550-летию со дня рождения святого Василия Блаженного. Наверное, по своему масштабу конференция явилась не слишком заметным событием для научных кругов, но для музейного сообщества может стать знаковым! Организованная совместными усилиями Государственного исторического музея и Патриаршего подворья храмов в Зарядье, она прошла в буквальном смысле под сводами Покровского собора. И, главное, была посвящена памяти настоятеля Покровского собора, протоиерея Иоанна Иоанновича Кузнецова — настоящего ученого, историка, археолога, богослова.

Нельзя не сказать, хотя бы кратко, об отце Иоанне. Прослужил отец Иоанн в соборе 32 года, и все эти годы, помимо церковного, пастырского служения, он посвятил активной научной деятельности. Им двигала не просто любознательность, а стремление оставить потомкам достоверную историю этого удивительного собора, жизнеописания святых блаженных чудотворцев Василия и Иоанна, которые нашли упокоение под его сводами. Даже беглое знакомство с его научными трудами удивляет и поражает, с какой тщательностью он проводил свои исследования. Можно с уверенностью сказать, что как ученый он является примером и для современных исследователей. Его — священнослужителя — научная деятельность ярко иллюстрирует слова святителя Филарета, митрополита Московского: «Вера Христова не во вражде с истинным знанием, потому что не в союзе с невежеством».

Говоря о самой конференции, было неожиданностью узнать о том интересе, который она вызвала у ученых и специалистов совершенно разных организаций и учреждений. Среди них и научные организации, и музеи, и образовательные учреждения, и религиозные организации. Широкий и тематический спектр представленных докладов, да и самих докладчиков — от студентов до маститых ученых, докторов наук. Надеюсь, что для многих представленные в сборнике материалы будут интересны и полезны. И в этом хочу пожелать читателям успехов!

*Настоятель Патриаршего подворья в Зарядье
протоиерей Вячеслав Шестаков*

Н.Н. Малышева, Т.Г. Сарачева

Последний автограф. Страницы биографии протоиерея Покровского собора Иоанна Иоанновича Кузнецова

Длительная история церковной жизни в Покровском соборе наполнена сотнями имен священнослужителей и настоятелей. Для одних служение в нем стало делом всей жизни, для других — определенным этапом их биографии. Имя Иоанна Иоанновича Кузнецова (1863—1923), безусловно, выделяется в этом ряду (рис. 1). Это был не только священнослужитель храма, ставший в тяжелые 1920-е годы его настоятелем, но и профессиональный историк, посвятивший, по его словам, подготовке и изданию нескольких монографий и ряда научных статей «28 лет кропотливой, подчас очень трудной по разным архивам работы».

Иван Кузнецов родился 11 августа 1863 г. в семье верейского купца¹. Он прошел полный курс духовного образования: окончил Московское духовное училище, Вифанскую семинарию и Московскую духовную академию, получив диплом с хорошими и отличными оценками². После завершения обучения был удостоен степени кандидата богословия с правом преподавания в семинарии.

Вскоре после выпуска из МДА, 2 февраля 1887 г., И.И. Кузнецов был определен священником в Михаило-Архангельскую церковь с. Белый Раст Московского у. (ныне Дмитровский р-н Московской обл.), а в октябре того же года его перевели в Троицкую церковь с. Голенищева Московского у. Спустя три года, в 1891 г., «по указу Его Императорского Величества, во исполнение резолюции Высокопреосвященнейшего Иоанникия, Митрополита Московского и Коломенского, Московская Духовная Консистория приказала быть [И.И. Кузнецову] при Покровском соборе»³ (рис. 2). Вся его последующая жизнь и научная деятельность на протяжении 32 лет была связана с собором Покрова Пресвятой Богородицы на Рву.

Рис. 1. И.И. Кузнецов с женой Ольгой Николаевной. Год неизвестен.
Архив отдела «Покровский собор». Фотография передана В.И. Балабиной

Практически сразу же он приступил к изучению истории храма, и уже через четыре года, в 1895 г., увидела свет его первая монография, которую он называл путеводителем: «Московский Покровский и Василия Блаженного собор. Святые: Василий и Иоанн Блаженные, Христа ради Юродивые, Московские чудотворцы. Спасские ворота. Лобное место» (рис. 3). Название книги

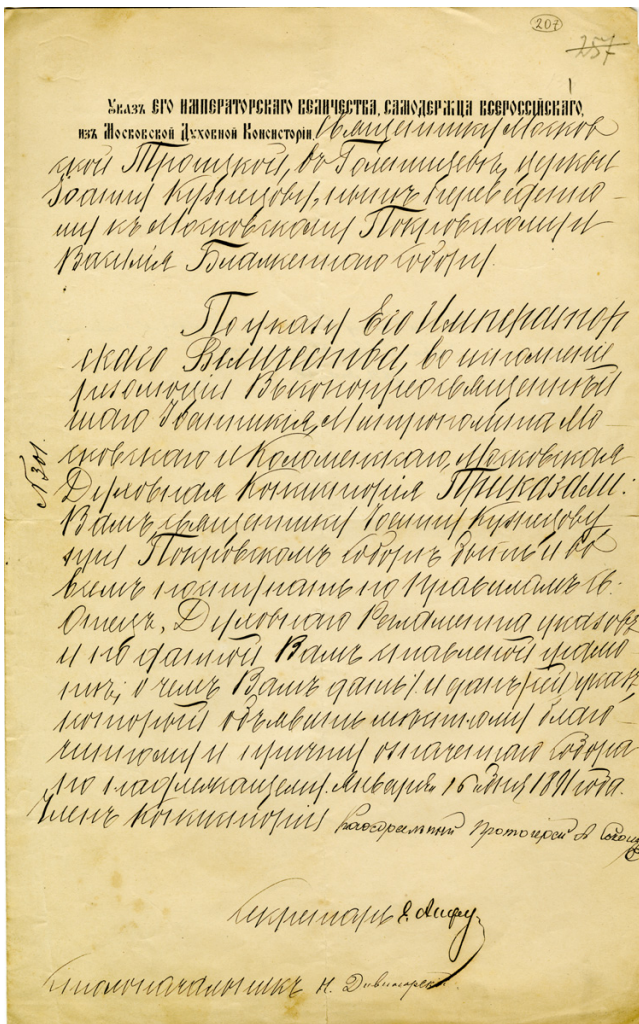

Рис. 2. Указ о назначении И.И. Кузнецова священником в Покровский собор. 1891 г.
Архив отдела «Покровский собор»

достаточно полно характеризует научные интересы, направления исследовательской деятельности, которые сохраняются на протяжении всей жизни И.И. Кузнецова: история строительства, ремонтов и реставраций Покровского собора; изучение всего комплекса источников, связанных со святыми блаженными Василием и Иоанном; архитектурные и исторические памятники Москвы и России.

Рис. 3. Титульный лист путеводителя И. Кузнецова «Московский Покровский и Василия Блаженного собор. Святые: Василий и Иоанн Блаженные, Христа ради Юродивые, Московские чудотворцы. Спасские ворота. Лобное место». М., 1895

Любопытно замечание автора в этой книге: «Кто был строителем Покровского собора, откуда был родом, как его звали, какова была его судьба — наши летописи молчат»⁴. Но в том же 1895 г., работая с текстами рукописей Румянцевского музея, исследователь обнаружил новые сведения, которые совершили настоящий переворот в изучении истории собора. Ему удалось найти имена двух русских мастеров — Постника и Бармы — строителей По-

кровского собора. Свое открытие И.И. Кузнецов озвучил на заседаниях Общества истории и древностей Российских при Московском университете и Московского археологического общества (МАО). Доклад в МАО стал поводом баллотировать автора в члены-корреспонденты общества⁵. В его рядах в звании действительного члена, в частности в Комиссии «Старая Москва», Кузнецов оставался до конца жизни.

Связь с МАО способствовала тому, что Иоанн Иоаннович поступил в Московский археологический институт, став студентом первого набора в 1907 г. Он был действительным слушателем сразу двух отделений: археологического и архивного. Немногие священники в то время дополняли духовное образование светским. По окончании института И.И. Кузнецова удостоили звания ученого-археолога и наградили серебряной медалью, а его диссертационное сочинение после переработки было решено напечатать в «Записках» института⁶.

МАО было не единственным научным учреждением, членом которого являлся И.И. Кузнецов. С 1897 г. он состоял в нескольких комиссиях по реставрации Покровского собора⁷. Будучи делопроизводителем реставрационной комиссии, он постоянно проводил архивные изыскания по строительной истории храма, его ремонтам и реставрации. В 1902 г. И.И. Кузнецова избрали членом, помощником председателя Комиссии по осмотру и изучению памятников старины города Москвы и Московской епархии, созданной при Обществе любителей духовного просвещения⁸.

Помимо службы в Покровском соборе И.И. Кузнецов участвует в работе православных учреждений, деятельность которых была направлена на поддержку нуждающихся. Он состоял членом Кирилло-Мефодиевского Православного Братства, Московского Епархиального Попечительства о бедных духовного звания и был назначен смотрителем находящихся в ведении Попечительства Георгиевского и Александровского приютов, а также членом Бюро попечения о беженцах в годы Первой мировой войны⁹.

Служба в Покровском соборе, участие в работе различных комиссий и обществ были отмечены церковными и светскими наградами. Все это происходило в дореволюционные годы, отмеченные определенной стабильностью. Гораздо больше сложностей возникает при попытках восстановить страницы биографии И.И. Кузнецова после октябрьских событий 1917 г. Единичные документы

первых лет советской власти удалось выявить в ряде архивов¹⁰. Среди них — письмо И.И. Кузнецова, написанное им за 22 дня до смерти, 14 марта 1923 г. На данный момент — это последний выявленный нами его автограф. В тексте письма содержатся неизвестные ранее сведения об авторе¹¹.

Письмо адресовано заведующему комендантской частью Главмузея Митрофану Николаевичу Мерлину и касается сугубо хозяйственного вопроса, а именно — очистки снега в Покровском соборе. Это ответ на предписание Главмузея о немедленной уборке снега с крыш и галерей храма. Несмотря на то, что музей в нем официально был открыт уже после смерти И.И. Кузнецова, собор с 1918 г. находился в ведении Главнауки и отдела по делам музеев, а в его двух нижних приделах — Василия и Иоанна Блаженных продолжались богослужения.

Из письма явствует, что начало 1923 г. было тяжелым для И.И. Кузнецова, так как с середины января в течение двух месяцев он находился на лечении в клинике от миокардита сердца: «...немного выправили меня и вернули домой — в состоянии инвалида. В будущем перспектива неважная, предложено избегать всяких волнений». Однако рекомендации врачей соблюдать ему было сложно, так как полученное сразу же после выписки из клиники предписание об уборке снега заканчивалось, безусловно, нервнующей фразой: «В противном случае будут приняты репрессивные меры». Предписание было адресовано приходскому совету собора, в то время как никакого совета, как и прихода, в соборе не было. Поэтому Кузнецову, который в то время являлся настоятелем храма, пришлось принять на себя решение этого вопроса. Он уведомляет Мерлина о том, что «третьего дня» по совету Д.П. Сухова уже обращался в хозяйственное отделение Главмузея с заявлением, «...что собор засыпан снегом, что этот снег, с весенним теплом растает и может затопить внутренность собора». Следует обратить внимание на то, что в прежние годы снег в соборе убирался на средства Главмузея, а в 1923 г., по неизвестным причинам, очистка снега вообще не проводилась.

Для исполнения этого предписания, по словам И.И. Кузнецова, были необходимы «...по крайней мере 1000 р. в дензнаках 1923 г.». Он напоминал, что еще в 1921 г. начальником общего управления Орлеанским было установлено, «что очистка площадей и тротуаров вокруг собора на обязанности учреждений, ведающих об-

щим благоустройством города, а уборка собора внутри тротуара — на обязанности Главмузея».

Ссылаясь на свое тяжелое положение (в день написания письма И.И. Кузнецов был на осмотре в клинике: «положение сердца найдено опять ухудшающимся, и велено на неделю опять лечь в постель, и лишь изредка ее оставлять»), он просит Мерлина разъяснить в Главмузее положение дел. Отмечая, что собор — музейное здание, он недоумевал, почему по этому вопросу обращаются к приходскому совету, а не к сотрудникам Главмузея: Л.И. Кондрашеву — заведующему Хозяйственным управлением, П.П. Шибанову, которого он называет заведующим собором, и его помощнику Е.И. Силину. Завершается письмо отчаянной фразой: «Я сейчас в таком положении, что мысль об одном: хоть бы умереть дали спокойно!».

Содержание письма свидетельствует о том, что настоятель храма, протоиерей, уже немолодой и тяжело больной человек был вынужден заниматься текущими хозяйственными вопросами. Такая ситуация, кажущаяся сейчас недопустимой, в первые годы советской власти встречалась повсеместно. Для того, чтобы понять, почему она возникла в Покровском соборе, рассмотрим, как складывалась жизнь И.И. Кузнецова на протяжении его последних шести лет.

В сентябре 1918 г. Всероссийская коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса официально уведомила И.И. Кузнецова, как специалиста по истории собора и члена дореволюционных комиссий по его реставрации, о том, что он избран членом вновь образованной Комиссии по реставрации храма, и просила сообщить об этом патриарху¹². Коллегия просила Кузнецова «принять на себя надзор за тем, чтобы никакие ремонты, починки, переделки и исправления в означенном храме не производились без ведома Отдела»¹³. Документы, направляемые Кузнецовым в Коллегию Наркомпроса, свидетельствуют о том, что причт и он лично осознавали необходимость взаимодействия с новой властью в деле сохранения собора как выдающегося архитектурного памятника¹⁴.

В это же время его принимают на службу в Комиссию по охране памятников искусства и старины при Моссовете, функции которой частично совпадали с деятельностью Коллегии по делам музеев Наркомпроса¹⁵. Кузнецов указывал, что был приглашен в Комиссию Моссовета 4 августа 1918 г., служил до октября бес-

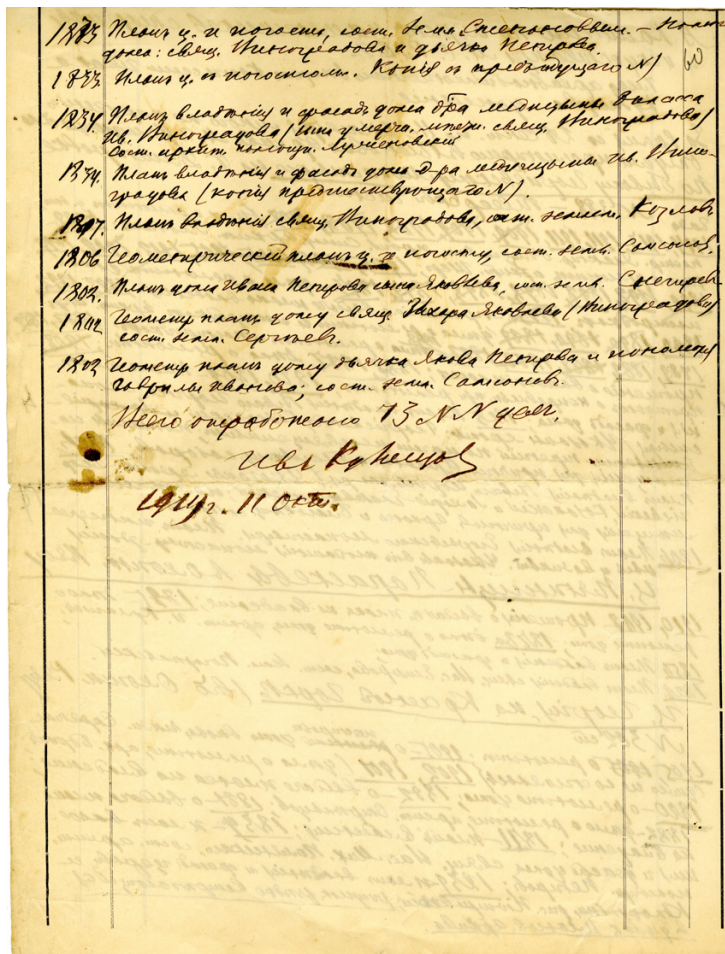

Рис. 5. Обратная сторона донесения И.И. Кузнецова в Комиссию по охране памятников старины и искусства при Моссовете. 1919 г. Архив отдела «Покровский собор»

В начале 1919 г. над И.И. Кузнецовым нависла угроза выселения из квартиры на Пятницкой¹⁸ улице. В 1918—1920 гг. в крупных городах осуществлялось так называемое уплотнение — изъятие излишков жилплощади и ее перераспределение. В материалах отдела по делам музеев встречаются многочисленные свидетельства выселения сотрудников в этот период, в том числе письмо заведующей отделом Н.И. Троцкой в Жилищно-земельный отдел Замоскворецкого района г. Москвы. В нем подчеркивается важность

научной работы И.И. Кузнецова — члена Комиссии по реставрации Покровского собора — по написанию истории храма и звучит просьба не выселять его, так как в его квартире хранились исторические документы и авторские рукописи. Вероятно, выселение из квартиры не состоялось¹⁹.

В это непростое время И.И. Кузнецов работал над завершением монографии, которой, по его словам, он «отдал двадцать восемь лет труда и забот». Именно о ней упоминает Н.И. Троцкая. Последняя, до сих не изданная работа «Покровский (Василия Блаженного) собор в Москве. Очерк монументальной истории собора», датирована автором 1919 г.²⁰ Основой для написания труда стало диссертационное сочинение, успешно защищенное И.И. Кузнецовым в 1912 г. в Московском археологическом институте.

Подготовка публикации, вероятно, началась в скором времени после окончания института. В 1915 г. в биографическом словаре членов МАО указывалось: «Готовит к печати „Историю Московского Покровского и Василия Блаженного собора“»²¹. Уже в следующем году на заседании Комиссии по сохранению древних памятников МАО он делает доклад, основу которого составили «две первые главы своей монографии Собора»²².

Архивные материалы позволяют частично восстановить те шаги, которые предпринимал И.И. Кузнецов, пытаясь издать свою последнюю монографию. 26 декабря 1918 г. на заседании Комиссии архитектурной реставрации при музейном отделе Наркомпроса И.И. Кузнецов сделал доклад «Исторический обзор построения храма Василия Блаженного»²³. По сути это была первая глава его сочинения.

В январе 1919 г. И.И. Кузнецов обратился в Коллегию по делам музеев и по охране памятников старины и искусства Наркомпроса с заявлением о публикации «Истории Покровского собора» в «Трудах» Коллегии на предлагаемых им условиях²⁴. В нем указывалось, что монография не будет превышать 150 печатных листов. Автор просил выдать ему авансом 15000 руб. «на прожитие». Впоследствии он уточнял, что, если будет необходимо, готов сократить свое сочинение до 60—70 листов. 30 марта на заседании Коллегии было решено «приобрести означенную рукопись за 25 000 рублей»²⁵.

Монография базируется на письменных источниках, многие из которых хранятся в архивах и остаются неизданными до насто-

ящего времени. Особое внимание И.И. Кузнецов уделил ремонтам собора в XVIII в. Ряд ценных сведений исследователь приводит впервые. Благодаря его изысканиям история ремонтов и богослужebной жизни Покровского собора буквально оживает: он указывает имена настоятелей, купцов и мастеров, наименования, стоимость и количество материалов, необходимых для ремонтов. В XX столетии в соборе изменилось многое, и зафиксированные автором реалии XIX в. (например, сюжеты настенных росписей, местонахождение икон, детали интерьеров) становятся важным историческим источником, позволяющим воссоздать убранство храма того времени. Все это позволяет считать исследование И.И. Кузнецова не утратившим научного значения.

С 1 апреля 1919 г. И.И. Кузнецов получает официально место работы в отделе по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса. Он становится эпизодическим сотрудником по реставрации храма Василия Блаженного, будучи в должности сотрудника-консультанта в подотделе архитектурной реставрации. И.И. Кузнецов занимался сбором архивного материала по истории собора для реставрационных нужд²⁶.

Осенью 1919 г. происходит событие, после которого И.И. Кузнецову была закрыта дорога к занятию ответственных должностей в советских учреждениях. В условиях серьезно изменившихся после революции доходов, получаемых причтом собора, это означало, что человек был обречен на тяжелое материальное положение, тем более, что жена — Ольга Николаевна — находилась на его иждивении.

В октябре 1919 г. органы юстиции г. Москвы развернули показательный процесс против причта Покровского собора. Поводом для этого послужила история с находившимися с 1915 г. в храме «мощами Гавриила Белостокского», у гробницы которого священники собора продолжали служить молебны. Дело было сфабриковано печально знаменитым VIII отделом Наркомюста в рамках выполнения директив XIII съезда РКП(б) о «полном отмирании» церкви. Центральным пунктом программы было вскрытие и «разоблачение» святых мощей. Действия в Покровском соборе пришлись на завершающий этап кампании всероссийского масштаба по вскрытию 65 раков с мощами святых, начавшейся осенью 1918 г.

29 октября 1919 г. И.И. Кузнецова вызвали в Комиссию по отделению церкви от государства (в здании ЦИК в Кремле), и комен-

дант Кремля заключил его под стражу «в виду падающих на него улик о соучастии в антисемитской агитации вокруг гробницы „мученика“ Гавриила, находящейся в Соборе Василия Блаженного»²⁷.

Как и другие антирелигиозные процессы, следствие велось «в ускоренном порядке». Наркомюст принимал соответствующие меры, чтобы предать широкой гласности показательное для его работы дело, аналогичное прошедшему в 1911—1913 гг. громкому судебному процессу Бейлиса в Киеве. Суд состоялся очень быстро. 17 ноября 1919 г. Кузнецова обвинили в том, что он не внес ящик с мощами Гавриила в опись при принятии в пользование собора. В обвинении говорилось: «Кузнецов, имея поручение от Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса хранить принадлежащий всему русскому трудовому народу Собор Василия Блаженного как один из самых замечательных памятников русского зодчества... нарушил доверие Советской власти. Роль Кузнецова морально хуже всех. Он нарушил оказанное ему, как советскому служащему и археологу, доверие, и он чувствует всю глубину своей вины и признал это перед судом»²⁸. Необходимо отметить, что на суде И.И. Кузнецов и настоятель собора И.А. Ковалевский утверждали, что мощи блаженных Василия и Иоанна сгорели в 1572 г. при нашествии на Москву Девлет-Гирея, стараясь тем самым оградить святыни от поругания.

Согласно постановлению суда, Кузнецова и Ковалевского приговорили к лишению свободы сроком на пять лет, «но, принимая во внимание преклонный возраст и болезненное их состояние, а также и то, что Советская рабоче-крестьянская власть сейчас настолько окрепла, что может считать их неопасными для Республики», оставили в силе условное лишение свободы с лишением прав на доверие рабоче-крестьянской власти²⁹.

Пребывание под арестом и суд не прошли бесследно для И.И. Кузнецова — он оказался «в больнице по операции», в документе не сообщалось, какой именно³⁰. Несмотря на приговор суда, И.И. Кузнецов продолжал служить в Покровском соборе. С апреля 1921 г. его приняли в число постоянных сотрудников по II подотделу Церковной комиссии Главнауки Наркомпроса в качестве служителя в Покровском соборе. В прошении И.И. Кузнецова о зачислении указана должность служителя-уборщика и отмечено, что фактически он исполняет ее уже четвертый месяц³¹. Принятие решения затянулось, так как вместе с прошением Кузнецов предоста-

вил справку из Московского Народного суда о том, что «Согласно приговора гр. Кузнецов Иван Иванович, лишен доверия Рабоче-Крестьянской Власти следовательно п. 2-й декрет об ограничении прав по приговору Судов относится к гр. Кузнецову всецелом»³².

Главнаука в лице заведующего отделом И.Э. Грабаря 30 мая обратилась в Особую Секцию (так в документе; верно: Сессию) Московского Совета народных судей с запросом: «Признавая прием Кузнецова на службу желательным, Музейный Отдел Наркомпроса просит разъяснить, не встречается ли со стороны Секции препятствий к определению гр. Кузнецова на указанную выше должность, как лишенного на определенный срок Рабоче-Крестьянской власти и права занимать ответственные должности. Должность служащего-уборщика таковой не является». 8 июня в отдел охраны памятников искусства и старины из суда был направлен документ, в котором сообщалось, «что препятствий к переходу на службу в Музей в качестве Служителя-Уборщика гр. Ивану Ивановичу Кузнецову со стороны Совнарсуда Особой Сессии не встречается»³³. С мая 1921 г. И.И. Кузнецов начал получать в Главнауке оплату за «очистку площади около собора» в размере 15000 руб. в месяц³⁴.

В то время ситуация в Покровском соборе ухудшалась, став к концу 1921 г. почти катастрофической. Осенью того года в соборе произошла кража из ризницы собора 10 предметов богослужбной утвари из драгоценных металлов и лицевого шитья. Подобные грабежи ризниц храмов были частым явлением в первые годы советской власти. В апреле 1921 г. председатель Комиссии по учету и приемке церковного имущества Н.С. Моргунов привел печальную статистику: в течение двух месяцев в Москве было зафиксировано 39 краж в ризницах храмов³⁵.

Обнаружил пропажу ценностей из собора И.И. Кузнецов утром 3 октября и незамедлительно сообщил об этом в отдел музеев Главнауки³⁶. Этот документ ценен тем, что автор донесения именует себя настоятелем Покровского собора. Вероятно, он был назначен на эту должность после смерти И.А. Ковалевского, точная дата которой неизвестна: предположительно, лето — начало осени 1921 г.

Причту не хватало средств на поддержание порядка, дров на отопление храма. С осени 1917 г. в нем перестало действовать центральное калориферное отопление³⁷. Поставить печь в нижних церквах, где проходили богослужения, не разрешали, несмотря на то, что И.И. Кузнецов постоянно писал письма с просьбами

об этом³⁸. Решение всех хозяйственных вопросов с 1921 г. легло на его плечи — служителя-уборщика и одновременно настоятеля храма, человека немолодого, болеющего с молодости и не обладающего крепким здоровьем. И именно к нему представители Главнауки обращались по всем хозяйственным вопросам.

Представители милиции продолжали требовать от служителей собора, в том числе от настоятеля, проводить очистку прилегающих к зданию тротуаров и мостовой³⁹. И.И. Кузнецову приходилось обращаться за помощью в Главмузей, так как выполнить самостоятельно предписания он не имел возможности. В докладе научного сотрудника Музейного отдела Главнауки П.П. Шибанова в Церковную секцию Главмузея от 15 февраля 1922 г. говорилось о плачевном состоянии занесенных снегом интерьеров храма: «Вследствие абсолютного отсутствия сторожей и кого-либо, на ком бы лежала обязанность по очистке храма как от заносов снега, так и засорения от многочисленных экскурсий, всю непосильную тяжесть по содержанию в должной чистоте храма несет на себе в единственном числе смотритель храма Кузнецов И.И., героически поддерживающий относительный порядок»⁴⁰. В анкете служителя религиозного культа И.И. Кузнецов указал, что он состоит служителем-уборщиком в соборе⁴¹.

В 1922 г., ставшим «расстрельным годом» для церкви, в Покровском соборе, как и во многих других храмах, осуществили изъятие церковных ценностей. И это произошло несмотря на то, что денежные средства, находившиеся на счетах собора, были переданы в Коллегию по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса еще в 1918 г.⁴² Во время конфискации драгоценностей 27 апреля 1922 г. Кузнецов был арестован, как указывалось, за сокрытие ценностей⁴³. С 26 апреля в Москве проходил показательный открытый процесс по делу группы московского духовенства и мирян, оказавших сопротивление изъятию церковных ценностей. Поэтому арест настоятеля такого храма был на руку борцам за исполнение антицерковных декретов.

Сколько в этот раз продлился арест — неизвестно. Но в июле 1922 г. Кузнецов уже находился в составе комиссии, которая осмотрела второй ярус собора и зафиксировала значительное ухудшение его состояния: промокание сводов, выбитые стекла, отвалившаяся штукатурка с настенными росписями⁴⁴. С момента ареста И.И. Кузнецова, вероятно, некому было смотреть за этой частью собора.

Два ареста в течение короткого периода, «почти крайнее... весьма затруднительное» имущественное положение, кража и изъятие ценностей, богослужения и уборка в холодном неотопляемом храме и, как следствие этого, болезни, неопределенность в будущем собора и в собственной судьбе, — все это сказалось серьезно на здоровье И.И. Кузнецова. Он скончался 5 апреля 1923 г., в четверг, на Страстной неделе. Об этом сообщил 12 апреля на заседании Комиссии по изучению Старой Москвы ИМАО ее председатель А.М. Васнецов. Присутствовавшие почтили память протоиерея И.И. Кузнецова вставанием. Члены Комиссии Н.Н. Соболев и П.Н. Миллер подчеркнули в своих выступлениях его научные заслуги, заметив, что он «вошел в члены Комиссии не по избранию, а как член Археологического общества, всегда интересовался старой Москвой, прочел в Комиссии доклад „О мертвой голове“ (из времен Анны Иоанновны), издал во многих видах описание собора и даже на французском языке»⁴⁵.

На заседании Церковной секции музейного отдела Наркомпроса 16 апреля с сообщением о недавней смерти протоиерея Покровского собора выступил Д.П. Сухов. Он говорил об И.И. Кузнецове как о «человеке, всю свою жизнь посвятившего собору, давшего его прекрасное описание, хранившего собор и водившего [в нем] экскурсии. В день своей смерти он еще говорил об устройстве собора и приведении его в музейный вид... со смертью И.И. Кузнецова собор закрыт для экскурсий и нужно озаботиться, чтобы он был доступен осмотру». Е.И. Силин добавил, что «дней за 10 до кончины И.И. Кузнецова он обсуждал с ним план работ в соборе, к которому решено было приступить после 18-го апреля»⁴⁶.

Вероятно, смерть настоятеля сыграла немаловажную роль в принятии решения о скорейшем открытии историко-архитектурного музея в Покровском соборе. Уже 18 апреля комиссия музейного отдела Наркомпроса в составе Н.Н. Померанцева, Е.С. Мосягиной, Д.П. Сухова, Е.С. и Н.С. Кропоткиных, Е.И. Силина и Л.И. Кондрашева осмотрела собор и наметила первоочередные меры по музеефикации памятника: проверка предметов музейного значения по описи 1920 г.; уточнение списка предметов, изъятых в 1922 г.; удаление из верхнего собора всего того, что нарушало его общий ансамбль (кроме иконостасов)⁴⁷. 21 мая 1923 г. музей Покровского собора был открыт для посетителей.

- ¹ Биографические сведения об И.И. Кузнецове почерпнуты из клировых ведомостей: Клировая ведомость Московского Покровского и Святого Василия Блаженного Собора за 1913^н год; Клировая ведомость Покровского и Василия Блаженного собора за 1916 г. (ЦГА Москвы. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 1; Ф. 1311. Оп. 1. Д. 15).
- ² ЦГА Москвы. Ф. 229. Оп. 4. Д. 1926. Л. 13, 17; *Белозерова И.В.* Собор Покрова Пресвятой Богородицы на Рву в первые годы советской власти (по материалам ОПИ ГИМ) // Труды ГИМ. М., 2019. Вып. 213. С. 102.
- ³ Архив отдела «Покровский собор». П-1/55.
- ⁴ *Кузнецов И.* Московский Покровский и Василия Блаженного собор. Святые: Василий и Иоанн Блаженные, Христа ради Юродивые, Московские чудотворцы. Спасские ворота. Лобное место. М., 1895. С. 6.
- ⁵ Доклады «Новые летописные данные о построении Московского Покровского (Василия Блаженного) Собора» и «Еще новые летописные данные о построении Московского Покровского, Василия Блаженного, собора» были прочитаны в МАО 19 декабря 1895 г. и 27 февраля 1896 г. до вступления И.И. Кузнецова в это Общество. «Нужный для протокола Общества» конспект первого доклада был послан председателю МАО, графине П.С. Уваровой, о чем сообщается в одном из писем И.И. Кузнецова, и опубликован в «Древностях» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 555. Л. 768; Заседания Обществ // Археологические известия и заметки, издаваемые императорским Археологическим обществом. М., 1896. Год. IV. № 4. С. 117; Заседания ученых обществ // Археологические известия и заметки, издаваемые императорским Археологическим Обществом. М., 1896. Год. IV. № 5/6. С. 165; Протокол обыкновенного заседания императорского Московского Археологического общества, 19 декабря 1895 года. № 470 // Древности: Труды императорского Московского археологического общества. М., 1900. Т. 17. С. 282—286; Протокол годичного заседания императорского Московского Археологического общества 27 февраля 1896 года. № 475 // Древности: Труды императорского Московского Археологического общества. М., 1901. Т. 18. С. 12—13).
- ⁶ ЦГА Москвы. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 1. Л. 27; Ф. 376. Оп. 1. Д. 2071. Л. 1; Ф. 376. Оп. 3. Д. 15. Л. 78.
- ⁷ Архив отдела «Покровский собор». П-1/42. Ед. хр. 121. Л. 56.
- ⁸ Протоколы Комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии. М., 1904. С. 1; Церковно-археологический отдел при Обществе любителей духовного просвещения в 1900—1913 гг. (Краткий обзор его жизни и деятельности). М., 1913. С. 15; Исторический очерк полувековой жизни и деятельности Московского Общества Любителей Духовного Просвещения (1863—1913 гг.) / Сост. Н.Д. Извеков. М., 1913. С. 223; *Козлов В.Ф.* Епархиальный дом в Москве: Хроника жизни дома и Князь-Владимирского храма. 1902—1918 гг. М., 2015. С. 38.
- ⁹ ЦГА Москвы. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 15. Л. 27; Ф. 1694. Оп. 1. Д. 1. Л. 26, 27; Ф. 1786. Оп. 1. Д. 838. Л. 25, 26 об.

- 10 Основная информация почерпнута в фондах ОПИ ГИМ, НИОР РГБ, ЦГА
Москвы, ГАРФ и в архиве отдела «Покровский собор».
- 11 ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 3. Д. 99. Л. 23—24 об.
- 12 ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 138. Л. 16.
- 13 Там же. Л. 23.
- 14 Там же. Л. 25—25 об., 27—27 об.
- 15 Из истории строительства советской культуры. 1917—1918 гг.: Докумен-
ты и воспоминания. М., 1964. С. 6—7, 136—137; *Овсянникова Е.Б.* Из исто-
рии Комиссии Моссовета по охране памятников // Советское искусствоз-
нание '81. М., 1982. Вып. 2 (15). С. 263—268, 286; *Она же.* «Работа была
весьма интересная...» Николай Дмитриевич Виноградов. 1885—1980
// Краеведы Москвы. М., 1991. Вып. 1 С. 201—205; *Она же.* Китайгород-
ская стена. Реставрация перед сносом: Статьи, дневники, чертежи и фо-
тографии из архива Н.Д. Виноградова. М., 2015. С. 6—7.
- 16 ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 739. Л. 26 об.
- 17 *Белозерова И.В.* Собор Покрова... С. 104.
- 18 Архив отдела «Покровский собор». П-1/55; *Белозерова И.В.* Собор Покро-
ва... С. 104.
- 19 *Белозерова И.В.* Собор Покрова... С. 104.
- 20 НИОР РГБ. Ф. 743. Ед. хр. 52.4. 683 л.
- 21 Императорское Московское археологическое общество в первое пя-
тидесятилетие его существования (1864—1914 гг.) / Под ред. графини
П.С. Уваровой и И.Н. Бороздина. М., 1915. Т. II. С. 184.
- 22 ЦГА Москвы. Ф. 454. Оп. 3. Д. 14. Л. 43 об.
- 23 ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 382. Л. 92—93; *Белозерова И.В.* Собор Покрова...
С. 103.
- 24 ЦГА Москвы. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 30—30 об.
- 25 ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 12. Л. 122 об.
- 26 Там же. Л. 129 об.; Ед. хр. 11. Л. 155 об.; ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 739.
Л. 51 об.; Ф. А-2307. Оп. 22. Д. 559. Л. 4.
- 27 ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 739. Л. 15; ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 165. Л. 122, 123;
Белозерова И.В. Собор Покрова... С. 105.
- 28 ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 739. Л. 16—16 об.; 21 об. —22 об.; ОПИ ГИМ. Ф. 54.
Ед. хр. 165. Л. 140—142; *И.Ш.* Церковники и их агенты перед народным
революционным судом. V. Отзвуки дела Бейлиса (Дело об антисемит-
ской агитации в московском соборе Василия Блаженного в связи с об-
наружением в нем усыпальницы «мученика Гавриила») // Революция
и церковь. 1919. № 6/8. С. 74.
- 29 *И.Ш.* Церковники... С. 76.
- 30 ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 739. Л. 42.
- 31 ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 22. Д. 559. Л. 1; Ф. А-2306. Оп. 28. Д. 12. Л. 90 об.
- 32 ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 22. Д. 559. Л. 2. Орфография и пунктуация докумен-
тов сохранены.
- 33 ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 22. Д. 559. Л. 2—3, 5.
- 34 Там же. Оп. 3. Д. 253. Л. 8 об.

- 35 ОПИ ГИМ. Ф. 417. Ед. хр. 315. Л. 49 об.
- 36 ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 3. Д. 99. Л. 13.
- 37 *Тимофеева Н.Н.* Реставрационные работы в Покровском соборе в период Гражданской войны // Труды ГИМ. М., 2004. Вып. 143. С. 117.
- 38 ЦГА Москвы. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 48; Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 113; Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 54.
- 39 ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 3. Д. 99. Л. 7, 8, 10, 11.
- 40 ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 138. Л. 126; *Белозерова И.В.* Собор Покрова... С. 106; *Баталов А.Л., Успенская Л.С.* Собор Покрова на Рву (храм Василия Блаженного). М., 2010. С. 64—65.
- 41 Анкета составлена в период с января по апрель 1922 г., так как в ней не упоминается второй арест (ЦГА Москвы. Ф. 1215. Оп. 3. Д. 18. Л. 106).
- 42 Архив отдела «Покровский собор». П. 5/2. Ед. хр. 97.
- 43 *Берхина Т.Г.* Хранители царского обета. М., 2017. С. 76; «Правда». № 84. 29 апреля 1922 г.
- 44 ЦГА Москвы. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 41 об. —42.
- 45 НИОР РГБ. Ф. 177. К. 1. Ед. хр. 4. Л. 13 об.; *Дмитриева И.А.* Краеведческая деятельность московских священнослужителей (конец XIX — начало XX века) // Вестник Православного Свято-Тихоновского Богословского института: Филология. История. Педагогика. М., 2003. № 1. С. 117.
- 46 ОПИ ГИМ. Ф. 417. Ед. хр. 323. Л. 25; *Белозерова И.В.* Собор Покрова... С. 110—111.
- 47 Архив отдела «Покровский собор». П. 2/1. Ед. хр. 1. Л. 1; *Сарачева Т.Г.* Музейная летопись Покровского собора: К 90-летию открытия музея. М., 2013. С. 18.

Е.И. Серебрякова

По следам работы И.И. Кузнецова с рукописями Синодальной библиотеки

В 1920 г. в Исторический музей из бывших патриарших палат при соборе 12 Апостолов в Кремле была окончательно перемещена Синодальная библиотека — знаменитое собрание греческих и славянских рукописных и старопечатных книг, вкуче с архивными документами и подсобной библиотекой русских и иностранных научных изданий¹. Заведующий Синодальной библиотекой Н.П. Попов (1864—1938), работавший в этой должности с 1900 г., и его помощник А.Д. Седельников (1888—1934), пришедший туда в 1917 г. после окончания Московского университета, стали сотрудниками Государственного исторического музея². Так в Отделе рукописей ГИМ «по наследству» оказалась Книга записей выдачи читателям рукописей Синодальной библиотеки (далее — КЗ). Именно в ней нами была обнаружена целая россыпь автографов–расписок о. Иоанна Кузнецова о получении рукописей — как наглядная иллюстрация (буквально по годам и месяцам) его исследовательских трудов, результатом которых явилась фундаментальная монография «Святые блаженные Василий и Иоанн, Христа ради юродивые, Московские чудотворцы» (М., 1910).

КЗ интересна как своеобразный исторический артефакт, имеющий несомненный потенциал исторического источника. Хронологический интервал ее записей охватывает 36 лет — с 1894 по 1930 г. За эти годы произошли исторические события, кардинально изменившие судьбу Российского государства, что, естественно, отразилось и на Синодальной библиотеке как учреждении: от стабильного, строго регламентированного существования в ведомстве Конторы Святейшего Правительствующего Синода до бурных лет послереволюционного вхождения в структуру ГИМ и окончательного «растворения» в Отделе рукописей музея. По записям в КЗ

на протяжении многих лет с большой полнотой можно проследить использование научным сообществом России и Европы рукописных памятников Синодального собрания, и не в последнюю очередь она представляет собой замечательное собрание автографов отечественных и зарубежных ученых, византинистов и славистов разных специальностей — историков государства и церкви, филологов, литературоведов, искусствоведов и многих других.

КЗ представляет собой солидный фолиант (37×24×5 см) в твердом картонном переплете, крышки оклеены темно-коричневым тисненым дерматином, корешок и уголки — из зеленовато-серого плотного сатина, цветной «венедианский» обрез. Это образец продукции фабрики конторских книг, типографии и литографии купца 2-й гильдии Н.И. Куманина, находившейся в Москве на Мясницкой улице; вероятно, приобретена КЗ в его же магазине конторских книг и канцелярских материалов на Никольской улице. На развороте форзацев помещены две небольшие овальные фабричные марки, представляющие собой тонко выполненные гравюры: слева — очень подробный вид фабрики Куманина на Мясницкой, а справа — реклама его магазина на Никольской, с воспроизведением всевозможных знаков отличия, подтверждающих качество товара. Изначально книга содержала 250 листов белой лощеной бумаги «в линейку»; необходимые для целей библиотеки вертикальные графы были выполнены красной краской, очевидно, по особому заказу: три графы слева — для даты выдачи, отдельно номеров греческих и славянских рукописей; особо широкое среднее поле для имени и статуса занимающегося читателя; справа — дата возвращения рукописи. На чистом начальном листе — написанное от руки заглавие: «Книга для записи рукописей, выдаваемых из Московской Синодальной библиотеки в читальную комнату для приходящих ученых. С 1894 г.» (рис. 1).

Заслуга обустройства «читальной комнаты» принадлежит синодальному ризничему (до 1896 г.) архимандриту Владимиру (Филантропову) (1842—1916), чей труд «Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки: рукописи греческие» (М., 1894. Ч. 1) по сей день продолжает оставаться незаменимым для изучения греческих манускриптов Синодальной библиотеки. Как протекала работа посетителей библиотеки (в том числе, конечно, и о. Иоанна Кузнецова) живо отражено в воспоминаниях А.И. Соболевского: «Для занятий ученых

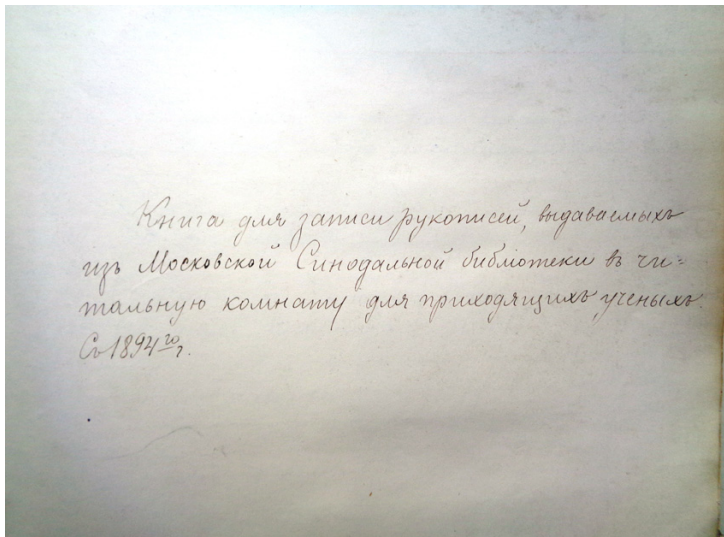

Рис. 1. «Книга для записи рукописей, выдаваемых из Московской Синодальной библиотеки в читальную комнату для приходящих ученых. С 1894 г.»
Заглавие (автограф С. Сироткина, зав. Синодальной библиотекой)

была отведена отгороженная решеткой часть передней в квартире о. ризничего при храме свв. 12 Апостолов в Кремле, вмещавшая в себе большой стол и несколько стульев с окном во двор... Эта своеобразная зала для занятий при обилии света была вполне удобна в теплое время года, зимою же в ней было холодно, как и во всей квартире о. ризничего, когда-то покоях московского патриарха. Некоторые духовные лица занимались в большой приемной комнате о. ризничего, где зимою было, кажется, еще холоднее, чем в передней, так что приходилось сидеть в шубе и калошах, с перчатками на руках. Время для занятий было определенное — с 10 утра до 4 дня. Но приезжим о. ризничий разрешал заниматься, когда они хотели и сколько хотели...»³.

С 1894 и до конца 1896 г. записи в графах сделаны крупным аккуратным почерком Сергея Сироткина, помощника ризничего и заведующего библиотекой (в ОР ГИМ хранится составленное им описание свитков Успенского собора)⁴. Все записи ведет только сам библиотекарь, записывая фамилии и чины читателей в родительном падеже; автографов практически нет. К сожалению, первые 5 листов за 1897 г. в КЗ утрачены (вырезаны). Записи сохранились

только с октября, причем изменился их характер: в графе для номера рукописи принадлежность к славянскому или греческому собранию приписывается в скобках. Особенно бросается в глаза то, что господа посетители все чаще сами начинают расписываться за полученные рукописи. В настоящий альбом автографов КЗ превращается с 1898 г.: с разной степенью подробности и с разными формулировками читатели вписывают свои имена и фамилии, звания, должности, учреждения и сословия; иногда пишут и названия рукописей. Здесь соседствуют ученые профессора и студенты светских и духовных заведений, учителя гимназий, священнослужители, крестьяне-старообрядцы и т. д.

Изменения в характере ведения КЗ могут разъяснить сведения фонда РГАДА «Дела Синодальной конторы» (ф. № 1183), касающиеся библиотеки: № 156 за 1898 г. «Дело о призыве заведующего Синодальной библиотекой помощника ризничего Сергея Сироткина в учебный воинский сбор», о привлечении к работе помощника секретаря Синодальной конторы Н.П. Попова; № 13 за 1900 г. «Об увольнении заведующего Синодальной библиотекой надвального советника Сироткина от должности» и № 25 «Об определении помощника секретаря Конторы коллежского асессора Николая Попова заведующим Синодальной (бывшею Патриаршею) библиотекою». Возможно, в предоставлении посетителям «читальной комнаты» права собственноручных записей в КЗ сыграло роль то, что у Н.П. Попова был довольно неразборчивый «тяжелый» почерк. Это подтверждается сравнением почерков трех заведующих Синодальной библиотекой — архимандрита Владимира, С. Сироткина и Н. Попова о приеме–сдаче рукописного собрания в Описи Синодальной библиотеки (ГИМ 1211, л. 21) (рис. 2). В научной библиотеке ОР ГИМ хранится экземпляр монографии И.И. Кузнецова 1910 г. из личной библиотеки Н.П. Попова с дарственной надписью: «Многоуважаемому Николаю Петровичу Попову на добрую память — автор. 1911 г. 28 сент.» (рис. 3).

Обращаясь непосредственно к записям на страницах КЗ о работе И.И. Кузнецова, приведем его слова, завершающие обзор списков Жития Василия Блаженного из монографии 1910 г.: «... мы... 14 лет... занимались своим исследованием...»⁵. Действительно, самая первая запись обнаруживается 21 февраля 1896 г., еще при заведующем Синодальной библиотекой С. Сироткине, крупным почерком которого выведено в родительном падеже: «священнику

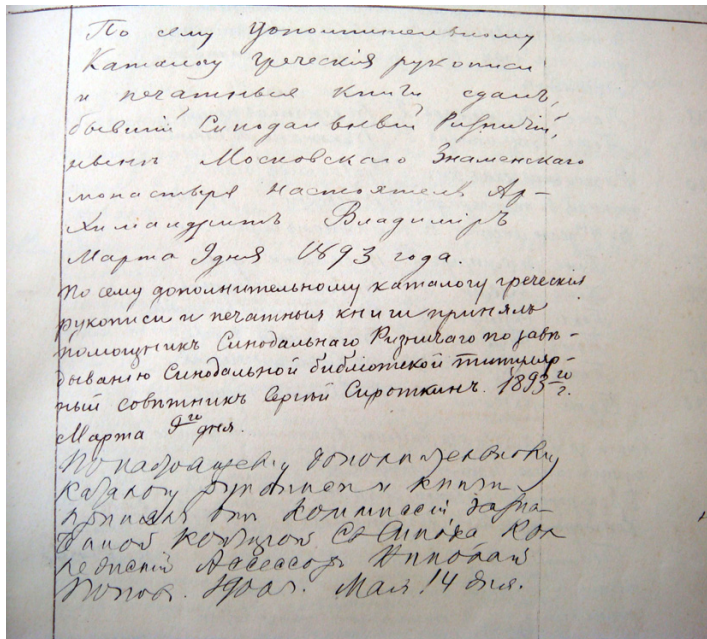

Рис. 2. Расписки в сдаче–приеме рукописей Синодальной библиотеки (автографы архимандрита Владимира (Филантропова), С. Сироткина, Н.П. Попова).
Опись Синодальной библиотеки 1862. Син. 1211. Л. 9 об.

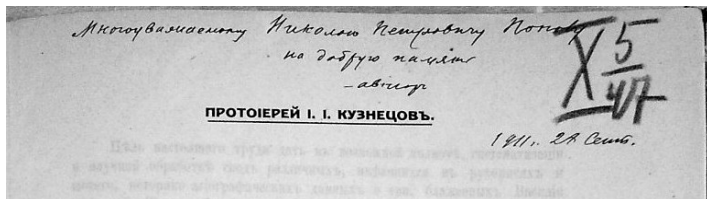

Рис. 3. Дарственная запись И.И. Кузнецова Н.П. Попову на титульном листе издания 1910 г.

Иоанну Кузнецову». Первые две выданных ему рукописи — июльский и августовский тома Милютинских Миней (№№ 707 и 708), составленные священником Иоанном Милютиным в 1646—1654 гг., содержащие Жития многих русских святых. Эти рукописи о. Иоанн сдает в тот же день, а в следующие 5 дней его занятий (с 22 февраля по 2 марта) ему выдается не по две и не по пять рукописей в день (как положено по правилам Синодальной библиотеки), а по десять и более рукописей (26 февраля — 16!). В правилах Синодальной библиотеки подобное исключение было оговорено — «по усмот-

рению заведующего». Судя по отсутствию в КЗ других имен, в эти дни в «читальной комнате» занимается только один И.И. Кузнецов. Действительно, о. Иоанн к этому времени — уже известный в научных кругах автор, издавший в 1895 г. книгу о Покровском соборе, обнаруживший в рукописях Румянцевского музея имена строителей Бармы и Постника⁶. Рукописи, которые он просматривает в эти дни, — не только сугубо житийные, но также ряд исторических сборников и летописцев, где он разыскивает сведения, относящиеся к свв. Василию и Иоанну Блаженным и к Покровскому собору.

Следующее длительное посещение Синодальной библиотеки И.И. Кузнецовым состоялось 12 ноября 1896 г. В этот день впервые служащий Синодальной конторы М. Ключарев доставляет ему из библиотеки Чудова монастыря Минею за август из комплекта Годуновских Миней 1600 г. (Чуд. 317). Основной текст Полной редакции Жития Василия Блаженного для публикации в будущей книге о. Иоанн избирает из этого тома. До 19 ноября он работает только с Чуд. 317, но далее с 20 ноября по 12 декабря он успевает просмотреть еще 57 рукописей, преимущественно богослужебных, и несколько летописцев. Среди прочих 25 ноября он знакомится с Записными книгами патриарших выходов, ему выдают из Патриаршей ризницы Служебник патриарха Иова. 28 ноября он просматривает ряд рукописей Успенского собора, а с 29 ноября прикает к Великим Минеям Четым митрополита Макария (Успенскому комплекту), получая по одному тому каждый день. Имя И.И. Кузнецова вписывает в «посетительскую» графу по датам еще сам библиотекарь С. Сироткин («свящ.» или «о. Иоанну Кузнецову»). В эти дни он работает в «читальной комнате» не один; например, 11 декабря 1896 г. рядом с ним занимается автор «Истории Русской церкви» проф. Е.Е. Голубинский (рис. 4).

Отметим, что в конце 1896 г. идут дополнительные записи М. Ключарева о выдаче и возврате рукописей из других монастырей: помимо Чудова монастыря, названы Кириллов-Новоезерский и Новоторжский Борисоглебский монастыри, Нилова пустынь, Холмогорский Спасо-Преображенский собор, Антониево-Сийский монастырь, Архангельская духовная семинария. Из «Дел Синодальной конторы» известно, что в Синодальной библиотеке существовала практика выдачи собственных рукописей в другие учреждения и получения по требованию занимающихся ученых рукописей из подведомственных Синоду монастырей и духовных

№№ грех. рукописей	№№ свей	Имена и фамилии людей занимающихся	Даты, номера и названия рукописей в Библиот.
994		О. Иоанну Курицову	
105	}	Гну Александру Измирскому	Декабрь 9 ^{го}
457			
158			
283	}	О. Иоанну Звонинского	Декабрь 9 ^{го}
995			
992		О. Иоанну Курицову	Декабрь 11
		О. Иоанну Курицову	Декабрь 12
III	}	Е. Е. Толубинскому	Декабрь 12 ^{го}
2			
330			
346			
308			
368			
991		О. Иоанну Курицову	Дек. 16 ^{го}
330		Суд М. Д. А. Ивану Орловскому	Дек. 16
		М. Д. А. Ивану Орловскому. Нотариус М. Костин	

Рис. 4. Записи о выдаче рукописей И.И. Кузнецову. Декабрь 1896 г. (автограф С. Сироткина)

заведений. Хотя за них расписывается только сам М. Ключарев, сравнивая их названия с упомянутыми в монографии И.И. Кузнецова, похоже, что многие вышеназванные записи также могут относиться именно к его работе 1896 г.

Поскольку часть листов КЗ за 1897 г. вырезана, дальнейшие занятия И.И. Кузнецова обнаруживаются только в декабре 1897 г. 19 декабря он получает семь рукописей — хронографические и житийные сборники. Именно здесь впервые появляется собственноручный автограф о. Иоанна его узнаваемым почерком: «слав. свящ. Кузнецову». Рядом на странице — другие автографы: например, «Monsieur André Beaunier» (французский исследователь), или «крестьянин Данило Глухов старообрядец беглопоповец». Занятия продолжаются в январе нового 1898 г: с 27 января по 4 февраля он просматривает очередную обширную партию в 35 рукописей. Вновь он берет августовский том Милютинских Миней, затем целый ряд Евангелий и Апостолов для поиска памятней Василия и Иоанна Блаженных в месяцесловах, несколько житийных сборников, летописи, «Латухинскую» Степенную, «Корень великих го-

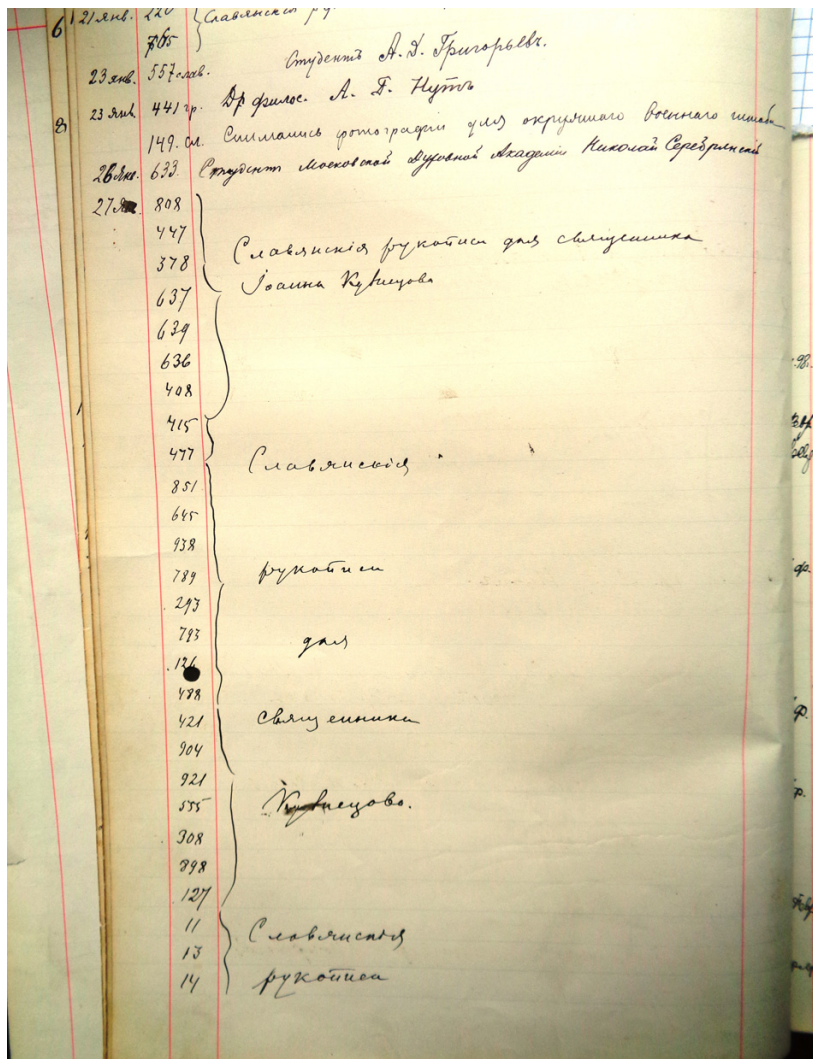

Рис. 5. Записи И.И. Кузнецова о получении рукописей. Январь 1898 г. (автограф)

сударей», Космографию 1690 г. и ряд других. Все выдачи рукописей записаны на нескольких смежных страницах, на развороте которых рукой о. Иоанна несколько раз размашисто повторено: «славянские рукописи для священника Иоанна Кузнецова» (рис. 5).

Следующие три года (1899—1901), судя по отсутствию записей в КЗ, И.И. Кузнецов с рукописями Синодальной библиотеки не за-

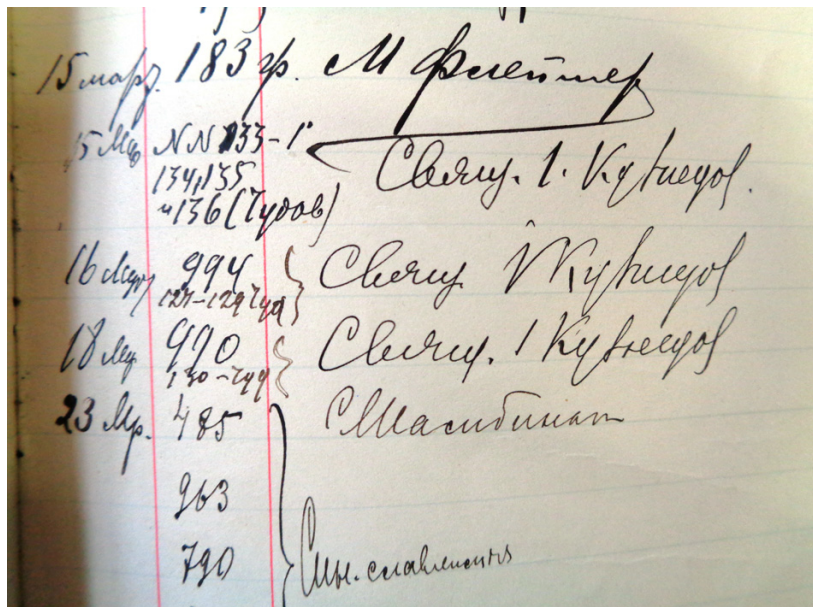

Рис. 6. Записи И.И. Кузнецова о получении рукописей. Март 1902 г. (автограф)

нимался. Его автографы («Свящ. И. Кузнецов») вновь появляются в 1902 г.: 25 и 26 февраля он заново просматривает июль и август Макарьевских Великих Миней (Син. 996, 997), два сборника (Син. 695, 696). Затем с 15 марта по 4 апреля он обращается к библиотеке Чудова монастыря (рис. 6), которая была полностью передана в Синодальную библиотеку в 1899 г.⁷ При этом за ним продолжают числиться майский и январский тома Великих Миней Четых. Очевидно, в этот раз он занимается поисками текстов, послуживших литературными источниками безымянному составителю Жития Василия Блаженного. Этот блок сравнительных исследований ряда святоотеческих учительных текстов составляет вторую часть его монографии. Вновь в 1902 г. он находит время для посещения библиотеки только 15 октября — просматривает том Лицевого летописного свода («Царственный летописец» Син. 149), летописные сборники, вновь Чудовскую Минею за июль (Чуд. 316).

Пропустив 1903 г., И.И. Кузнецов в 1904 г. вновь обращается для текстологических уточнений к ряду рукописей Успенского собора и Великим Миней Четым. Его автографы «Свящ. И. Кузнецов» на страницах КЗ с перерывами появляются с 12 февраля

по 12 марта. Интересно, что некоторые из них резко выделяются среди прочих расписок зеленым цветом чернил.

Вновь после трех лет отсутствия (1905—1907) автограф о. Иоанна (просто — «славянские, Кузнецов») появляется 19 декабря 1908 г.: он просматривает пять сборников Синодального собрания. Нет записей за 1909 г., но 17 марта 1910 г. читаем в КЗ собственноручную расписку за выдачу трех рукописей Синодального собрания — «прот. И. Кузнецов» (в чин протоиерея И.И. Кузнецов был возведен еще в 1904 г.).

Дальнейшие посещения И.И. Кузнецовым Синодальной библиотеки единичны: в 1911 г. 29 февраля он просматривает 4 рукописи, расписываясь просто «И. Кузнецов». В 1913 г. 18 декабря о. Иоанн смотрит снова июльскую Милютинскую Минею (Син. 807) и сборник Син. 636 («прот. И. Кузнецов»). Последний автограф И.И. Кузнецова в КЗ «прот. И. Кузнецов» встречен нами 12 и 13 января 1916 г. при выдаче пяти Синодальных рукописей (рис. 7).

Итак, все 14 лет (1896—1910) работы о. Иоанна Кузнецова над исследованием и изданием Житий свв. Василия и Иоанна Блаженных, а также его последующие обращения к рукописям для уточнения данных в переизданиях, и для дальнейших научных разысканий по истории Покровского собора отражены в КЗ Синодальной библиотеки. Сравнение шифров выдаваемых рукописей с упоминаемыми в монографии 1910 г. показало, что все рукописи Синодальной библиотеки, с которыми работал о. Иоанн, в той или иной степени им охарактеризованы. Наиболее обстоятельное и квалифицированное описание дано, конечно, Чудовской августовской Минее (Чуд. 317), с учетом ее палеографических и орфографических особенностей⁸. Как пример научной добросовестности, на с. 125—127 монографии перечислены богослужебные рукописи, где могли бы быть памяти св. Василия Блаженного (в том числе Служебник патриарха Иова и певчий сборник Чуд. 60), но там их «...против ожидания, нет».

Помимо рукописей Синодальной библиотеки, в издании 1910 г. отражен огромный объем памятников других собраний. Это прежде всего рукописи Покровского собора, собрание Российского Исторического музея, с которым у И.И. Кузнецова были тесные связи — и как читателя, и как дарителя. Занимался он и с памятниками библиотеки А.И. Хлудова в Никольском Единоверческом монастыре, собрания гр. А.С. Уварова в Поречье, московской Епар-

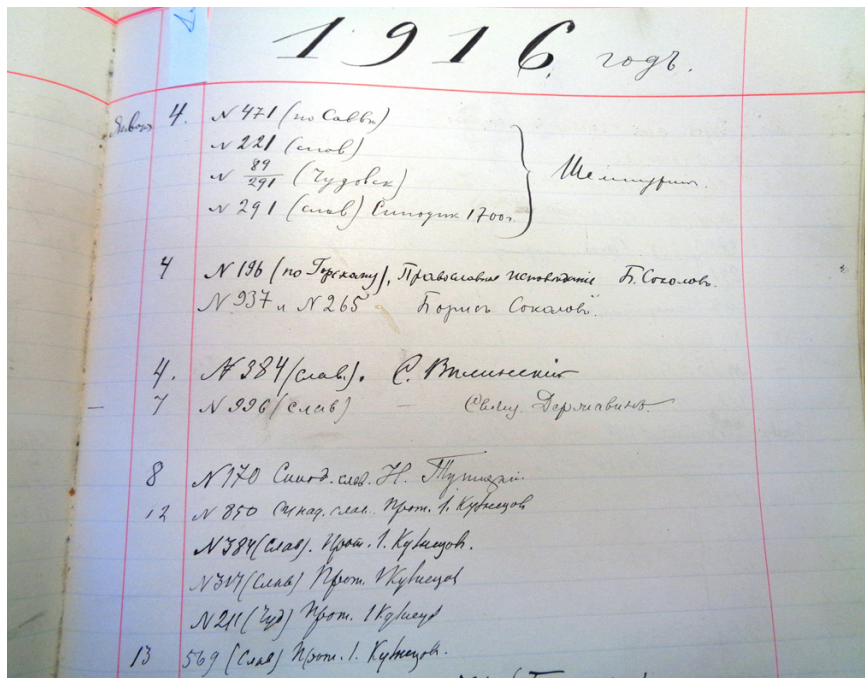

Рис. 7. Записи И.И. Кузнецова о получении рукописей. Январь 1916 г. (автограф)

химальной библиотеки, Синодального училища церковного пения, также оказавшихся в ГИМ после революции 1917 г.⁹ Работал он и с рукописями библиотек Троице-Сергиевой лавры и Московской духовной академии, перемещенных в 1920-е годы в Москву в Румянцевский музей (ныне НИОР РГБ), и с рукописями хранилищ Санкт-Петербурга — Императорской Публичной библиотеки (ныне РНБ), Библиотеки Академии наук (БАН).

Необходимо упомянуть, что в конце КЗ имеется блок особых записей выдачи читателям книг подсобной научной библиотеки при Синодальном собрании с 1915 г. по 1930 г. (1930 г. — последний год самостоятельного существования Синодальной библиотеки как особого подразделения в стенах ГИМ). Монография «Святые блаженные Василий и Иоанн, Христа ради юродивые, Московские чудотворцы», наряду с книгами В.О. Ключевского, П.Н. Барсукова и других исследователей отечественной агиографии, неоднократно выдается посетителям, что подчеркивает несомненный авторитет капитального труда И.И. Кузнецова.

Приложение

Список рукописей Синодальной библиотеки, с которыми работал И.И. Кузнецов (по датам в КЗ)

Номера рукописей в КЗ соответствуют действующим в настоящее время шифрам и номерам Синодального собрания **Син.**, Чудовского собрания **Чуд.**, Успенского **Усп. (бум.)** В скобках указаны номера по изд.: *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Синодальной библиотеки. Отд. I—III. М., 1855—1917 (ГН); *Протасьева Т.Н.* Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А.В. Горского и К.И. Невоструева). Ч. I—II. М., 1970—1973 (П).

1896 г.

- 21.02. Син.** 808 Милютинские Минеи 1645—1654 гг. август (П 819); 807 июль (П 818)
- 22.02. Син.** 806 Милютинские Минеи июнь (П 817), 61 Евангелие тетр XVI в. (ГН 44), 147 Дм. Ростовского Летописец (П 619), 399 Евангелие тетр XVI в. (ГН 34), 410 Сборник XVII в. (П 975), 838 Параклит 1386 г. (ГН 420), 356 Сборник XVI в. (П 936), 400 Евангелие тетр XVI в. (ГН 39), 466 Сборник XVI в. (П 764), 515 Минея служебная июнь (ГН 470)
- 26.02. Син.** 140 Сборник XVII в. (П 950), 241 Пролог XVII в. (П 903), 356 Сборник XVI в. (П 936), 466 Сборник XVI в. (П 764), 516 Минея служебная июнь (ГН 469), 519 Минея служебная июль (ГН 473), 521 Минея служебная август (ГН 475), 523 Минея служебная август (ГН 476), 530 Сборник против латинян (ГН 568), 816 Сборник XVI в. (ГН 564), 831 Сборник XVII в. (П 984), 832 Сборник XVI в. (П 933), 833 Сборник XVII в. (П 948), 862 Месяцеслов XVII в. (ГН 531), 878 Месяцеслов XVII в. (ГН 530), 983 Свиток с материалами для мирования XVII в. (ГН 538)
- 27.02. Син.** 629 Сборник служб русским святым 1604 г. (ГН 493), 630 Сборник служб русским святым XVI в. (ГН 489), 624 Сборник служб XVII в. (ГН 508), 850 Сборник XVII в. (П 974), 886 Сборник служб русским святым XVI в. (ГН 491)
- 02.03. Син.** 887 Сборник служб русским святым XVII в. (ГН 492), 790 Сборник с «Баркулабовской летописью» (П 739), 631 Служба Евфимию Суздальскому XVII в. (ГН 512), 625 Служба и жития Зосимы и Савватия Соловецким XVII в. (П 663)

- 12.11. Син.** 338 Хронограф ред. 1617 г. XVII в. (П 1044), 362 Апофегмата XVII в. (П 588), 389 Повесть о белом клобуке XVII в. (П 890), 392 Постнические слова XVII в. (ГН 148), 400 Евангелие тетр XVI в. (ГН 39), **Чуд.** 317 (из библиотеки Чудова монастыря получил М. Ключарев).
- 13.11. Син.** 615 Служебник XVI в. (ГН 358), 617 Служебник XVII в. (ГН 362), 337 Устав 1553 г. (ГН 389), 946 Устав XVII в. (ГН 392)
- 15.11. Син.** 467 Канонник XVI в. (ГН 504), 470 Канонник XVI в. (ГН 502), 744 Житие Александра Свирского XVII в. (П 650), 936 Канонник XVI в. (ГН 505), **Усп.** 89 Книга записи служб Успенского собора 1666—1743 гг.
- 16.11. Син.** 720 Анфологион н. XVIII в. (ГН 500), 772 Канонник XVII в. (ГН 515), 773 Канонник XVI в. (ГН 499), 775 Канонник XVII в. (ГН 509)
- 18.11. Син.** 778 Канон за единоумершего XVIII в. (ГН 557), 795 Статьи Псалтири XVIII в. (ГН 566), 867 Канонник XVIII в. (ГН 513), 870 Канонник XVII в. (ГН 495), 934 Канонник XVI в. (ГН 506)
- 19.11. Син.** 469 Каноны русским святым XVI в. (ГН 507), 686 Стоглав XVII в. (ГН 334), 834 Канонник XVII в. (ГН 510), 902 Устав XVII в. (ГН 401), 944 Пчела XV—XVII в. (ГН 313)
- 20.11. Син.** 623 Сборник XVII в. (П 969), 642 Сборник с Космографией (ГН 563), 709 Псалтирь с воследованием XVI в. (ГН 409), 855 Псалтирь с воследованием XVI в. (ГН 410), 913 Псалтирь с воследованием XVI в. (ГН 411)
- 22.11. Син.** 486 Летописец XVI в. (П 743), 599 Служебник XVII в. (ГН 353), 791 Сборник исторический XVI в. (П 746), 938 Краткий летописец XVII в. (П 748), 939 Сборник летописный XVI в. (П 745)
- 23.11. Син.** 488 Сборник летописный XVII в. (П 766), 953 Устав XVII в. (ГН 395), 963 Летописный сборник XVII в. (П 760), 964 Летописный сборник XVII в. (П 761), 965 Летописный сборник XVII в. (П 762)
- 25.11. Син.** 210 Палея 1477 г. (П 868), 93 Книга записная патриарших служб (П 697), 423 Чиновник XVII в. (П 693), 426 Книга записная патриарших служб (П 695), 1074 Служебник патриарха Иова (из ризницы)
- 28.11. Усп. (бум.)** 47 Сборник служб нач. XVII в., 48 Минея служебная август XVI в., 50 Сборник канонов XVI—XVII в., 51 Сборник канонов XVII в., 49 Сборник канонов XVII в.

- 29.11. Син.** 996 Великие Минеи Четъи июль (П 794)
30.11. Син. 996 Великие Минеи Четъи июль (П 794)
02.12. Син. 995 Великие Минеи Четъи июнь (П 793)
07.12. Син. 994 Великие Минеи Четъи май (П 792)
10.12. Син. 993 Великие Минеи Четъи апрель (П 791)
11.12. Син. 992 Великие Минеи Четъи март (П 790)
12. 12. Син. 991 Великие Минеи Четъи февраль (П 789)

1897 г.

- 19.12. Син.** 151 Хронографический сборник XVII в. (П 1047), 872 Трефологий 1445 г. (ГН 478), 483 Сборник с летописными статьями (П 964), 555 Торжественник XVI в. (П 942), 556 Торжественник XVI в. (П 927), 337 Устав 1563 г. (ГН 389), 820 Сборник полемический XVII в. (ГН 267)

1898 г.

- 27.01. Син.** 808 Милютинские Минеи 1645—1654 гг. август (П 819), 447 Златоуст XVI в. (ГН 234), 378 Толкование на литургию XVII в. (ГН 571), 637 Сборник житий 1459 г. (П 923), 639 Сборник житий XV—XVI вв. (П 929), 636 Сборник житий XVI в. (П 926), 408 Сборник поучений и житий XVII в. (ГН 212), 415 Летописный сборник (П 765), 477 Сборник XVII в. (П 977), 851 Златоуст XVII в. (ГН 233), 645 Троицкий летописец («Уваровская летопись») (П 758), 938 Краткий летописец XVII в. (П 748), 789 Софийская летопись XVI в. (П 757), 293 «Латухинская» Степенная (П 703), 793 Владимирский летописец XVI в. (П 740), 126 «Корень великих государей» (П 698), 488 Летописный сборник, XVII в. (П 766) 421 Сборник XVI в. (ГН 324), 904 Сборник поучений XVII в. (П 986), 921 Сборник XVII в. (ГН 336), 555 Сборник XVI в. (П 942), 308 Требник XVII в. (ГН 379), 898 Требник XVI в. (ГН 378), 127 Космография 1690 г. (П 727), 11 Апостол и Евангелие тетр XVI в. (ГН 40), 13 Апостол XVI в. (ГН 49), 14 Апостол XVI в. (ГН 47), 16 Апостол XVI в. (ГН 51), 60 Евангелие апракос XVI в. (ГН 38), 62 Евангелие апракос XVI в. (ГН 37), 74 Евангелие тетр XVI в. (ГН 36), 451 Тропник XVII в. (ГН 238), 584 Иоакима патриарха Роспись славленным деньгам (П 683), 810 Апостол и Евангелие тетр XVI в. (ГН 35)

1902 г.

- 26.02. Син** 997 Великие Минеи Четъи август (П 795)
- 27.02. Син.** 996 Великие Минеи Четъи июль (П 794), 695 Устав Успенского собора (ГН 399), 696 Устав Успенского собора о церковном звоне (ГН 397)
- 15.03. Чуд.** 133 Минея служебная август 2-я пол. XVI в., 134 Минея служебная август кон. XVI в., 135 Минея служебная август сер. XVI в., 136 Минея служебная август кон. XVI в.
- 16.03. Син.** 994 Великие Минеи Четъи май (П 792), **Чуд.** 127 Минея служебная июнь–июль XV в., 128 Минея служебная июль XVI в., 129 Минея служебная июль 1-я пол. XVI в.
- 18.03.Син.** 990 Великие Минеи Четъи январь (П 788), **Чуд.** 130 Минея служебная июль кон. XV в.
- 26.03. Чуд.** 122 Минея служебная май кон. XVI в., 123 Минея служебная май XVI в., 124 Минея служебная июнь 1 пол. XVI в., 125 Минея служебная июнь кон. XVI в., 126 Минея служебная июнь 2 пол. XVI в.
- 28.03. Чуд.** 277 Сборник 1 четв. XVI в., 280 «О ризе Господней» XVII в., 311 Четъя Минея Годуновская 1600 г. февраль, 313 Четъя Минея Годуновская 1600 г. апрель, 315 Четъя Минея Годуновская 1600 г. июнь.
- 01.04. Чуд.** 36 Евангелие тетр 2 пол. XVI в., 37 Евангелие тетр сер. XVI в., 38 Евангелие тетр 2 пол. XVI в.
- 02.04. Син.** 677 Трефолой XVII в. (ГН 485)
- 04.04. Чуд.** 131 Минея служебная август кон. XV в., 132 Минея служебная август 2 пол. XVI в.
- 15.10. Син.** 149 Царственная книга (П 750), **Чуд.** 132 Минея служебная август 2 пол. XVI в., 316 Четъя Минея Годуновская 1600 г. июль, **Син.** 944 Пчела XV–XVI вв. (ГН 313), 936 Канонник XVI в. (ГН 505)

1904 г.

- 12.02. Син.** 944 Пчела XV–XVI вв. (ГН 313), 534 Устав Троицкого и Кирилловского монастырей XVII в. (ГН 400), 946 Устав XVII в. (ГН 392), 863 Святцы XVII в. (ГН 532), 936 Канонник XVI в. (ГН 505), **Чуд.** 316 Четъя Минея Годуновская 1600 г. июль
- 21.02. Усп. (бум.)** 29 Сборник служб русским святым XVI в., 34 Минея служебная октябрь нач. XVI в., 46 Минея служебная июль XVI в., 47 Сборник служб нач. XVII в., 48 Минея служебная август XVI в.

- 27.02. Усп. (бум.)** 49 Сборник канонов XVII в., 55 Стихирарь и ирмолог XVI в., 56 Праздники крюковые кон. XVII в., 57 Праздники крюковые кон. XVII в., 58. Праздники крюковые кон. XVII в.
- 28.02. Усп. (бум.)** 59 Праздники крюковые кон. XVII в., 60 Праздники и Триодь постная и цветная нач. XVIII в., 61 Праздники и Триодь постная и цветная нач. XVIII в.
- 01.03. Усп. (бум.)** 1 Евангелие тетр 1499 г., 2 Евангелие тетр XV в., 63 Триодь постная и цветная кон. XVII в., 34 Минея служебная октябрь нач. XVI в., 74 Летописец Дмитрия Ростовского сер. XVIII в., 75 Сборник слов XVIII в., **Син.** 988 Великие Минеи Четьи ноябрь (П 786)
- 03.03. Усп. (бум.)** 35 Минея служебная октябрь XVI в., 36 Минея служебная ноябрь XVI в., 40 Минея служебная март XVI в., 41 Минея служебная апрель XV в., 42 Минея служебная май 1494 г.
- 05.03. Чуд.** 317 Четья Минея Годуновская 1600 г. август, **Син.** 491 Максим Грек (ГН 191), 946 Устав XVII в. (ГН 392)
- 06.03. Чуд** 317 Четья Минея Годуновская 1600 г. август
- 08.03. Чуд.** 317 Четья Минея Годуновская 1600 г. август, Усп. 43 Минея служебная май XVI в., 44 Минея служебная июнь XVI в., 45 Минея служебная июль XVI в.
- 12.03. Син.** 991 Великие Минеи Четьи февраль (П 789), 946 Устав XVII в. (ГН 392)

1907 г.

- 19.12. Син.** 528 О власти папской 1693 г. (ГН 309), 827 Октоих XV в. (ГН 413), 536 Октоих XVI в. (ГН 416), 537 Октоих XVI в. (ГН 417), 589 Стихирарь XVI в. (ГН 517)

1910 г.

- 17.03. Син.** 858 Сборник Димитрия Ростовского с житием Иоанна Устюжского (П 622), 800 Милютинская минея декабрь (П 811), 797 Милютинская минея сентябрь (П 808)

1911 г.

- 29.03. Син.** 675 Требник XVII в. (ГН 371), 952 Служебник Сергия Радонежского (ГН 347), 510 Минея служебная март XVI в. (ГН 462), 511 Минея служебная март XVI в. (ГН 463)

1913 год

18.12. Син. 807 Милютинская минея июль (П 818), 636 Сборник житий и апокрифов XVI в. (П 926)

1916 год

12.01. Син. 850 Сборник XVII в. (П 974), 384 Сборник XVI в. (ГН 235), **Чуд.** 317 Четья Минея Годуновская 1600 г. август, 211 Житие Ефрема Сирина и Паренесис XVI в.

13.01. Син 569 Сборник XVI в. (ГН 322).

-
- ¹ Передача осуществлена по постановлению коллегии Наркомпроса от 1 сентября 1918 г. (*Щепкина М.В., Протасьева Т.Н.* Сокровища древней письменности и старой печати // Труды ГИМ. М., 1995. Вып. 30. С. 12).
- ² Н.П. Попов и А.Д. Седельников — известные историки, археографы, авторы трудов по древнерусской литературе; оба привлекались по «Делу славистов» 1934 г.; А.Д. Седельников был арестован и скончался в Бутырском изоляторе (*Ашинин Ф.Д., Алпатов В.М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1944. С. 30, 86, 227—228; *Костюхина Л.М.* Хронологический список трудов Александра Денисовича Седельникова // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. XVII. С. 627—628).
- ³ *Соболевский А.И.* Епископ Владимир // Русский Филологический Вестник. 1916. Т. 76. Вып. 1. № 3. С. 151—154. Цит. по: *Фонкич Б.Л., Поляков Ф.Б.* Греческие рукописи Московской Синодальной библиотеки. М., 1993. С. 227.
- ⁴ *Щепкина М.В., Протасьева Т.Н.* Сокровища древней письменности... С. 33.
- ⁵ *Кузнецов И.И., прот.* Святые блаженные Василий и Иоанн, Христа ради [юродивые], Московские чудотворцы: Историко-агиографическое исследование. Б.г. [М., 1910]. С. 29.
- ⁶ *Кузнецов И., свящ.* О построении Московского Покровского (Василия Блаженного) собора (новые летописные данные) // ЧОИДР. 1896. Кн. 1. Ч. IV. С. 19—24; *Он же.* Еще новые летописные данные о построении Московского Покровского (Василия Блаженного) собора // ЧОИДР. 1896. Кн. 2. Ч. IV. С. 23—36.
- ⁷ *Попов Н.П.* Недавние поступления в Синодальную библиотеку // ЖМНП. 1909. Кн. IX (отдельный оттиск).
- ⁸ *Кузнецов И.И., прот.* Святые блаженные Василий и Иоанн... С. 4—6.
- ⁹ См.: *Щепкина М.В., Протасьева Т.Н.* Сокровища древней письменности... С. 9, 38, 43, 53, 72.

И.И. Кузнецов о Житии Василия Блаженного: проблемы текстологии и сохранности списков¹

Исследование протоиерея Покровского собора И.И. Кузнецова о святых блаженных Василии и Иоанне вышло в 1910 г.² и получило не во всем положительные отзывы проф. А.И. Соболевского и проф. И.Е. Евсеева³. Несмотря на открывшуюся сразу же по выходе книги дискуссию, данная работа не превзойдена в науке и заслужила высоких оценок как первый и весьма основательный историко-агиографический опыт⁴. Замечания в адрес концепции Кузнецова высказывали А.М. Панченко, Л.М. Сабирова (Орлова) и Т.Р. Руди, однако критика касалась частных вопросов⁵. Здесь мы остановимся на проблемах текстологии Жития Василия Блаженного в творческом наследии о. Иоанна и будем лишь с этой точки зрения касаться сегодняшнего состояния исследований рукописной традиции Жития и биографии-жизнеописания блаженного⁶.

И.И. Кузнецов отмечал, что историко-филологическое исследование редакций Жития Василия, как и Жития Иоанна, еще не проводилось: «Исторические сведения о блаженных, сообщаемые Карамзиным, архиепископом Филаретом, митрополитом Макарием и др. историками — кратки и отрывочны и, иногда, противоречивы, а существующие — разных авторов — печатные издания Житий блаженных представляют из себя лишь пересказ, более или менее краткий, рукописных Житий без надлежащей научной обработки и проверки их»⁷. При подготовке монографии И.И. Кузнецовым были учтены беглая заметка В.О. Ключевского о Житии Василия Блаженного, упоминания Василия и Иоанна в «Источниках русской агиографии» Н.П. Барсукова, «Месяцеслове Святых» архиепископа Димитрия (Самбикина) и в менее подробных предшествующих изданиях⁸.

Труд о Житиях Василия и Иоанна состоит из трех частей. В первой сведены первоисточники житийного и нежитийного характера. Вторая представляет собой литературное и историко-агиографическое исследование этих источников. Наконец, в третьей части приведен очерк жизни и подвигов блаженных. В приложении — свод описаний блаженных из иконописных подлинников. Изучение первоисточников заняло не один год («14 лет»)⁹. Извиняясь перед читателем, И.И. Кузнецов оговаривается в самом начале своей монографии, что больше усилий потратил не на обработку данных, а на их собирание, «исключительно почти из многочисленных рукописей, рассеянных по различным библиотекам России»¹⁰. При этом четыре списка из установленных не были им изучены *de visu*¹¹.

В первой части монографии приведены сведения о 41 известном автору списке Жития Василия Блаженного, не считая списка из его личной библиотеки (предшественникам прот. Иоанна было известно лишь 25 списков). Впрочем, в некоторых из них текста *Жития* нет, есть только *Похвальное слово* или *Чудеса*. Известные в настоящее время из просмотренных И.И. Кузнецовым списки представлены в табл. 1¹².

Таблица 1. Списки Жития, доступные И.И. Кузнецову¹³

Номер и шифр по И.И. Кузнецову	В настоящее время	Дата
1	2	3
1) Моск. Синод. б-ка. Чуд. собр. № 317	ОР ГИМ Чуд. № 317	1600 г.
2) Библ. Моск. Покр. соб.	ОР ГИМ. ПС. ГИК. № 103799/21	ок. 1803 г.
3) Моск. Никольский Единоверческий м-рь, Хлуд. № 245	ОР ГИМ. Хлуд. № 245	XIX в.
4) Моск. Никольский Единоверческий м-рь, Озерск. № 202	ОР ГИМ. Хлуд. № 202	XIX в.
5) Моск. Никольский Единоверческий м-рь, Озерск. № 239	ОР ГИМ. Хлуд. № 239	XVII в.
6) Уваровск. б-ка № 1216 (424) (128)	ОР ГИМ. Увар. № 424 (в 4°)	XVIII в.
7) Уваровск. б-ка № 333 (439) (728)	ОР ГИМ. Увар. № 439 (в 2°)	XVII в.
8) Уваровск. б-ка № 1044 (320) (265)	ОР ГИМ. Увар. № 320 (в 2°)	XVII в.
9) Уваровск. б-ка № 1230 (100) (135)	ОР ГИМ. Увар. № 100 (в 2°)	XVII в.
10) Уваровск. б-ка № 1797 (520) (382)	ОР ГИМ. Увар. № 520 (в 4°)	XVI— XVII вв.
11) Уваровск. б-ка № 1960 (605) (457)	ОР ГИМ. Увар. № 605 (в 4°)	XVIII в.
12) Имп. Публ. б-ка № 1008 Q	ОР РНБ. ОСРК. Q.1.1008	XVII в.

Продолжение таблицы 1

1	2	3
13) Имп. Публ. б-ка № Q.1.991	ОР РНБ. ОСРК. Q.1.991	XIX в.
14) Имп. Публ. б-ка. Собр. Ф. Толстого, отд. II, № 295	ОР РНБ. ОСРК. Q.XVII.44 ¹⁴	XVI— XVII вв.
15) Б-ка Ак. Наук. № 32.4.22	ОР БАН. 32.4.22	XVIII в.
16) Моск. Дух. Ак. № 383	НИОР РГБ. МДА (ф. 173.1). № 383	XIX в. (?)
17) Моск. Дух. Ак. № 353	НИОР РГБ. МДА (ф. 173.1). № 353	XIX в.
18) Моск. Дух. Ак. Троиц. № 96	НИОР РГБ. МДА (ф. 173.1). № 96	XVII в.
19) Моск. Дух. Ак. № 32	НИОР РГБ. МДА (ф. 173.1). № 32 (202)	XVII в.
20) Там же	Там же	XVII в.
21) Моск. Публ. Румянц. муз., собр. Унд. № 643	НИОР РГБ. Унд. № 643	XVII в.
22) Моск. Публ. Румянц. муз. собр. Унд. № 293	НИОР РГБ. Унд. 293	XVII в.
23) Там же. Большаковское собр. № 1	НИОР РГБ. Больш. № 1	XVII в.
24) Там же. Большаковское собр. № 155	НИОР РГБ. Больш. № 155	XVII в.
25) Там же. Большаковское собр. № 55	НИОР РГБ. Больш. № 55	XIX в.
26) Там же. Моск. Публ. Музея № 364	НИОР РГБ. Рум. № 364	кон. XVII — нач. XVIII в.
27) Имп. Об-во Любителей Древней Письменности № 48 (1464)	ОР РНБ. ОЛДП (ф. 536). № 61	XVII в.
28) Моск. Синодальной Типографии № 7 (199)	РГАДА. Рукописный отдел Библиотеки Московской Синодальной Типографии (ф. 381). № 199	XVII в.
29) Архив МИД № 639—1150	РГАДА. РОБ МГАМИД (ф. 181). Оп. 1. № 639	XVII в.
30) Б-ка Киевской Духовной академии № 154	НБУ ім. В.І. Вернадського. Інститут рукопису. Ф. 312. № 29 ¹⁵	XVII в.
31) Б-ка Холмогорского Спасо-Преображенского собора № 2 (1061)	Государственный архив Архангельской области. № 233 ¹⁶	1640-е гг.
32) Б-ка Сийского Антониева монастыря № 1934 (126)	ОР БАН. Арх. Д.235	XVII в.

Окончание таблицы 1

1	2	3
33) Б-ка Троице-Сергиевой Лавры № 681 (400)	НИОР РГБ. Троиц.-I (ф. 304.I). № 681	1627–1632 гг.
34) Б-ки СПбДА, Соф. Новг. собора № 1475 (58)	ОР РНБ. Соф. № 1475	XVII в.
35) Б-ки СПбДА, Соф. Новг. собора № 462 (379)	ОР РНБ. Соф. № 462	XVII в.
36) Б-ки СПбДА, Соф. Новг. собора № 450 (367)	ОР РНБ. Соф. № 450	XVII в.
37) Моск. ист. музея № 29 (28297) (в экз. ГИМ номер испр. карандашом на 32)	ОР ГИМ. Музейск. № 32	нач. XIX в.
38) Воскр. (Нового Иерусалима) м-ря № 42 (83) (в описи — № 125)	ОР ГИМ. Воскр. № 125	XVIII в.
39) Воскр. м-ря № 43 (в описи — № 56) («кажется», список со списка 1714 г.)	ОР ГИМ. Воскр. № 56	XVII–XVIII вв.
40) Моск. Синодальной б-ки № 808 («Милютинская» Четья-Минья)	ОР ГИМ. Син. № 808	1646–1654 гг.
41) Список М.Б. Шепарева («кажется, в Ярославской губернии» ¹⁷)	Местонахождение рукописи неизвестно ¹⁸	XIX в.
42) Список И.И. Кузнецова (копия списка М.Б. Шепарева — см. № 41)	(публикация по данному списку в книге о. Иоанна Кузнецова 1910 г.)	нач. XX в.

Со времени выхода книги введено в научный оборот немало новых списков из собраний, которые по различным причинам были недоступны исследователю на рубеже XIX–XX вв.¹⁹

И.И. Кузнецов был убежден, что составление Жития Василия Блаженного относится «ко времени „прославления“ канонизации бл. Василия 2 августа 1588 г.»²⁰. Текст компилировался в окружении патриарха Иова на основе множества церковных памятников, в частности, творений Отцов Церкви, Житий Феодора Эдесского, Симеона и Саввы, Сергия Радонежского, Антония Сийского, Симеона юродивого, «Слова о Законе и Благодати», проповедей Григория Цамблака. Задачи прославления и церковного поминания нового угодника определили форму и основную канву житийного повествования, представляющего явление нового святого как доказательство избранности, превосходства русского православия. Этими задачами объясняются краткость и избирательность жизнеописания блаженного в «Житии вкратце и Слове

похвальном»²¹. Оставляя в стороне историко-культурные, палеографические и языковедческие наблюдения исследователя, сведем воедино его текстологические выводы о первоисточниках и рассмотрим концепцию исследования в ее отношении к доступным ему источникам.

Уже в первой части своей работы, характеризуя списки, И.И. Кузнецов вводит различие между Полным, Сокращенным Житием, Кратким Жизнеописанием и Особой редакцией²². В рамках текстологии наших дней можно пользоваться понятиями *Полной, Сокращенной, Краткой* и *Особой редакций*. Говоря о четырех редакциях Жития, мы все же упрощаем проблему. А.И. Соболевский в своей рецензии предлагал отказаться от определения *Подробное* или *Полное* и использовать понятия *Старшее, Каноническое* или *Риторическое* Житие. Эта смена не предполагает ничего нового в оценке самой рукописной традиции, но привносит в терминологию оценочную априорность. Л.М. Сабирова (Орлова) предложила иной термин для этой же группы списков: *Минейная редакция*. Впрочем, он предполагает, что изначальным местом бытования этой версии текста были именно Августовские Минеи²³. Было бы осторожнее говорить в этом случае о *Пространной редакции*, хотя и это определение не отражает всего разнообразия чтений в рамках списков данного вида. Скажем, Милютинская редакция Жития (в списке Син. № 808), как отметил уже И.И. Кузнецов, сокращает *Пространную редакцию*, соединяя при этом чтения из различных ветвей ее традиции²⁴. Список ОРСК Q.I.991 не отражает особой редакторской правки, однако заметно сокращен, упуская — по всей видимости, механически — значительную часть введения (до слов «*да с радостью прияти имате глаголемая...*» ок. f. 68)²⁵. В остальном это текст той же *Пространной редакции* в списке начала XIX в.

Сокращенная редакция может быть более точно определена по месту своего бытования как *Проложная*, а *Краткая* — это, по сути, заметка летописного характера о жизни блаженного²⁶. Житие особого состава встречается вместе со Сказанием о прижизненных чудесах Василия Блаженного. Так называемая *Особая редакция* является, по всей видимости, поздней компиляцией. А.И. Соболевский предлагал считать этот текст *Апокрифическим* Житием, вкладывая в данное определение идею о его вторичном, позднем и неканоническом происхождении²⁷. Л.М. Сабирова до-

полнила классификацию списков, предложенную И.И. Кузнецовым, разделив их на *Первоначальную*, *Минейную*, *Распространенную*, *Проложную*, *Особую* и *Сводную*, и изучила влияние *Особой* и *Сводной* редакций Жития на икону «Василий в житии» из Новодевичьего монастыря (ГИМ, 73502/4 И 3627)²⁸.

Обратимся теперь к построению И.И. Кузнецова, намечая открытые им пути исследования корпуса текстов, посвященных памяти и почитанию святого Василия.

Житие в ряде списков сопровождают *Похвальное Слово* и помертвные *Чудеса* от мощей святого. Все эти три текста (или три комплекса) составлены, по мнению исследователя, разными авторами в 1588 — начале 1591 г.²⁹ В большей части известных Кузнецову списков *Чудес* — 21, однако в ряде древних списков (в том числе в Чуд. № 317) их 24, причем между 23 и 24-м особая вставка о чудесах в г. Лихвине. Источниками «Степенной книги» послужили *Сказания* о видениях Василия Блаженного (о нашествии крымского войска в 1521 г. и о предсказании Василием Московского пожара 21 июня 1547 г.)³⁰. Таким образом, вслед за И.И. Кузнецовым можно говорить об устойчивом составе агиографического сборника о деяниях Василия Блаженного и предварительно связывать его происхождение с подготовкой канонизации.

И.И. Кузнецов публикует текст этого сборника по списку Чуд. № 317, считая его самым ранним из всех ему известных и самым ближним к дате канонизации Василия и предполагаемой дате составления Жития, т. е. к 1588 г. Исследователь принимает за основу своей публикации один список, но вносит в его текст исправления, руководствуясь своим пониманием, по его словам, грамотных и «недостаточно грамотных» чтений, но внося эмендации только на основе других сохранившихся списков и каких-либо «иных данных»³¹. Это ответственное решение исследователя требует в настоящее время проверки и пересмотра, тем более что сводный текст-реконструкция, основанный на Чуд. № 317, никак не прокомментирован и разночтений, в том числе привнесенных И.И. Кузнецовым в основной текст из других списков, не содержит³². А главное — в исследовании не предложено общей генетической концепции списков, в рамках которой прояснилось бы место списка Чуд. № 317 и других списков, положенных в основу издания.

И.И. Кузнецов поставил вопрос о «подлинном списке», который «вышел их рук составителя Жития»³³. Вопрос о протографе Жития связан с двумя его, предположительно, упоминаниями в собрании Московского Покровского собора. Первое относится к 1684 г., когда в Никандрову пустынь был выдан список Жития и Службы Василию по повелению патриарха; второе — к 1714 г., когда в соборе хранилась «письменная переплетенная книга». Список Покровского собора с филигранями 1803 г. отражает, по мнению прот. Иоанна, не только ряд первичных чтений, но и первичный внешний облик текста Жития: оно было испещрено выписками, отделенными небольшими пропусками или отступами вроде абзаца и начинавшимися всякий раз киноварными инициалами. Автор даже допускает причины такого порядка в тексте: «По всей видимости, С писатель [...], помещая эти выдержки в Житии, соблюдал особенности источников — оригиналов, а где этого нет, употреблял заглавные буквы и новые строки при каждой выдержке из нового источника. Если так, то соборный список отражает в себе особенности списка самого С писателя. Этим еще подтверждается возможность высказанного нами предположения, что в Покровском соборе мог некогда храниться оригинал Жития блаженного»³⁴. Списки с оригинала воспроизводили этот порядок текста, хотя при неоднократном повторном копировании в текст закралась путаница. Неполнота текста и сбои в последовательности изложения в списке *Покр.* вызвали недоумение у исследователя, который счел их дефектами, возникшими по непонятным причинам и «в связи весьма странной»³⁵. Высказано предположение, что нарушение порядка текста — результат перестановки листов, который не был замечен переписчиком при копировании. Можно только удивиться, как тонко прот. Иоанн применяет этот ход мысли, развивая источниковедческие и книговедческие методики своего времени в духе В.О. Ключевского, Н.П. Лихачева или В.К. Клейна, и на основе изученных дефектов текста строя гипотезу о внешнем виде протографа: «По этим пропускам можно приблизительно судить о формате того более древнего списка, с которого сделан теперешний соборный: он, видимо, был тоже в четверку, размер его листов — количество строк — немало менее теперешнего: 24—26 строк (в теперешнем 30)»³⁶. Далее

аргумент дополняется сравнением разметки страницы в Покровском и Воскресенском списках.

Список Воскр. № 42 (83) (ныне — Воскр. № 125) скопирован со списка, который к 1714 г. хранился в библиотеке Покровского собора, но к началу XX в. был утрачен. Предположительно, он был близок к протографу Жития. Вывод о времени возникновения *Воскр.* построен на выходной записи на л. 1 (перед оглавлением) в самом этом списке: «Нынешняго Семьсот Четвертагонадесят года июля в (пропуск в тексте. — К.Е.) день список с пименных (так!) переплетных книги что взята из собора Василия Блаженного московского чудотворца слуба (так!) ему и житие ево и в том оглавление ниже сего». Далее оглавление скопировано с этого источника и не соответствует ни составу книги (в конце в источнике *Воскр.* были Житие Петра и Февронии и Повесть о белом клобуке), ни расположению текстов согласно номерам оглавления. Формат и разметка страницы *Воскр.* близки к *Покр.*, а близость к «списку 1714 г.» привела И.И. Кузнецова к предположению, что сравнение именно этих двух списков, *Воскр.* и *Покр.* с текстом *Полной редакции* позволяет представить во всей полноте порядок текста, состав и внешний облик списка или оригинала Жития, хранившегося в 1714 г. в Покровском соборе. Впрочем, по ходу работы Кузнецов высказывает противоречивые суждения о соотношении *Воскр.* и «списка 1714 г.». Если в рассуждении о протографе *Воскр.* и *Покр.* список 1714 г. характеризуется как утраченный и, предположительно, сходный с «древнейшим списком жития»³⁷, то в каталоге служб Василию Блаженному прот. Иоанн пишет о *Воскр.*: «Ркп. 1714 года»³⁸.

Вопрос о рукописи, хранившейся к началу XVIII в. в собрании Покровского собора, усложняется неясностью самой записи, расположенной перед оглавлением *Воскр.* Этот сборник скопирован почерками начала — первой половины XVIII в. на бумаге, которую сейчас несложно датировать по водяным знакам (И.И. Кузнецов не располагал такими возможностями). Бумажные знаки основного блока сходны с: 1) Дианова № 302—1706 г.; 2) Дианова № 189—1706 г.; 3) Дианова № 323 (или отдаленно сходный) — 1701—1724 гг.; 4) Дианова № 364 (или отдаленно сходный) — 1697—1707 гг.; 5) Дианова № 183—1698 г.³⁹ Переплет выполнен с использованием бумаги российского производства, о чем говорят фрагменты кириллических литер на первых припереплетных листах [АУ] или [ДУ] и ли-

теры ФС — на вторых. Известные аналоги этих знаков относят их к мануфактуре Александра Угрюмова (Участкина № 255—1780 г.; № 531—1776 г.) и фабрике наследников Переславцева в Угличе (различные версии этих литер встречаются в филигранях с контрамаркой ФСПП, ФСПП, ФСМАП конца 1740-х — 1760-х гг.; ближайшие по форме букв знаки: Участкина № 317—1749 г.; № 318—1752 г.)⁴⁰. Эти данные, а также формулировка записи в *Воскр.* позволяют полагать, что в июле 1714 г. была создана именно рукопись *Воскр.* № 125, а не ее протограф из собрания Покровского собора. Переплет этой рукописи реставрировался в середине — второй половине XVIII в., возможно, неоднократно.

Впрочем, в описании *Воскр.* прот. Иоанн говорит о «древнейшем списке Жития и Служб свв. Василию и Иоанну», то есть более древнем только по сравнению «с теперешними». При этом, как отмечает исследователь, неизвестно, был ли список 1714 г. поздней копией или «представлял из себя этот *подлинный* древнейший список»⁴¹. Оглавление *Воскр.* передает не расположение его текстов, а текстов в его протографе — всего на 121 л., из них 28 — *Служба*, 62 — *Житие* и 23 — *Чудеса*. Это позволило И.И. Кузнецову сделать шаг на пути к искомому оригиналу *Жития* и предположить, что *Покр.*, приближающийся по объему и распределению текста по листам к оглавлению *Воскр.*, это и есть точное воспроизведение оригинала. Об этом автор прямо пишет, характеризуя список 1714 г., который «если и был копией, то точной и по своему составу его, воспроизведенный в № 42, передает точно состав самого первоначального, поступившего в собор, списка»⁴². Этот вывод, в свою очередь, позволяет сделать еще один шаг — к концепции изначального состава сборника с Житием. В него входили: *Житие в Полной редакции*, *Похвальное слово* и 21 *Посмертное чудо*. *Прижизненные чудеса* были приложены позднее. Переходной формулировкой к этому дополнению И.И. Кузнецов считал в *Покр.* слова: «Древние же рукописные записки свидетельствуют о сем святому муже... и сие», — истолковав эти слова как указание на использование дополнительного источника при включении *Прижизненных чудес*⁴³.

Точность и полнота текста *Воскр.* вызвала высокую оценку прот. Иоанна, который считал его необходимым для реконструкции первоначального текста *Пространной* редакции и привлек наряду с *Покр.* при публикации текста Чуд. № 317 («даже в некоторых местах правильнее № 317») ⁴⁴. Сравнение чтений, выбранных

И.И. Кузнецовым для реконструкции текста *Пространной* редакции, показывает, что *Воскр.* он нередко использовал для исправления текста *Чуд.*, но все же не в качестве основного списка⁴⁵. Конечно, основания для признания *Воскр.* более близким к протографу Жития в ряде случаев весьма спорны с точки зрения текстологии наших дней и ниже мы покажем, что препятствует их принятию. Они и подкрепляются в работе И.И. Кузнецова оценками чтений как корректных или некорректных в духе логики здравого смысла: «чтение более ясное»⁴⁶ или «правильное»⁴⁷. Исследователь рубежа XIX—XX вв. не занимался построением генетической концепции, а предварительно отбирал более и менее «удачные» чтения.

Вывод о более ранних чтениях в *Воскр.* по сравнению с *Покр.* подтверждается текстологическим сравнением⁴⁸. Например, в узле 61v (*Троице...*) Вс-125 передает вариант *Чуд.*, тогда как *Покр.* и Хл-245 сходно отходят от общего для них протографа с Ув-320, который младше протографа *Чуд.* и Вс-125. Впрочем, ближайший общий протограф *Покр.* и *Воскр.* на многие поколения отстоит от истоков рукописной традиции, чего ученый начала XX в., конечно, не мог знать, не владея техниками текстологии.

Еще одна предполагаемая копия с рукописи 1714 г. — *Воскр.* № 56 (у Кузнецова — № 43) автором забракована как менее точная в передаче текста и, вероятно («кажется»), вторичная по сравнению с *Воскр.* Впрочем, Вс-56 не содержит *Пространной* редакции *Жития*, а *Чудеса* здесь восходят с *Воскр.* к общему протографу, то есть о вторичности Вс-56 по отношению к Вс-125 говорить все-таки не приходится.

Происхождение Хл-202 напрямую связано со списком *Покр.* Варианты *Троица покланяемая во единствъ и единство в Троиць* (л. 2 об.), *мира сего философии учащим же философию* (л. 10) точно передают общий протограф Ув-424, *Покр.* и Хл-245 (ср.: f. 61v, 67v). Чтения *сам бо есть нам глава Христос* (л. 13 об.), *станите чресла ваша препоясавше* (л. 16 об.), *страсти вся умертви яко не довольно ему первым подвигом* (л. 22) сходны только с *Покр.* (ср.: f. 70, 72, 75v). Уже И.И. Кузнецов предполагал, что Хл-202 является точной копией *Покр.*, и текстологические сближения между списками этому выводу не противоречат⁴⁹. Близкие к *Покр.* чтения передает также отрывок из Жития 36-80. При этом чтение *но сам бо есмь нам глава Христос* (л. 8 об.-9, ср.: f. 70) обнаруживает уникальное сходство с Хл-245, который И.И. Кузнецов также считал копией с *Покр.*⁵⁰

Чудеса Василия Блаженного в Рм-364 (*Пространной* редакции Жития здесь нет) демонстрируют также близость к спискам Собора. Чтение *она же отвъща* (ч. 2) характерно для общего протографа позднего списка в составе Ед-64, Еп-786, Вс-125, Вс-56, *Покр.* и Ув-424, последние два передают в этом случае даже более ранний вариант, чем остальные списки в этой группе, включая *Рум.* (л. 344, ср.: f. 103v). Впрочем, о первичности *Покр.* и *Увар.* говорить не приходится, поскольку тот же ряд списков передает чтение *сему жена бѣ именем Евфимия* (ч. 7) с явно более ранним вариантом в списках из Воскресенского и Епархиального собр., а также в Рм-364 (л. 348, ср.: f. 106v).

Исследователи отмечают и другие рукописи, близкие к списку Покровского собора. Так, И.И. Кузнецов считает, что Мз-32 — это лицевой список со списка собора 1803 г. В списке Бл-55 об этом говорят чудеса, передающие такие чтения: *она же отвъщала* (ч. 2, л. 24 об.), *имѣл жену Евфимию* (ч. 7, л. 27). Особенно показательно чтение: *многие думали, что она испорчена, предлагали пить ей различные травы* (ч. 7, л. 27). Слово *испорчена* в рукописной традиции очень позднее и весьма характерно для каких-то работ над текстом, которые привели к образованию конструкции *мняху ея быти неизльчимъ* в Ед-64 и Ув-424, а также чтения *мняху быти ей испорченнъ* в *Покр.*

Эти предварительные сравнения говорят о том, что список из собрания Покровского собора восходит наряду с другими к общему протографу, который мог находиться в каком-то из центральных книгохранилищ. В собрании Покровского собора еще в XIX в., по всей видимости, были различные версии сборника с Житием Василия Блаженного. Список середины XIX в. Мз-10658 открывается выписками о блаженном из доступных печатных источников и продолжен «Сказаниями» о Василии, выписанными «из древнего списка, писанного полууставом, которой хранится при Покровском и Василия Блаженного Соборе»⁵¹. Упомянутая в записи рукопись не может соответствовать ныне известному *Покр.* Это не лишает научного значения предположений И.И. Кузнецова об активном использовании списка, сходного по составу (и весьма вероятно — по формату) с *Покр.*, в копировании и распространении Жития.

Таким образом, проблема «списка 1714 года» может быть решена иначе, чем предполагал исследователь. По всей видимо-

сти, *Воскр.* не копия со «списка 1714 года», а сам этот список. Но он не может быть старшим в группе, в состав которой входят Хл-245, Еп-786, Ак-22, *Покр.*, Ув-424, *Воскр.*, Сф-450. Предположительно определенное в монографии Кузнецова восхождение *Воскр.* и *Покр.* к общему протографу подтверждаются нашими текстологическими наблюдениями и позволяют приблизиться — учитывая другие следы этого общего протографа — к ответу на вопрос о состоянии его текста и возможном времени возникновения.

Особый вид Жития представлен в списке № 41, но, несмотря на большой историзм заключенного в нем текста, это также недостоверный и поздний рассказ о жизни Василия Блаженного⁵². И.И. Кузнецов отметил связь этого текста с «демократической средой», или, как выражался исследователь, с «народными преданиями», «народными сказаниями» о святом. Эти предания влияли и на официальные версии: скажем, в *Похвальном Слове* Василию отразился близкий к *Особой* редакции рассказ о том, как блаженный «у вдовицы жилище свое сотворил»⁵³. Значит ли это, что работа агиографа в данном случае значительно отстоит от времени канонизации Василия? В этом направлении рассуждают И.И. Кузнецов и А.И. Соболевский, говоря об анахронизмах в тексте и относя его возникновение ко времени не ранее 1660 г. или даже к концу XVII — началу XVIII в. Прот. Иоанн строит датировку на допущении, что текст *Особой* редакции основан на *Сокращенной*. Это предположение текстологическим путем не доказывается и поныне служит лишь одним из возможных решений в клубке вопросов. Содержательный анализ *Особой* редакции также прямых ответов не открывает. По сути, речь идет о трех фактах: Боровицкие (а при жизни блаженного — Чертольские) ворота Кремля названы в *Особой* редакции *Пречистенскими* (по указу царя Алексея Михайловича, такое название введено в 1658 г.)⁵⁴; *игралище* намекает на театр последней четверти XVII в. или уже Петра I на Красной площади⁵⁵; рассказ о царевиче Димитрии, убитом *от властолюбивых сродник* Ивана IV и *господ*, который Кузнецов считает попыткой узаконить младшего сына царя, соединив его в один образ со старшим⁵⁶, а Соболевский толкует как свидетельство о забытом участии Бориса Годунова в убийстве и датирует «не ранее конца XVII в.»⁵⁷.

Еще в своей публикации 1896 г. И.И. Кузнецов ввел в научный оборот Пискаревский летописец, в котором приведены уникальные сведения о Василии Блаженном, основанные, предположительно, на частных летописных заметках второй половины XVI в. Здесь впервые прозвучали имена исцеленного блаженным инока Герасима и приютившей Василия боярской вдовы Стефаниды Юрловой⁵⁸.

Недавно Л.М. Сабирова (Орлова) высказала предположение, что наиболее ранним видом Жития является та его редакция, которую исследовательница определила как *Первоначальную*. Развивая логику И.И. Кузнецова об отличиях *Особой* редакции от *Пространной*, автор видит в этой редакции исходную версию для *Особой*, основанную на «народных сказаниях о Василии»⁵⁹. Этот вывод нуждается в дискуссии, особенно учитывая, что составитель (или составители) *Пространной* редакции и многих ее более поздних версий никак *Первоначальную* редакцию не использовал, а ее фактическая информация о жизни блаженного близка к поздней *Особой* редакции, Пискаревскому летописцу и «народному преданию» в записи И.М. Снегирева⁶⁰. Текст *Первоначальной* редакции, как и рассказы *Особой* редакции, представляет особый уникальный памятник, ни своим содержанием, ни средой возникновения и раннего бытования не связанный с *Пространной* редакцией Жития⁶¹. Некоторые признаки позднего происхождения *Особой* редакции приведены уже И.И. Кузнецовым. Так, рассказ о явлении Василия Блаженного Ивану Грозному после казней в Новгороде Великом, по справедливym словам исследователя, «есть не что иное, как переделка известного исторического сказания о спасении Псковским юродивым Николаем Салосом Пскова от ярости Грозного»⁶². Недавно библейские, фольклорные и талмудические источники рассказа о службе Василия у сапожника в *Особой* редакции изучены Т.Р. Руди⁶³. Выводы о включении в *Особую* редакцию «собрания народных рассказов» о святом и о своеобразной «народной агиографии» вокруг образа Василия Блаженного ограничиваются литературным происхождением и биографической недостоверностью этих рассказов⁶⁴.

В прямой зависимости от текста, близкого к списку № 41, И.И. Кузнецов рассматривает происхождение *Сокращенной* (по классификации Л.М. Сабировой, *Проложной*) редакции Жития — почти весь ее текст находит соответствия в *Особой* редак-

ции. *Сокращенная* редакция Жития реконструируется им на основе печатного Пролога 1660 г. и по спискам № 43, 364 и 1216 и датируется временем около 1660 г. (во всяком случае, не ранее 1646 г., когда впервые, по мнению исследователя, в Святцах появляется ошибочная дата смерти блаженного — 1552 г.)⁶⁵. Соотношение между *Сокращенной* редакцией и *Пространной* остается под вопросом. По крайней мере, автор Сокращенного Жития, по мысли Кузнецова, заимствует «рассказы» Полного Жития и «Чудозрочную повесть» из списка № 41 «вне всякой связи с Полным Житием»⁶⁶. Исследователь отмечает и несходство в бытовании *Пространной* и *Сокращенной* редакций: они встречаются в составе несходных сборников, а в XVIII в. иногда к сборнику с *Пространной* редакцией добавляется еще и *Сокращенная* (например, в Увар. № 128). В контексте, близком к *Сокращенной* и *Особой* редакциям, возникло *Сказание о прижизненных чудесах* Василия Блаженного, которое И.И. Кузнецов изучил и опубликовал в своей монографии по списку Жития особого состава и списку Покровского собора. Наличие *Сказания* исследователь считает признаком первичности или, по крайней мере, раннего происхождения данной подборки. Этот вывод все же будет также верифицироваться при полном изучении известных ныне рукописных сборников с Житием Василия Блаженного в составе.

Одна из задач публикации и исследования *Пространной редакции* виделась И.И. Кузнецову в том, чтобы восполнить недочеты Чудовского списка, ориентируясь на выводы о независимом от него восхождении Покровского списка к оригиналу Жития. Список Покровского собора начала XIX в. содержит «в некоторых случаях и более правильное чтение» (по сравнению с принятым за основу Чуд. № 317)⁶⁷. Это не отменяет того факта (его исследователь также неоднократно фиксирует), что *Покр.* содержит многочисленные дефекты как в чтениях, так и в порядке текста по сравнению с более ранними версиями *Пространной* редакции. К этим расхождениям мы здесь и обратимся, поскольку от них во многом зависит наше понимание того, как подготовлена публикация *Пространной* редакции в монографии 1910 г. Ряд чтений Чуд. публикатор без комментариев или с прямыми указаниями в скобках в основном тексте исправляет по другим рукописям. Источники

неоговоренных эмендаций во многих случаях можно установить на основании указаний И.И. Кузнецова, приведенных им в первой части своей работы. Однако, как уже сказано выше, исследователь находил противовес многим дефектным чтениям *Минеиной* редакции в *Покр.* и *Воскр.*, которые считал близкими по формату к протографу *Пространной (Полной)* редакции, а по чтениям — важным уточнением к спискам в *минеях*⁶⁸.

Дополнительные доводы для своей реконструкции исследователь приводит во втором отделе своей работы, где выявляются первоначальные значения текста на основе цитируемых в нем источников. Это заставляет, например, заменить в реконструкции чтение *кляняху по словеси Минеиной* редакции на *леняху о словеси* (f. 67) в отрывке, пересказывающем «Послание» Иоанна Дамаскина еп. Косме Маюмскому: «...где писатель выражает надежду, что Господь простит слабость его труда как зависящую „от ненаучения“, а не „от лености“»⁶⁹. Помимо *Чуд.* дефектное чтение проникло в такие списки, как Ун-293, Ув-320, Ос-44, Тр-681. Впрочем, важно отметить, что вариант, который Кузнецов признал исходным, встречается в списках, передающих в ряде случаев более ранние версии текста, чем *Покр.* и *Воскр.*, — среди них в Хл-239, Ос-1008, Ед-64, Ос-991, Бл-1, Бл-155, Сф-462, Сф-1475, Ар-235, О-61.

Обсуждать решения И.И. Кузнецова по реконструкции *Пространной* редакции, *Похвального Слова* и *Чудес* необходимо с учетом текстологической карты списков, построенной не по принципу ранних и авторитетных списков, а на основе доступно полного охвата всех версий текста. Анализ избранных разночтений в 23 списках (табл. 2) позволяет выяснить, на какие из доступных версий опирался исследователь, когда создавал сводный текст Жития в своем издании, а также вновь поднять вопрос о необходимом в будущем пересмотре его списков с целью вновь представить развитие расходящихся чтений и создать его новую реконструкцию.

Таблица 2. Разночтения Пространной редакции Жития⁷⁰

Чуд.	Ув-520 Ос-44 Тр-681	Ун-293	Хл-239 Ос-1008	Ед-64 Ос-991	Бл-1 Бл-155 Сф-462 Сф-1475 ¹ Ар-235 О-61	Вс-125 Сф-450 Вс-56	Ел-786	Ак-22	Покр.	Ув-424	Хл-245 ²	Кузнецов
1	неро- жде- нием и исхож- дением (51 об.) (181 об.) (75 об.)	неро- жде- нием и исхож- дением (2)	¹⁹³ 1008; неро- ждением и исхожде- нием (126 об.)	неро- ждением и исхо- жением (5 об.)	нерожден- ием [61: нерожден- нъ] и исхо- жением (507 об. 8) (106) (105) (43) (776) (403 об.)	нерожден- ием (24) (37)	неро- жден- ием (37)	неро- жден- ием (1 об.)	нерожден- ием (2)	нерожден- ием (4)	нерожден- ием (1 об.)	нерождением и исхожением (34)
троицѣ покло- няем- ся во единый- стве и единь- стве во тро- ицы	троицѣ покланя- ем[а] во единствѣ и единь- стве во тро- ицы [44: единый- ственнѣ] в троицы (52) (182) (75 об.)	троицѣ покло- няем- ся во единый- стве и единь- стве во тро- ицы (2 об.)	троицѣ по- кланяем- ся в единый- стве и единство в трои- цы (233 об. – 234) (127)	троице по- кланяем- ся в единый- стве и единство во тро- ице (6)	троице [61: троицы] покланяем- ся [155, 462, 1475: покло- няем[а] во единыйстве и единьстве в троицы (508) (106) (105 об. 6) (43 об.) (776 об.) (404)	троицѣ покло- няем[а] во единь- стве и единствѣ (24 об.) (37 – 37 об.)	троицѣ по- кланя- ем[а] во единый- стве и единствѣ и единство в троицѣ (4 об.)	троицѣ по- кланяем[а] во единь- стве и единство в троицѣ (2)	троица по- кланя- ем[а] во единый- стве и единство в троицѣ (4 об.)	троица по- кланяем[а] во единь- стве и единство в троицѣ (2)	троица по- кланяем[а] во единь- стве и единство в троицѣ (2)	троицѣ по- клоняем[а] по единый- ству и единь- ству во тро- ицы

Продолжение таблицы 2

1	блаженно-женство доблести по стоянию (56 об.) (188 об.) (82)	3	блаженно-го мужства доблести по стоянию [68]: до-стоянию (12 об.)	4	блаженно [1008: блаженно] мужства доблести по стоянию (133 об.)	5	блаженно-го мужства доблести по стоянию (18)	6	блаженно мужства [155: блаженному] мужства; б[1: муж] по до-стоянию [155: стоянию] (514) (6 об.) (116 об.) (53 об.) (785) (410)	7	блаженно-го мужства доблести по до-стоянию (27 об.) (44)	8	блаженно-го мужа доблести по до-стоянию (45 об.)	9	блаженно-го мужства доблести по до-стоянию (7)	10	блаженно-го мужства доблести по до-стоянию (8 об.)	11	блаженно-го мужства доблести по до-стоянию (11)	12	блаженно мужства доблести по до-стоянию (6)	13	блаженно мужства доблести по до-стоянию
кленя-хуся по сло-веси (56 об.) (188 об.) (82)	кленя-хуся по сло-веси (56 об.) (188 об.) (82)	кленя-хуся по сло-веси (56 об.) (188 об.) (82)	кленя-хуся по сло-веси (133 об.)	кленя о словеси (237) (133 об.)	кленя о словеси (133 об.)	кленя о словеси (133 об.)	кленя о словеси (18)	кленя о словеси (188 об.) (514) (6 об.) (116 об.) (53 об.) (785) (410)	кленя о словеси (27 об.) (44)	кленя о словеси (45 об.)	кленя о сло-веси (7)	кленя о словеси (8 об.)	кленя о сло-веси (11)	кленя о сло-веси (6)	кленя о сло-веси	кленя о словеси (11)	кленя о словеси (6)	кленя о словеси (11)	кленя о словеси (6)	кленя о словеси	кленя о словеси		
кленя-хуся по сло-веси (56 об.) (188 об.) (82)	кленя-хуся по сло-веси (56 об.) (188 об.) (82)	кленя-хуся по сло-веси (56 об.) (188 об.) (82)	кленя-хуся по сло-веси (133 об.)	кленя о словеси (237) (133 об.)	кленя о словеси (133 об.)	кленя о словеси (133 об.)	кленя о словеси (18)	кленя о словеси (188 об.) (514) (6 об.) (116 об.) (53 об.) (785) (410)	кленя о словеси (27 об.) (44)	кленя о словеси (45 об.)	кленя о сло-веси (7)	кленя о словеси (8 об.)	кленя о сло-веси (11)	кленя о сло-веси (6)	кленя о словеси	кленя о словеси (11)	кленя о словеси (6)	кленя о словеси (11)	кленя о словеси (6)	кленя о словеси	кленя о словеси		

Продолжение таблицы 2

1	при жи- вогъ и по пре- став- лении сокро- вище (90 об.)	2	при жи- вогъ и по пре- став- лении сокро- вище (76 об.) (219) (107 об.)	3	и ве- лио вьду к нему держа (55 об.)	4	при жи- вогъ и по престави- нию <i>саво-</i> <i>ри</i> и обрел еси яко пре- богатое сокровище (251—251об.) 1008: в жи- воте и по преставле- нии сокро- вище (159 об.)	5	при жи- вогъ и по престави- лении сотвори еси яко пре- богатое сокровище (67 об. — 68) (33 об.)	6	при жи- вогъ и по преставле- нии <i>саво-</i> <i>ри</i> [1475: сътвори обръль [462, 1475, 235, еси яко пре- богатое сокровище (538) (162) (97 об.) (821 об. — 822) (436 об.)	7	при жи- вогъ и по престави- лении сотвори и обръль еси яко пре- богатое сокро- вище (46 об.) (76)	8	при жи- вогъ и по престави- лении сотвори еси яко пре- богатое сокро- вище (84 об.)	9	при жи- вогъ и по престави- лении сотвори и обръль еси яко пре- богатое сокро- вище (37)	10	при жи- вогъ и по престави- лении сотвори и обръль еси яко пре- богатое сокро- вище (42)	11	при жи- вогъ и по престави- лении сотвори и обрел еси яко пре- богатое сокровище (46 об.)	12	при жи- вогъ и по престави- лении сотвори и об- рел еси яко пребогатое сокровище (30 об.)	13	при живогъ (держ) и по преставле- нии сокро- вище (обръль еси) (52)
прием вели- ким свѣтил- ником (94 об.)	прием великим свѣтил- ником (79 об.) (223 об.) (111 об.)	прием вели- ким свѣтил- ником (61 об.)	прием [1008: 254 об.) великим свѣтил- ником (253 об.) (164 об.)	прием великим свѣтил- ником (75 об.) (38 об.)	прием ве- ликим [462, 235, 61: великим] свѣтил- ником (542) (166 об.) (105) (827 об.) (440 об.)	прием свѣтил- ником (51 об.) (80)	прием вели- ким свѣтил- ником (93)	прием свѣтил- ником (43 об.)	великим свѣтите- лем (48 об.)	прием великим свѣтил- ником (54 об.)	прием великим свѣтил- ником (35 об.)	прием велик м свѣтилником (54)													
не при- иде наше видѣ- ние (95 об. — 96)	не прии- де наше видѣние [44: на- шего ви- дѣния] (80 об.) (225) (113)	не прии- де наше видѣ- ние (64)	не прии- де наше видѣние 1008: не прииде наше виде- ние (166)	не прии- де наше видѣние (79) (40 об.)	не прии- де [235: и] прииде [61: не приидет ли] наше видѣние (543 об.) (172 об.) (830) (442)	не прии- де наше видѣ- ние (95 об.)	не прии- де наше видѣ- ние (45 об.)	се прии- де наше видѣ- ние (56 об. —57)	прииде наше видѣние (50 об.)	се прииде нашѣ видѣние (50 об.)	се приидѣ наше видѣние (37)	не приидет наше видѣ- ние (55)													

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
сему жена бьяше афия-фия именем (106 об.)	сему жена бьяше афия [68]: еу-фия именем [44: именем ан-нем ан-фия] (89 об.) (239) (124 об.)	сему же жена афия именем (79)	сему же жена биа-ше афия именем (259 об.) 1008: [*]	сеи имь жену именем еуфицию (102 об.) 991: сему же жена бьяше еу-фия именем (51 об.)	[*] 235: сему же жена биа-ше именем афия (87) 61: сему же жена бьяше еу-фия именем (452 об.)	сему жена бь именем ефия (65) 450: сему бьяше афия именем (94—94 об. ...еуфи-мия) (59)	сему жена бь именем ефия (115 об.)	сему жена бь имя-нем еу-фия (64)	сеи имь жену именем еуфицию (67 об.)	сеи имь жену именем (91 об.)	[*]	сему жена бьяше афия именем (62)
мнози ж мня-щеса враче быти и ньякая зеля (107)	мно-зи же [44: нет] мняще-ся вра-чи [44: врачевъ; 68]: враче быти и ньякая зеля (107)	мнози же мня-щеса врачеве быти и ньякая зеля	мнози же мнящеса врачеве быти и ньякая зеля (260) 1008: [*]	многи же врачеве мняху ея быш нецль-цмь и ньякая зеля (51 об.) 991: мно-зи же мняще-ся врачеве быти и ньякая зеля [44: нет] ньякая зеля (90) (239) (124 об.)	[*] 235: мнози иже мня-щеса вра-чеве быти и ньяка зеля (87) 61: мнози мня-щеса вра-чеве быти и ньякая зеля (59 об.) 450: мнози ж мнящеса врачеве быти и ньякая зеля (452 об.)	мно-ги же мняху врачеве быти и ньякая зеля (65) (59—59 об.) 450: мнози ж мнящеса врачеве быти и ньякая зеля (94 об.)	мно-ги же мняху врачеве быти и ньякая зеля (116)	мно-зи же мняху врачеве быти и ньякая зеля (64)	многия же вра-чи мняху быти ей исторчен-ный баяху пты ей ньякая зля (67 об. — 68)	многие врачевь мняху ея быти нецль-цмь и ньякая зля (91 об.)	[*]	мнози ж мнящеса врачеве быти (в Соборном списке: „мно-зи же врачи мняху быти ей исторчен-ный“) и ньякая же зеля (62)

Окончание таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
таино и невѣдомо (110)	таино и невѣдомо [44: невидимой] (95) (244) (128 об.)	таино и невѣдомо (85 об.)	таино и невѣдомо [1008: [*]] (262)	таино (108) 991: тайно неведомо (60 об.)	[*] 235, 61: тайно и невѣдомо (459 об.)	таино (68 об.) (65 об.) 450: тайно и невѣдомо (101)	таино (122 об.)	таино (70)	таино (75)	таино (98) [*]		таино и невѣдомо (65)
к сему же много глагола (95 об.) (248) (131 об.)	к сему же много глагола (91)	к сему много глагола (91)	к сему много глагола [1008: [*]] (264)	к сему и она много глагола (112 об.) 113) 991: к сему же много глагола (64 об.)	[*] 235, 61: к сему же много глагола [61: много] ему глагола (882 об.) (465 об.)	к сему же и она много глагола (72) к сему же и она много глагола (70 об.) 450: [*]	к сему же и она много глагола (128 об.)	к сему же и она много глагола (74 об.)	к сему же и она много глагола (77 об.)	к сему же и она много глагола (102 об.)	[*]	к сему много глагола (67)

Ряд списков отличает сбой в тексте после слов *и всю Рускую землю* (или здесь же *и всю землю Российскую*) в ф. 66 (после этих слов вместо *исторже от уст диявольских* читается: *свѣтильника в забвение*). Этот сбой восходит к особому протографу, отразившемуся в списках *Воскр.*, *Покр.*, Еп-786, Хл-245. Ранний вид при этом передают *Чуд.*, Хл-239.

В чтении 67v (*мира...*), вероятно, *Чуд.*, Сф-1475, Ос-44, Тр-681 отражают первоначальный вид текста, а Хл-239 — его переходный вид, содержащий глоссу, с которой нисходящая традиция от протографа с этой глоссой повела себя по-разному: в одних случаях втянула в основной текст, образовав то удвоение (*философия учащим же философия*), которое принял Кузнецов в своей публикации; в других — втянула лишь фрагмент или одно слово (так в Ун-293)⁸². Учитывая сохранность переходного варианта чтения в виде глоссы, присутствие в традиции сокращенных версий глоссы в основном тексте и чтения в раннем виде Жития еще без этой глоссы, следовало бы считать вариант *Чуд.* наиболее ранним видом текста, а вариант, принятый в публикации Кузнецова, — поздней амплификацией.

Ни один ранний список не передает чтение ф. 70 (*но сам бо*) именно так, как его сконструировал Кузнецов. За основу он принял чтение, близкое к *Чуд.*, но пропустил союз *нам*. Почему? По всей видимости, на это решение повлиял ранний вариант без союза, но с инверсией *глава есть* (см., напр., в Ун-293).

В чтении ф. 79 (*разслабленных...*) отрывок *слуких исправиша* восходит к протографу, где слово *слукие* (т. е. сгорбленные) в какой-то форме было: оно встречается ниже в тексте Жития (*слуким исправление*), в Похвале (*слуким прямохождение*), но было непонятно для переписчика *Чуд.* или неисправно в его источнике⁸³. И.И. Кузнецов принял решение об удалении обоих слов, видимо, под влиянием неисправного чтения в *Чуд.* С этим решением нельзя согласиться, однако оно, видимо, свидетельствует об избыточной осторожности публикатора при сравнении чтений.

Несмотря на значительные сокращения, можно отметить родство «Милютинской» редакции с не самыми ранними версиями текста в чтениях *блаженнаго мужества* (л. 109 об., ср.: ф. 67), *она же отвѣща* (л. 146 об., ср.: ф. 103v). Если первое из названных чтений близко к Хл-239, то второе показывает безусловную близость к младшим спискам.

Отдельные чтения в публикации 1910 г. вызывают в настоящее время вопросы (табл. 3). Не все источники решений ясны. На каких основаниях принимал И.И. Кузнецов те немногие чтения, которые ныне не находят параллелей ни в одном известном списке Жития? Почему раннее чтение 65v *хотьние* превратилось в публикации в *желание*? Не по своему ли усмотрению И.И. Кузнецов исправил вариант *Чуд.* в чтении 67 (*блаженномужества*) на *блаженному мужества*? Оно не читается ни в одной известной ветви рукописной традиции. Далее в этом же чтении, по всей видимости, просто ошибка набора *добести* из *доблести*. Откуда взялось *провьщаваая* (f. 67v)? Почему в f. 72 возникает форма 1-го лица глагола *станем* вместо везде читающегося глагола 2-го лица мн. ч.? И эту же ошибку автор повторяет, комментируя отрывок ниже⁸⁴. По какому источнику создано *раб благий* вместо *раб Божий* в молитве моряков святому Василию (f. 78)? В f. 80 принято повелительное наклонение *твори* вместо деепричастной формы *творя* — возможно, в результате ошибки. А вот в 88-м предложен вариант *проиде* вместо почти повсеместного *преиде*, — впрочем, в рукописной традиции есть подобные прецеденты: скажем, в рукописи Ос-44, передающей, как уже отмечалось выше, раннюю версию текста. В f. 90v исследователь принимает осторожное компромиссное решение между двумя видами чтения, создавая в скобках свое особое, не находящее прямых аналогов ни в одной рукописи. В публикации на месте f. 92v, видимо, ошибка набора *самовицы*, а в f. 94v — по этой же причине пропуск буквы в *велик м* и пропуск слов *наказатель плѣнным* в f. 99. Неясно, почему на месте вполне рационального чтения *Чуд.* И.И. Кузнецов принимает удвоение *ему* в f. 103v.

Конечно, подобных замечаний можно сделать еще какое-то количество, однако только полное исследование рукописной всей традиции и ее рецепции позволит ответить на вопрос о том, почему исследователь начала XX в. видел текст Жития именно так, как он его видел. В конце своей книги 1910 г. автор оговаривается, что текст его исследования был труден «для правильного его печатания», а из опечаток им были исправлены в конце книги только «важнейшие». Среди них уточнены и чтения в публикации источников⁸⁵.

Таблица 3. Неясные места при передаче текста Жития в монографии И.И. Кузнецова

Чуд.	Ув-320 Ос-44 Тр-681	Уч-293	Хл-239 Ос-1008	Еф-64 Ос-991	Бл-1 Бл-155 Сф-462 Сф-1475 ⁵⁶ Ар-235 О-61	Вс-125 Сф-450 Вс-56	Ел-786	Ак-22	Покр.	Ув-424	Хл-245	Кузнецов
1	и сотвори хотѣние благо-вѣрному царю (186 об.) (79 об.) (65—65 об.)	и сотвори хотѣние благо-вѣрному царю (9)	и створи хотѣние вѣрному царю (131)	и сотвори хотѣние вѣрному царю (14)	и сотвори хотѣние благо-вѣрному царю (5) (113) (50) (782) (408)	и сотвори хотѣние вѣрному царю (42)	и сотвори хотѣние благо-вѣрному царю (44)	и сотвори хотѣние благо-вѣрному царю (6 об.)	и сотвори хотѣние благо-вѣрному царю (7—7 об.)	и сотвори хотѣние благо-вѣрному царю (9 об.)	и сотвори хотѣние благо-вѣрному царю (5—5 об.)	и сотвори хотѣние благо-вѣрному царю (36)
и сотвори хотѣние благо-вѣрному царю (79 об.) (65—65 об.)	и сотвори хотѣние благо-вѣрному царю (79 об.) (65—65 об.)	и сотвори хотѣние благо-вѣрному царю (9)	и створи хотѣние вѣрному царю (131)	и сотвори хотѣние вѣрному царю (14)	и сотвори хотѣние благо-вѣрному царю (5) (113) (50) (782) (408)	и сотвори хотѣние вѣрному царю (42)	и сотвори хотѣние благо-вѣрному царю (44)	и сотвори хотѣние благо-вѣрному царю (6 об.)	и сотвори хотѣние благо-вѣрному царю (7—7 об.)	и сотвори хотѣние благо-вѣрному царю (9 об.)	и сотвори хотѣние благо-вѣрному царю (5—5 об.)	и сотвори хотѣние благо-вѣрному царю (36)
но сам бо есть нам глава христос (70)	но сам бо есть нам глава христос (192) (85)	но сам бо глава естъ христос (17 об.)	но сам бо есть нам глава христос (136 об.)	но сам бо ест нам глава христос (23 об.) (3 об.)	но сам бо есть [235: естъ го-сподь] нам глава хри-стос (516 об.) (8 об.) (121 об.) (58 об.) (789 об.) (413)	но сам бо есть нам глава христос (29 об.) (47 об.)	но сам бо есть нам глава христос (50)	[*]	сам бо есть нам глава христос (12 об.)	но сам бо есть нам глава хри-стос (14 об.) стос (9)	но сам бо есмь нам глава хри-стос (9)	но сам бо естъ глава христос
и бѣды терпит многи (60 об.) (195) (87)	и бѣды терпит многи (139)	и бѣды терпит многи (22)	и бѣды терпит многи (240 об.) (139)	и бѣды терпит многи (28)	и бѣды терпит многи [462, 235, 61: многи] (519) (126) (62 об.) (793) (416) 155: и многи бѣды тер-пит (10 об.)	и бѣды терпит многи (31) (51)	и бѣды терпит многи (54)	и бѣды терпит многи (12 об.)	и бѣды терпит многи (16)	и бѣды терпит многи (18)	и бѣды терпит многи (11)	и бѣды тер-пит

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
якоже достоин и кто слушает (75 об.)	якоже достоин и кто слушает [44: по-слушает] (62) (196 об.) (88 об.)	якоже достоин и кто слушает (24 об.)	якоже стоит и кто слушает (241) (140 об.)	якоже до-стоит и кто слушает (31) (11 об.)	якоже до-стоит и кто слушает (520 об.) (128) (65) (795) (417 об.)	якоже до-стоит и кто слушает (32) (55)	якоже до-стоит и кто слушает (56 об.)	якоже до-стоит и кто слушает (14)	якоже до-стоит и кто слушает (18)	якоже до-стоит и кто слушает (20)	якоже до-стоит и кто слушает (12)	якоже до-стоит и кто слушает (41)
и братию и сестр (75)	и братию [44: братю] и сестр (63) (199) (90 об.)	и братию и сестр (27 об.)	и братю и сестр (242) (142)	и братию и сестр (34 об.) (11)	и братию и сестр (522) (13) (131) (67 об.) (797 об.) (419)	и братию и сестр (33 об.) (55 об.)	и братию и сестры (59)	и братию и сестр (16)	и братию и сестр (20 об.)	и братию и сестр (22 об.)	и братию и сестр (13 об.)	и братию и сестр (42)
якоже илия (75 об.) (199) (91)	якоже илия (63 об.) (199) (91)	якоже илия (28)	якоже илия (242 об.) (142 об.)	якоже илия (35) (11 об.)	якоже илия [462, 61: и иль; 235: и иль] (522 об.) (13) (132) (68 об.) (798 об.) (419 об.)	[*] (34) ⁹⁸ якоже и илия (56)	[*] (59 об.)	[*] (16 об.)	[*] (20 об.-21)	[*] (23)	[*]	якоже илия (исправлено на «илия» в разделе «Важнейшие опечатки», с. 1)
николи же от-лучаяся [на поле укла-няя] (76 об.)	николи же укла-няя [44: укла-няя] (64 об.) (65) (201) (92 об.)	николи же укла-няя (31)	николи же укла-няя [1008: укла-няя] (243 об.) (144)	николи же укла-няя [991: укла-няя] (38 об.) (13 об.)	николи же укла-няя [235: укла-няя]; 155: [524] (14 об.) (134 об.) (71) (800 об.) (421)	николи же укла-няя (58 об.)	николи же укла-няя (61 об.)	николи же укла-няя (18)	николи же укла-няя (22)	николи же укла-няя (24 об.)	николи же укла-няя (15)	николи же укла-няя (43)

Окончание таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
юным наказательным плённыи свободитель (99)	юным [44, 68]: юн-ным] наказательным плённыи [44: на-казание] свободитель (85) (229) (116)	юным наказател свободител-ным плённыи (69 об.)	юнным наказательным плённыи свободитель (170)	юным наказательным плённыи свободитель (86 об.) (44 об.)	юнным [475, 61: юным] наказательным плённыи свободитель (546 об.) (179) (114) (834 об. — 835) (445 об.)	юным наказател плённыи свободитель (57 об.) (85 об.)	юным наказател плённыи свободитель (102)	юным наказател плённыи свободитель (50 об. — 51)	юным наказательным плённыи свободитель (56)	юным наказательным плённыи свободитель (63)	[*]	юным свободитель (57)
она ж отвѣщав ему рече (103 об.)	она ж отвѣщав ему рече (87) (234 об.) (121)	она же отвѣщав ему рече (73)	она же отвѣщав рече (257 об.) 1008: [*]	она же отвѣщав рече (97) ⁸⁹ 991: она же отвѣщав ему рече (47)	она ж отвѣщав ему рече (501) [462, 1475: *] 235: она же отвѣщав рече (865) 61 жд: она же отвѣщав ему рече (448 об.)	она же отвѣщав [450: она ж отвѣщав рече] (61) (89) (53)	она же отвѣщав (109)	[*]	она же отвѣщав (61 об.)	она же отвѣщав (84 об.)	[*]	она ж отвѣщав ему рече (60)

Весь комплекс известных о. Иоанну рукописных сборников с Житием Василия Блаженного никем вплоть до наших дней не пересматривался. Вопрос, почти нерешенный в науке, — насколько общие чтения во всех известных ныне редакциях Жития позволяют построить единую генетическую концепцию рукописной традиции? Этот сюжет может быть раскрыт только в ходе полномасштабного изучения и самой рукописной традиции, и всех богослужебных и литературных следов памятника, к чему стремился автор монографии 1910 г. Встречающиеся в научной литературе критические наблюдения о терминологии И.И. Кузнецова основаны на текстологических методиках наших дней, что, конечно, превышает требования к историко-филологической науке прошлого.

Можно уточнять также и те новации, которые предлагают ныне исследователи, однако не вызывает сомнений, что пробные камни в дискуссии заложены ученым, протоиереем собора о. Иоанном на рубеже XIX—XX вв. Он ввел в научный оборот и синтезировал в своем исследовании и публикации текстов все доступные ему на протяжении многолетней работы списки Жития. Готовя свои версии к публикации, учел принципиальные различия между версиями текста и высказал или интуитивно применил осторожный и взвешенный подход к проблеме первичности чтений. Продолжение начатой им работы еще приведет науку к выверенному на новом археографическом уровне переизданию этого уникального памятника русской культуры. При этом задача перед текстологией наших дней значительно сложнее по сравнению с той первичной классификацией, которую осуществлял И.И. Кузнецов. Ряд первостепенных вопросов остается без решения, а объем проделанной И.И. Кузнецовым работы, использованных в исследовании рукописей, классификация списков и названные выше научные методики не оставляют сомнений, что основания для построений и дискуссий заложены именно в его книге 1910 г. Можно согласиться с одним из первых рецензентов книги: «И.И. Кузнецову нужно приписать честь начинателя добросовестного, научного исследования причтами своих святых — предприятия несомненно желательного и полезного в интересах духовного просвещения и науки»⁹⁰.

¹ Выражаю благодарность Л.Б. Беловой, Н.П. Бондар, Ю.А. Грибову, Н.И. Коваленко, А.А. Малыгиной, Н.Н. Малышевой, А.А. Романовой, Т.Р. Руди,

- А.Г. Сергееву, Е.И. Серебряковой, Искре Шварц, М.А. Шибаеву за бесценные подсказки и помощь при подготовке этой работы.
- 2 *Кузнецов И.И., прот.* Святые блаженные Василий и Иоанн, Христа ради [юродивые], Московские чудотворцы: Историко-агиографическое исследование. Б.г. [М., 1910].
- 3 *Соболевский А.И.* Протоиерей И.И. Кузнецов «Святые блаженные Василий и Иоанн, Христа ради [юродивые], Московские чудотворцы: Историко-агиографическое исследование. [М., 1910] // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. СПб., 1913. Т. XVIII. Кн. 3. С. 391—398. Отд. оттиск рецензии: С. 1—8; *Евсеев И.Е.* Протоиерей И.И. Кузнецов «Святые блаженные Василий и Иоанн, Христа ради [юродивые], Московские чудотворцы: Историко-агиографическое исследование» // Христианское чтение. СПб., 1914. № 3. С. 404—413.
- 4 *Панченко А.М.* Житие Василия Блаженного // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2: Вторая половина XIV—XVI в. Ч. 1: А—К. С. 250—251. Здесь также с критической нотой говорится о том, что издание И.И. Кузнецова устарело, однако из разбора ясно, что оно остается главной работой на момент написания статьи. Под научным руководством А.М. Панченко успешно защищена диссертация Л.М. Сабировой, где рассмотрено только Житие Василия Блаженного (полный текст диссертации до сих пор не опубликован, а сегодня нуждался бы в уточнениях). Автор этих строк опирался на исследование о. Иоанна при написании обзорной статьи: *Ерусалимский К.Ю.* Василий Блаженный // ПЭ. М., 2004. Т. 7. С. 123–128.
- 5 Ниже приведены современные работы о текстологии Жития блаженного Василия.
- 6 Особые проблемы текстологии касаются списков Служб святым Василию и Иоанну, а также отдельных повестей и летописных записей о Василии Блаженном. Они не рассматриваются в настоящей работе.
- 7 *Кузнецов И.И., прот.* Святые блаженные Василий и Иоанн... С. 1.
- 8 Обзор исследований и взвешенно-критическую оценку работы И.И. Кузнецова (рецензия И.Е. Евсеева на его монографию автором не учтена) см.: *Сабирова Л.М.* Житие Василия Блаженного — памятник древнерусской агиографии XVI века: Проблемы текстологии и литературной истории произведения. Дисс. канд. филол. наук. СПб., 1992. С. 5—8, 168—172.
- 9 О ходе исследования говорит, в частности, Книга записей выдачи читателям рукописей Синодальной библиотеки за 1894—1930 гг. И.И. Кузнецов работал над своей монографией, просматривая рукописи *de visu* или прямо указывая их недоступность для исследования. См. статью Е.И. Серебряковой в настоящем издании.
- 10 *Кузнецов И.И., прот.* Святые блаженные Василий и Иоанн... С. 2.
- 11 Там же. С. 3.
- 12 Учитываем в нумерации до № 42 только списки, известные И.И. Кузнецову. Дальнейшие поисковые работы и введение в научный оборот новых списков после 1910 г. потребуют специального исследования. Но

- ваторская диссертация Л.М. Сабировой, в которой в числе прочих задач предпринята попытка выяснить местонахождение списков, бывших в распоряжении прот. Иоанна, содержит неточности в датировках рукописей и неполные данные в шифрах. Например, изменился номер рукописи № 27 в собр. ОЛДП. Неверно передан формат в шифре рукописей № 13 и 14 из ОСРК; неточно — номер списка Соф. № 450 (не «35», а 36 у Кузнецова). Под иными номерами хранятся теперь рукописи № 6—11 из собр. А.С. Уварова. Почему-то не указано, что рукописи № 16 и 105 перечня Сабировой были известны Кузнецову (у него: № 9 и 37). Не установлены или неверно переданы позднейшие шифры № 2, 17, 28, 31, 32 из монографии 1910 г. — сегодня можно установить местонахождение этих списков (*Сабирова Л.М. Житие Василия Блаженного...* С. 219—225).
- 13 Далее в тексте, говоря о списках, известных И.И. Кузнецову, используем современные шифры или специальные сокращения.
- 14 См.: Славянские рукописи собрания Ф.А. Толстого: Материалы к истории собрания и указатели старых и новых шифров / Сост. Д.К. Уо. Л., 1980. С. 28.
- 15 Согласно Л.М. Сабировой (№ 11 в ее перечне списков), данная рукопись, на начало 1990-х годов хранившаяся под шифром ОР ЦНБ АН УССР, собр. Макарьевское № 29 (Аа, 154), содержит список *Пространной (Минейной)* редакции Жития с *Похвальным Словом*. И.И. Кузнецов отмечает в данном сборнике только Житие, тропарь и кондак (без Чудес). По сообщению киевских коллег, данный сборник содержит только службу блаженному. См. также: *Петров Н.И.* Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве. М., 1891. Вып. 1. С. 55.
- 16 *Калиганов И.И.* Георгий Новый у восточных славян. М., 2000. С. 195—196.
- 17 *Кузнецов И.И., прот.* Святые блаженные Василий и Иоанн... С. 28.
- 18 См. также: *Руди Т.Р.* Об одной талмудической параллели к «апокрифическому» Житию Василия Блаженного // ТОДРЛ. СПб., 2009. Т. 60. С. 105.
- 19 *Орлова (Сабирова) Л.М.* К вопросу о литературной истории Жития Василия Блаженного (Особая редакция) // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа: Тез. докл. Ч. 2: Археография и книжность. Лингвистическое изучение европейского Севера. Сыктывкар, 1990. С. 57—59; *Она же.* «Житие Василия Блаженного» — памятник древнерусской агиографии XVI века: Проблемы текстологии и литературной истории произведения // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2008. Сб. 13. С. 601—623; Двадцать восемь чудес святого Василия Блаженного. По лицевой рукописи конца XVIII века из собрания ГИМ / Сост. Е.М. Юхименко. М., 2007; *Грибов Ю.А.* О малоизвестном лицевом списке Жития Василия Блаженного из собрания ГИМ // Юродивые в русской культуре / Отв. ред. и сост. Е.М. Юхименко. М., 2013. С. 90—124; Рукописные книги собрания М.П. Погодина. Каталог / Под ред. О.В. Творогова и др. СПб., 2004. Вып. 3. С. 99; Рукописные книги собрания М.П. Погодина: Каталог / Под ред. О.В. Творогова и др. СПб., 2004. Вып. 4. С. 108—111, 161—164 и др. Данные о списках Жития Василия Блаженного из собраний Российской национальной библиотеки собраны в базе данных «Источники рус-

- ской агиографии», подготовленной при Пушкинском доме (ИРЛИ РАН) под научной редакцией Н.В. Поньрко. Л.М. Сабирова приводит сведения в общей сложности о 107 списках Жития, однако, согласно указанию самой исследовательницы, ей удалось ознакомиться de visu с 97 списками. См.: *Сабирова Л.М.* Житие Василия Блаженного... С. 224—225.
- 20 *Кузнецов И.И., прот.* Святые блаженные Василий и Иоанн... С. 225.
- 21 Там же. С. 225—228.
- 22 Там же. С. 27—30.
- 23 *Сабирова Л.М.* Житие Василия Блаженного... С. 31—62.
- 24 *Кузнецов И.И., прот.* Святые блаженные Василий и Иоанн... С. 27—28.
- 25 Здесь и далее номера листов (лицевой стороны или «v», т.е. verso, оборота листа) под литерой «f.» (т.е. folio, лист) приводятся по списку ОР ГИМ Чуд. № 317.
- 26 См.: *Сабирова Л.М.* Житие Василия Блаженного... С. 50.
- 27 *Соболевский А.И.* Протоиерей И.И. Кузнецов... С. 391.
- 28 *Орлова (Сабирова) Л.М.* «Житие Василия Блаженного»... С. 605—606.
- 29 *Кузнецов И.И., прот.* Святые блаженные Василий и Иоанн... С. 260—264.
- 30 *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958. С. 86, 90.
- 31 *Кузнецов И.И., прот.* Святые блаженные Василий и Иоанн... С. 4—5.
- 32 Там же. С. 33—76.
- 33 Там же. С. 7.
- 34 Там же. С. 8.
- 35 Там же. С. 8—9.
- 36 Там же. С. 9.
- 37 Там же. С. 7, 9, 25.
- 38 Там же. С. 111.
- 39 *Дианова Т.В.* Филигрны XVII—XVIII вв.: «Герб города Амстердама». М., 1998.
- 40 *Uchastkina Z.V.* A History of Russian Hand Paper—Mills and Their Watermarks / Ed. by J.S.G. Simmons. Hilversum, 1962.
- 41 *Кузнецов И.И., прот.* Святые блаженные Василий и Иоанн... С. 25.
- 42 Там же. С. 25—26.
- 43 А.И. Соболевский сурово отнесся к этому выводу, хотя свои собственные идеи на этот счет сформулировал с допущениями и оговорками: «Отсутствие в житии каких бы то ни было указаний на чудеса, совершенные Василием при жизни и вообще для прославления, действительно, заслуживало бы внимания, если бы его можно было удостоверить... Но кажется, указания на чудеса, правда, скудные, имеются, хотя не в собственно житии, а в присоединенном к нему кратком похвальном слове, в „похвале“» (*Соболевский А.И.* Протоиерей И.И. Кузнецов... С. 3).
- 44 *Кузнецов И.И., прот.* Святые блаженные Василий и Иоанн... С. 26, 182—183, 188.
- 45 Об этом см. анализ табл. 2 и 3.
- 46 *Кузнецов И.И., прот.* Святые блаженные Василий и Иоанн... С. 182.
- 47 Там же. С. 183.

- 48 Здесь и далее текстологические выводы получены на основе табл. 2 и 3. За ориентир мы принимаем чтения Чуд., которые указываем специальными обозначениями с номерами листа (f.) или оборота листа (v.).
- 49 Кузнецов И.И., *прот.* Святые блаженные Василий и Иоанн... С. 10—11.
- 50 Там же. С. 10.
- 51 НИОР РГБ. Муз. № 10658. Л. 26. Слово списка исправлено на: *рукописи*, далее исправлены также согласования. Сборник открывается посмертными чудесами блаженного и продолжается *Житием и Похвалой*.
- 52 Кузнецов И.И., *прот.* Святые блаженные Василий и Иоанн... С. 280.
- 53 Там же. С. 242—243.
- 54 Там же. С. 288—292.
- 55 Там же. С. 300—301.
- 56 Там же. С. 295, 299—301.
- 57 Соболевский А.И. Протоиерей И.И. Кузнецов... С. 4—5. И автор монографии, и его критик видят шаткость всех оснований, чтобы судить о времени возникновения Особой редакции. Еще менее убедительно звучит в рецензии А.И. Соболевского аргумент *ex silentio* об «отсутствии каких бы то ни было намеков на Смутное время» в Особой редакции.
- 58 Кузнецов И.И. О постройке московского Покровского собора // ЧОИДР. 1896. Кн. 1. Отд. 4. С. 19—24; *Он же.* Святые блаженные Василий и Иоанн... С. 246. См. также: Хазанова С.И. Пискаревский летописец: Происхождение, источники, авторство. М., 2014. С. 22—23, 101—103. Как отмечает исследовательница, сведения о Василии Блаженном в Пискаревском летописце представляют особую вставку под 7093—7094 гг. (т. е. 1584—1586 гг. от Р.Х.).
- 59 Сабирова Л.М. Житие Василия Блаженного... С. 14—15, 16—31, 93—105.
- 60 Снегирев И.М. Святой Василий Блаженный // Душеполезное чтение. 1864. Ч. 2. С. 293—308. Полного текстологического сравнения этой версии с Особой редакцией И.И. Кузнецов не приводит, однако использует предание Снегирева (полученное им от Хлудовых и Лобкова) для изучения биографических данных о святом (Кузнецов И.И., *прот.* Святые блаженные Василий и Иоанн... С. 335—338, 350—352).
- 61 И.И. Кузнецов допускает влияние «Полного Жития (Списка № 317 и других)» на Особую и Сокращенную редакции, однако это лишь допущение («кажется»). Оснований для такого вывода в монографии 1910 г. не приведено (Кузнецов И.И., *прот.* Святые блаженные Василий и Иоанн... С. 280, 296). Л.М. Сабирова также весьма осторожно допускает влияние Первоначальной редакции на Особую, но связи между Минейной и Особой не видит, отмечая только влияние Особой редакции на Сводную (позднюю традицию Минейной) (Сабирова Л.М. Житие Василия Блаженного... С. 245. Схема 5).
- 62 Курсив И.И. Кузнецова (Кузнецов И.И., *прот.* Святые блаженные Василий и Иоанн... С. 285).
- 63 Руди Т.Р. Об одной талмудической параллели... С. 103—136; *Она же.* Об одном сюжете из «апокрифического» Жития Василия Блаженного // Юродивые в русской культуре. М., 2013. С. 18—33.

- 64 Ср.: Кузнецов И.И., *прот.* Святые блаженные Василий и Иоанн... С. 302—308.
- 65 Там же. С. 298—299. Об этом см. также: Баталов А.Л. Придел Василия Блаженного в соборе Покрова на Рву и особенности почитания святого в конце XVI в. // Юродивые в русской культуре. М., 2013. С. 3—17.
- 66 Курсив И.И. Кузнецова (Кузнецов И.И., *прот.* Святые блаженные Василий и Иоанн... С. 297).
- 67 Там же. С. 7—8.
- 68 Вопрос о происхождении и ранних версиях Минейной редакции вызывает необходимость здесь оговориться, что вывод Л.М. Сабировой об использовании в Чудовской Минее 1600 г. того «типа текста жития», который сходен с Ос-44 (в номенклатуре исследовательницы — «Толст-295»), не является текстологическим обоснованием первичности именно Ос-44 по сравнению с Чуд. (ср.: Сабирова Л.М. Житие Василия Блаженного... С. 60, 69—71). Несложно убедиться в существенных отличиях между Чуд. и Ос-44 в чтениях f. 73v (яко же достоин), 76v (николи же), 79 (слепых простиша), 79 (разслабленных воздвигоша) и др.
- 69 Кузнецов И.И., *прот.* Святые блаженные Василий и Иоанн... С. 186.
- 70 Знак [*] в табл. 2 и 3 означает, что данное чтение Чудовского списка здесь отсутствует.
- 71 Опираемся для удобства на зачеркнутую фолиацию, поскольку исправляющая ее карандашная тоже неточная и на многих листах не проставлена.
- 72 В данном списке нами учтены только чтения Жития и *Похвального Слова*. Разночтения по разделу с Чудесами в табл. 2 и 3 не подведены.
- 73 Весь отрывок с рядом пропусков и сокращений: и съвъкупляет-с неразъмсно отец бо и присносый пребывая в отчествѣ едином старъи сы сыну (Хл-239, л. 233 об.).
- 74 Буквы му вписаны над строкой.
- 75 Выделенный курсивом отрывок на поле; утраты восстановлены условно — букв нет на срезе листа (Хл-239, л. 237 об.).
- 76 Здесь буква м и ниже в слове *филосо[ф]ия* буква ф утрачена на срезе листа (Ос-1008, л. 134).
- 77 В Сф-462 перед словом написано основными чернилами; красными чернилами зачеркнуто слово *грамотѣ* (Сф-462, л. 117 об.).
- 78 Выделенный курсивом отрывок приписан на поле (Ч-317, л. 79).
- 79 Над буквами ну приписано го над строкой (Бл-155, л. 16).
- 80 Далее весь изучаемый отрывок утрачен (О-61, л. 424).
- 81 В Бл-155 первая м по затертому (л. 18).
- 82 Этот список относится к группе Б Минейной редакции, согласно Л.М. Сабировой, и передает ошибочное имя царицы в правление Ивана Грозного — Евдокия Лукьяновна. Данный вид исследовательница датирует временем царя Михаила Романова (Сабирова Л.М. Житие Василия Блаженного... С. 43—44). Можно уточнить датировку, учитывая, что Е.Л. Стрешнева была царицей ок. 1626—1645 гг. То есть здесь перед нами процессы изменения текста, относящиеся уже ко второй четверти XVII в.

- 85 В службе Василию и в краткой заметке о его преставлении конца XVI в. о нем говорится: «слѣпым прозрѣние дарова, хромым хождение, нѣмым глаголаніе, глухим слышаніе, слуким прямое хождение...» или «слуким простертіе» (НИОР РГБ. Муз. № 1826. Л. 203—203 об., 220 об.).
- 84 Кузнецов И.И., *прот.* Святые блаженные Василий и Иоанн... С. 196.
- 85 Там же. С. IV2, с. 1—4 списка исправлений.
- 86 Опираемся для удобства на зачеркнутую фолиацию, поскольку исправляющая ее карандашная тоже неточная и на многих листах не проставлена.
- 87 Отрывок приписан на нижнем поле.
- 88 Здесь, а также в списках Еп-86, Ак-22, Покр., Ув-424, Хл-245 после *сладости всяк мертви* (ср. 75) читается: *яко не доволно ему первым подвигом* (ср. 76).
- 89 Здесь и далее более поздний фрагмент рукописи XIX в.
- 90 *Евсеев И.Е.* Протоиерей И.И. Кузнецов... С. 408.

Надписи на веригах святого Иоанна Блаженного: итоги расшифровки

Ношение вериг является одним из видов аскетического подвижничества. Это особый подвиг, требующий благословения опытного духовника¹. Известно, что вериги использовали с ранних веков христианства в основном монашествующие и юродивые Христа ради. Однако были случаи, когда их носили церковно-государственные деятели, например, патриарх Никон². Вступившие на путь веригоношения следовали словам апостола Павла: «Впрочем, никто не отягощай меня, ибо я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем»³. Далеко не всегда были чисты помыслы вступивших на этот путь. Так, в XVII в. патриарх Иоасаф издал указ о преследовании мнимых веригоносцев. Позже, после Петра I, веригоносцы вовсе стали считаться «посланниками бесов»⁴.

Вериги, хранящиеся ныне в приделе святого Иоанна Блаженного собора Покрова Пресвятой Богородицы что на Рву, представляют собой огромный интерес для изучения⁵. Их судьба тесно связана с храмом на Красной площади, в котором, вероятно, вериги находились все это время, с момента смерти блаженного в 1589 г. (рис. 1)⁶.

В настоящее время вериги⁷ святого Иоанна Блаженного состоят из двух предметов. Это большой четырехконечный крест размерами около 30×30 см, от которого отходят восемь цепей длиной 17—52 см; к ним крепятся плечевые и поясные накладки. Вес — около 10 кг. Проволока, которую использовали для изготовления цепей, в сечении круглая, диаметр — около 5 мм. Толщина креста в центральной части 8,5 мм, по краям детали — 6—7 мм. Накладки на пояс состоят из двух частей. Они согнуты дугами для лучшего прилегания к телу. На дугах есть крепления в виде скобы. Толщина поясной накладки № 1: пластины со скобой — 8 мм, скобы

Рис. 1. Реликвии, возвращенные в церковь Иоанна Блаженного в 2018 г.

в сечении — 7 мм, пластины с крючком — 4,5 мм, крючка в сечении — 8 мм; поясной накладки № 2: пластины со скобой — 7 мм, скобы в сечении — 5 мм, пластины с крючком — 6 мм, крючки в сечении — 7—8 мм. Каждая из двух накладок на плечи состоит из четырех частей, одна из которых согнута дугой, остальные — прямые. Три накладки имеют крючки на концах пластин (две поясные и одна плечевая). На плечевых дуговидных накладках есть крепление в виде скобы. Одна из скоб утрачена. Толщина плечевых накладок: № 1 — изогнутая накладка — 8 мм, скоба на детали в сечении — 5 мм, пластина с крючком — 5 мм, остальные пластины этой детали — 3—4 мм; плечевая накладка № 2 (без скобы): изогнутая деталь — 9 мм, другие пластины — 3,5—8 мм, крючок на крайней пластине в сечении 7 мм. Детали вериг были выкованы из железа, на них видны следы ржавчины. На кресте видны следы зубила, с помощью которого придали форму этой детали послековки (рис. 2).

До нашего времени дошли также вериги в виде железного кольца с длинными цепями и элементами разной формы⁸. До сих пор остается вопрос о том, как носились или надевались эти вериги, ввиду их необычной конструкции (рис. 3). На фотографии вериг святого Иоанна Блаженного 1900 г. отчетливо видны еще два железных креста с цепями, однако их местонахождение неизвестно⁹ (рис. 4). Общий вес вериг, по словам протоиерея Покровского собора И.И. Кузнецова, составлял около двух пудов, т. е. около 32 кг¹⁰. Позднее Иоанн Иоаннович уточняет их вес — один пуд тридцать фунтов, т. е. 29,6 кг¹¹.

Попытаемся разобраться, могли ли эти вериги принадлежать святому Иоанну. Как известно, подвиг веригоношения был тайным. Определить время и тем более место изготовления вериг достаточно сложно. Исследование технологии изготовления и химического состава металла железных предметов мало что могут прояснить. Это создает определенную сложность в изучении подобных предметов. Вероятно, поэтому вопрос остается до сих пор недостаточно освещенным в научной литературе. Одной из немногих и до сих пор актуальных работ остается реферат Василия Мансветова¹². Альбом «Крест в России» дает некоторое представление о веригах, приводится краткая информация об этом предмете и несколько примеров с фотографиями¹³. Весьма интересен каталог, изданный Владимиро-Суздальским музеем-заповедни-

Рис. 2. Крест с накладками и цепями

Рис. 3. Кольцо с цепями

ком, в котором представлены 11 вериг из коллекции музея¹⁴. Статья Е.К. Тюриной посвящена коллекции вериг Муромского музея¹⁵. Пожалуй, этим исчерпывается круг публикаций по данной теме.

Сохранился ряд списков жития Иоанна Блаженного XVII—XVIII вв. Их условно можно разделить на три группы: первая содержит только житие святого, вторая — рассказ о погребении

и посмертных чудесах и, наконец, третья группа представляет собой объединенный вариант жития¹⁶. Последняя группа является наиболее поздней. И.И. Кузнецов приводит подробный разбор летописных, житийных и других источников, связанных с Иоанном Блаженным¹⁷. Согласно житию, святой Иоанн Блаженный был родом из Вологды и уже с юных лет решил посвятить свою жизнь служению Богу. Покинув родной дом, он бесплатно трудился «водоносцем» на солеваренных промыслах в вологодском крае. Это была одна из самых тяжелых работ в солеварении. Такого рода работы подробно описывает И.И. Кузнецов в своем труде¹⁸. Позже блаженный покинул родные края и отправился в Ростов Великий, где принял на себя подвиг веригонощения. Кузнецов полагает, что Иоанн находился в Ростове в период с 1580 по 1585 г. Кроме тяжелых вериг, святой носил железный крест, для него были изготовлены многочисленные деревянные четки, по которым он читал молитвы. Также на пальцах его были массивные медные кольца. Волосы святого были вымазаны пеплом и смолой. Жизнь блаженного была тяжелой: он соблюдал посты и молился, питался скудно и много трудился.

Иоанн облачался в длинное одеяние «от главы его и до ноги», на голову надевал колпак, который вместе со всем одеянием был «вкупе свален, а не швен»¹⁹. Именно благодаря колпаку-капюшону святой получил свое прозвище «Большой колпак». Со временем представление о колпаке блаженного сильно изменилось: сначала он «отделился» от его одеяния, потом полагали, что он был сшит из материи, а в XIX в. утвердилось понятие о «железном колпаке». Окончательно железный колпак вошел в историографию после

Рис. 4. Вериги святого Иоанна Блаженного.
По: Кузнецов И.И., 1900.

Рис. 5. Икона «Святой Василий Блаженный и святой Иоанн Юродивый». Москва. XVII в.

пушкинского «Бориса Годунова». Это повлияло на иконографию святого Иоанна.

В Покровском соборе сохранился ряд иконописных изображений святого XVII—XIX вв.²⁰ На самом раннем из них Иоанн изображен вместе с Василием Блаженным (рис. 5). Здесь шерстяной валяный колпак находится под левой рукой святого. В ней же — подобие посоха с навершием, напоминающим наконечник копья. Колпак

Рис. 6. Фрагмент иконы «Покров Пресвятой Богородицы с предстоящими Василием и Иоанном Блаженными». Москва. XVIII в.

почти бесформенный и выглядит как капюшон, «отделившийся» от основного одеяния. На фасадной иконе «Покров Пресвятой Богородицы с предстоящими Василием и Иоанном Блаженными» XVIII в., ныне находящейся в центральной церкви собора, колпак блаженного уже имеет продолговатую форму и совершенно не похож на капюшон. У него даже есть своего рода «кисточка» (рис. 6).

Рис. 7. Икона «Святой Иоанн Блаженный» из иконостаса церкви Василия Блаженного. Москва. Конец XIX в.

Легенда о железном колпаке нашла свое отражение на нескольких изображениях конца XIX в. После ремонта церкви Василия Блаженного, приуроченного к 350-летию юбилею закладки собора, в левом завороте иконостаса появилась икона с изображением Иоанна Блаженного (рис. 7). Здесь уже совершенно отчетливо изображен железный колпак. По форме он напоминает шлем, который святой держит на руке, а не подмышкой, как изображали ранее. Еще один «железный колпак» мы видим на парной хоругви, ныне находящейся в экспозиции церкви Иоанна Блаженного (рис. 8). Колпак на ней похож одновременно и на «отделившийся» капюшон, и на железный шлем. Эти хоругви двусторонние. Парным к святому Иоанну является изображение Рождества Христова, а к Василию Блаженному — Рождество Богородицы. Оба предмета выполнены в неорусском стиле и имеют богатый ажурный декор по периметру, подвески и эмалевые вставки²¹.

Считалось, что железный колпак, принадлежавший Иоанну Блаженному, был утрачен во время французского нашествия в 1812 г. Однако И.И. Кузнецов справедливо вопрошает: а как же уцелели остальные реликвии? Исследователь полагал, что колпака вовсе не было²². Нам кажется, что рассуждения Иоанна Иоанновича вполне обоснованны. В житийных списках приводится подробное описание внешности блаженного, его возраст, длина волос, которые «он удручал смолою и пеплом»²³, его одеяние вместе с капюшо-

ном. Также сообщается о подвиге Иоанна, о том, что он возложил на свое тело вериги, но нет упоминания о железном колпаке. В ранней иконографии святого также нет ни одного изображения железного венца или колпака. Они появляются лишь на поздних иконах конца XIX в.

После 1585 г., как указывает И.И. Кузнецов, Иоанн Блаженный приходит «по своему обещанию на свое преставление» в Москву к собору Покрова Пресвятой Богородицы на Рву²⁴. Предчувствуя скорую кончину, святой обратился к протопопу Покровского собора Димитрию, «просяше у них места, где бы положиться»²⁵. После того, как он получил благословение от протопопы, блаженный отправился по Москворецкому мосту в баню, или «мовницу».

По дороге Иоанн исцелил некоего хромого Григория, велел ему сказать об этом чуде протопопу Димитрию. В бане святой трижды окатился водой, снял с себя вериги, положил их под голову, лег и простился со всеми, прося отнести его тело к Покровскому собору. Важно отметить, что святой перед кончиной якобы просил или «заповедал» похоронить его на третий день после смерти. Согласно житию, «царь и патриарх быста на погребении его со всем освященным собором со множеством народа»²⁶. Однако просьба не была исполнена, и похороны состоялись на следующий день после преставления Иоанна. Во время церемонии было ужасное «знамение». Прогремел гром, от молнии начался пожар,

Рис. 8. Двусторонняя хоругвь «Рождество Христово / Святой Иоанн Блаженный». Москва. Конец XIX в.

в котором сгорели иконы и погибли люди. Знамение это было воспринято как нарушение обещания, данного блаженному относительно его погребения.

Во время похорон были явлены чудеса исцеления больных от различных недугов. Продолжились они и после, в том числе исцеления происходили от вериг святого²⁷. Кроме житийных источников, об исцелениях упоминается в «Книге достопамятностей» Покровского собора. Этот рукописный конволют фиксирует с той или иной степенью периодичности различные важные события из жизни собора, в том числе в нем приводится список чудес Иоанна Блаженного, произошедших на его могиле почти сразу после погребения. Так, 9 ноября 1590 г. «простил святой Иоанн от своих вериг человека именем Агапия. Был на нем тяжелый недуг от матерне рода, и возлагали на него вериги святого»²⁸.

До 1929 г. вериги находились в посвященной блаженному Иоанну церкви. Она была пристроена с юго-восточной стороны к Покровскому собору в 1672 г. Тогда же были обретены мощи блаженного, которые сразу перезахоронили в церкви у южной стены. Где находились вериги до пристройки — неизвестно. Однако существует ряд свидетельств, дающих основания полагать, что все это время они были в Покровском соборе. На это есть прямые указания в житийных списках и «Книге достопамятностей». На фотографии И.И. Кузнецова видны существующие вериги, висящие над ракой святого. Таким образом, на примере разных свидетельств можно проследить своего рода «жизнь» вериг Иоанна Блаженного в Покровском соборе, где они находятся до сих пор во вновь открытой в 2018 г. его церкви.

Безусловно, необходимо отметить уникальность вериг святого Иоанна Блаженного: на четырех плечевых и поясных накладках содержатся надписи на русском языке (рис. 9). Примеры наличия вериг в коллекциях тех или иных музеев нередки. Однако предметы с надписями встречаются нечасто. Надписи на них датируются не ранее конца XVIII — начала XIX в. и их объем значительно меньше. Обычно это краткие молитвы или изображения распятий с буквенными обозначениями. В Государственном историческом музее хранятся различные вериги, но и на них надписи минимальны. В обозримой источниковой базе вериги, принадлежавшие, по преданию, Иоанну Московскому, являются, предположительно, образцом, содержащим самые ранние надписи на по-

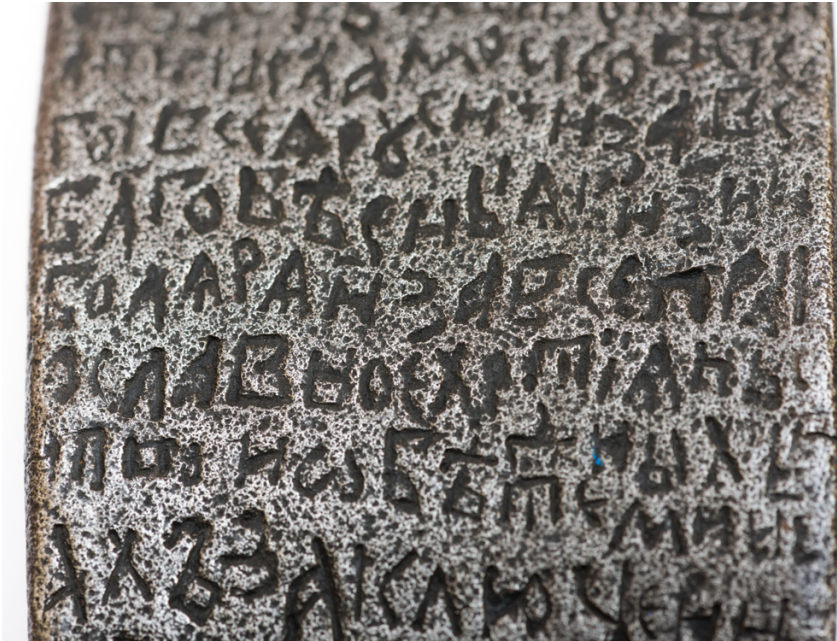

Рис. 9. Фрагмент надписи на пластине 1 (поясная накладка)

добном предмете, что подчеркивает их уникальность как одной из святынь Покровского собора.

Надписи представляют собой связанный по смыслу текст. На первых трех пластинах буквы могли быть выполнены одним инструментом; на четвертой детали линии немного тоньше. Чтение текста крайне затруднено ввиду того, что буквы полустерты и сама поверхность пластин неровная. Так, например, на пластине 4 читаются только отдельные буквы, которые почти невозможно сложить в слова. Надписи содержат имя первого патриарха Московского и всея Руси Иова, что позволяет говорить о точной датировке текста на веригах.

Вторая половина XVI столетия была во многом важным периодом для Русской Православной Церкви. Это время прославления русских местночтимых святых на Макариевских соборах и, конечно же, становление патриаршества на Руси. Первый русский патриарх Иов продолжил канонизацию русских святых, в том числе таких, как Василий и Иоанн Блаженные. Как отмечалось выше, в житии Иоанна Блаженного говорится не просто о благослове-

нии протопopa Димитрия и патриарха Иова на погребение святого у стен собора, но и о их непосредственном участии в церемонии. Важность этого события трудно переоценить.

Иов был поставлен патриархом 26 января (5 февраля) 1589 г., а Иоанн Блаженный умер 3(16) июля того же года. Так в какой же момент могли появиться надписи на веригах? Надписи могли быть нанесены на вериги еще при жизни святого. Однако нельзя исключить, что они были выполнены после его смерти и целью их было увековечивание памяти блаженного. В любом случае вериги можно датировать не позднее 1605 г., когда Иова сместили с кафедры в результате прихода к власти Лжедмитрия I.

Известно, что Иоанн Блаженный не снимал вериги в течение всей жизни и свой подвиг он тщательно скрывал от людей. Таким образом, предположить, что надписи были нанесены на них еще при жизни святого достаточно сложно. Наиболее вероятно, что надписи на веригах могли быть своего рода увековечиванием памяти вновь прославленного местночтимого святого. Этот вывод выглядит вполне логичным в рамках религиозных тенденций второй половины XVI в.

Кем и когда именно сделаны надписи, установить вряд ли возможно. Что касается содержания этого небольшого текста, следует отметить, что он похож на молитву. В ней упоминаются все те, за кого денно и ночью молился Иоанн Блаженный на протяжении жизни, начиная с патриарха, «благоверных князей» и простых людей. Вероятно, в этой «молитве» выражена вся суть его подвига.

Приводим расшифровку надписей.

Пластина 1 (поясная накладка)

И ЗА С[ВЯ]ТЪИШАГО ИЕВА ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ
РУСИИ И ЗА ВС[Е] / БЛАГОВѢРНЫЯ КН[Я]ЗИ И / БОЛЯРЯ И ЗА ВСЕ
ПРА[В]/ОСЛАВНОЕ ХР[ИС]ТИАНЫ / ТЫ И О БѢДНЫХ ТЕМНИЦ/
АХ ЗАКЛЮЧЕННЫ/Х И МИЛОСТЫНЮ / ТВОРЯЩИХ ПО/ДА ЖЕ
И М[НО]ГИМ / И ЗДРАВЬЕ ЯК[О] / БЛАГО[С]ЛОВЕН[...]

Пластина 2 (плечевая накладка)

[...] М[А]РИИ И С[ВЯ]Т[О]Г[О] ПР[О]РОКА / [...] /А НА И С[ВЯ]ТЫХ Н[Е]
Б[ЕС]НЫХ / [...] / С[ВЯ]ТЫМ [...] / [...]ДЫ К ЗАПОВѢДИ ТВОЕ / [ГО-
СПО]ДНЕ ПРЕСТУПНИК И С[ВЯ]/ТЫХ ВЕРХОВНЫХ А/ПОСТОЛ[...] /
ПЕТ/РА И ПАВЛА / И ИС[УСА] / [ХРИС]ТА

Пластина 3 (плечевая накладка)

И СВЯЗАВ АЗ Р[А]БУ ТВ/ОИ ТЕЛЕСА СВОЯ ТВОИМ / [...] С КРЪП-
КИМИ [...] / ЛОВЕННЫМИ / [...] ВЕРИГИ / [...] М[Е]РТВОЕ [...] /
И СВЯТ[О]ГО ДУХА ТЕМ / ЕДИНОСУЩНУЮ И НЕ/РАЗДЪЛНУ
И ДУШУ С[ВЯТ] / ОЮ СВЯЗЯ С[ВЯ]Т[ЫМ] [И] / ТВОИМИ ЗАПОВЪ [...]

Пластина 4 (поясная накладка)

[...] ПОМЯНИ МЯ ЯКО [...]

¹ ПЭ. М., 2004. Т. VII. С. 714.

² ПЭ. М., 2018. Т. I. С. 732—744.

³ Послание к Галатам. Глава 6:17 // Библия, или книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Синодальная тип., 1913. — Репринтное воспроизведение издания 1913 г. М., 1997. С. 1464.

⁴ Мансветов В.И. Вериги. Собрание Императорского Московского исторического музея. Реферат, читанный в Церковно-археологическом отделе при Обществе любителей духовного просвещения 17 ноября 1914 г. дьяконом Василием Ивановичем Мансветовым. М., 1915. С. 5.

⁵ С 2004 по 2010 г. вериги св. Иоанна Блаженного частично были представлены на выставке «Святыни Покровского собора» в помещении бывшей ризницы на втором ярусе храма (Успенская Л.С. Святыни Покровского собора (храма св. Василия Блаженного). М., 2004. С. 62—63).

⁶ Благодаря фотографу ГИМ Г.Г. Сапожникова за фотосъемку предметов из экспозиции Покровского собора.

⁷ Инв. № ГИМ 103798/296. ПС инв. 5—296.

⁸ Инв. № ГИМ 103802/165. ПС инв. 5—391.

⁹ Кузнецов И.И. Покровский (Св. Василия Блаженного) собор в Москве. Святые Василий и Иоанн Христа ради юродивые. Лобное место. М., 1900. Вклейка.

¹⁰ Там же. С. 32.

¹¹ Кузнецов И.И., *прот.* Святые блаженные Василий и Иоанн, Христа ради [юродивые], Московские чудотворцы: Историко-агиографическое исследование. Б.г. [М., 1910]. С. 491.

¹² Мансветов В.И. Вериги...

¹³ Гнутова С.В. Крест в России. М., 2006. С. 164—165.

¹⁴ Вериги из собрания Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Владимир, 2014.

¹⁵ Тюрина Е.К. Вериги в собрании Муромского музея // Сообщения Муромского музея — 2014: Материалы отчетной конференции МИХМ. Владимир, 2015. С. 86—93.

¹⁶ Кузнецов И.И., *прот.* Святые блаженные Василий и Иоанн... С. 403—406.

¹⁷ Там же. С. 403—426.

- 18 Там же. С. 475—485.
- 19 Там же. С. 414, 479.
- 20 Все предметы относятся к коллекции Отдела древнерусской живописи ГИМ.
- 21 *Чугреева И.А., Малышева Н.Н.* Хоругви и предметы интерьера церкви святого Иоанна Блаженного в Покровском соборе: на пути к реставрации и восстановлению малоизвестного памятника на Красной площади // Труды ГИМ. М., 2015. Вып. 202. С. 121—123.
- 22 *Кузнецов И.И., прот.* Святые блаженные Василий и Иоанн... С. 479.
- 23 Там же. С. 479.
- 24 Там же. С. 483.
- 25 Там же.
- 26 Там же. С. 416.
- 27 Там же. С. 417.
- 28 «Московского Покровского собора и Василия Блаженного что на Рву впредь для памяти Книга записная достопамятных вещей». Л. 58—60. Уникальный рукописный источник по истории Покровского собора находится в семейном архиве архитектора, реставратора А.С. Тутунова. Искренне благодарю Андрея Сергеевича за возможность ознакомиться с «Книгой» и за сведения о ней.

Архимандрит Макарий (Веретенников)

Вифлеемская святыня

С принятием христианства на Руси вскоре зарождается особый благочестивый подвиг — паломничество во Святую землю. Паломничества предпринимались для «сугубого молитвенного общения с Богом и Его святыми, которому способствует непосредственное пребывание в местах их земной жизни и погребения»¹. Возвращаясь, паломники приносили на Русь различные святыни, кроме того, они создавали описания своих паломничеств. Подобные литературные произведения составили особый жанр душе-спасительной литературы у читателей Древней Руси². Приносимые святыни вкладывали в иконы, кресты-мощевики, которые становились семейными святынями. Их описания в наше время показывают, какие святыни приносили на Русь с православного Востока.

Приведем некоторые примеры. В наперсную икону с изображением Вознесения Господня, изготовленную из драгоценного металла в начале XV в. в Суздальско-Нижегородском княжестве для княгини Марии, были вложены святыни: «С[вя]тыи Б[огороди]ца млеко и риза...»³. Составители книги «Царский храм. Святыни Благовещенского собора в Кремле» отмечают следующее о данной иконе: «...в перечне священных частиц первое место, отводимое традиционным страстям святыням, занимают Богородичные»⁴. Через несколько лет для князя Ивана Даниловича был изготовлен ковчег-мощевик, на его обороте перечислены вложенные в него святыни: «Губа с оцтом, млеко Б[огоро]д[и]чно...»⁵.

Известна эта святыня была и в XVI в. Из Благовещенского собора в Кремле происходит наперсный крест-мощевик середины XVI в. На его обороте, наверху указаны святыни: «Купена неопалимая, млеко Пречистыя...»⁶. По заказу Соловецкого игумена Фи-

липпа (1545—1566), будущего митрополита (1566—1568), в Великом Новгороде в 1560/61 годах был изготовлен воздвизальный крест. Надпись на его обороте перечисляет вложенные в него святыни: «Древо Животворящаг[о] Креста Господня, плащаница Христова, камен[ь] Гроба Господня, Пречистые Богородицы млеко, ризы и пояс...»⁷. Почти одновременно, в 1561 году, в Великом Новгороде был изготовлен также складень-мошевик для Семена Трусова, на его боковых сторонах указаны вложенные в него святыни: «Древо Животворящего Креста, камень гробы Господня, трость Христова, млеко Пречистые...»⁸.

В собрании Сергиево-Посадского музея-заповедника в отделе мелкой пластики имеется крест-мошевик XVII в. Надписи на его обороте сообщают о частицах мощей в нем: «Животворящаго древа; миро м[у]ч[ени]ка Дмитрия Селунскаго; млеко Преч[и]стые Б[огород]д[и]цы; мощи Луки Еванг[е]листа; мантии чудотворца Сергия; мощи муч[ени]ка Пантелеимона»⁹. В 1622 г. для Благовещенского собора в Кремле был изготовлен напрестольный крест, в который были вложены святыни: «Мощи архидиакона Стефана, мощи Фео[до]сия о[б]щему житию началника, млеко Пречистей Богородицы...»¹⁰.

Патриарх Филарет (1619—1633) принимал живое участие в жизни семьи своего сына — Михаила Феодоровича (1613—1645), первого царя из династии Романовых. В 1627 г. при рождении своей внучки, Ирины Михайловны, глава Церкви благословил ее крестом с мощами. Среди различных святынь в нем были «камень горы Синайские, древо Моисеева жезла¹¹, земля Иердан реки, млеко Пречистыя Богородицы» и др.¹² При рождении в 1629 г. наследника-царевича Алексея Михайловича патриарх Филарет крестил его в Чудовом монастыре, а восприемником был троицкий келарь, старец Александр (Булатников)¹³. Царевича Алексея Патриарх также благословил «крестом, в котором находилось Животворящее Древо, млеко Пресвятой Богородицы и 8 частиц мощей»¹⁴.

Обращает на себя внимание особая святыня, приносимая из Святой земли — «млеко Пречистыя Богородицы». Приведенные примеры показывают, что данная святыня была известна русскому благочестию. Но что это такое? Историк И.Е. Забелин, сообщая о крестильных дарах патриарха Филарета своим внукам-царевичам, приводит такие интересные объясняющие сведения, которые он обнаружил в публикации: «В Ифлиемском ве[р]тепе, егда родися

Избавитель всего мира Господь наш Иисус Христос от Пречистые Девы Мария Богородицы, и источися тогда млеко от Пречистыя сосец Ее на землю. И в том месте искипе земля млечная яко сыр. И по вся лета [в] день Рождества Христова кипит аки ключ, а над тем местом во святом олтаре святая Трапеза. И в день Рождества Христова приходит тут Иерусалимский Патриарх и, свершив тут во вертепе в храме том Рождества Христова Божественную службу, и емлет ту млечную землю со многим благоговением, и творит округлости ей, напечатает одну страну образ Пречистыя Богородицы с Превечным Младенцом, а з другую — подпись „Млеко Пречистые Богородицы“. И взимают и посылают православным Царем и князем и святителем и прочим правоверным людям на исцеление»¹⁵. Историк добавляет при этом: «Таким образом, это Млеко представляло род обычной просвиры»¹⁶.

Чтобы лучше представить описанную святыню, необходимо обратиться к значению слова «искипеть». В «Словаре русского языка XI—XVII веков» глаголу «искипеть» в значении о земле при землетрясении дается такое толкование: «забурлить, заклокотать, задрожать»¹⁷. В Вифлееме над местом, где «вскипала» земля, была «святая Трапеза», т. е. Престол, на котором совершается Евхаристия¹⁸.

Приведенные сведения-пояснения дополняет свидетельство очевидца-паломника. После кончины царевича Иоанна (†1581) Иоанн Грозный в марте 1582 г. направил на Восток купца Трифона Коробейникова с милостыней для его поминовения¹⁹. В своем описании Святой земли царский посланник пишет, что от Иерусалима «на полуденную страну до Вифлеема 7 верст, а в нем церковь великая Рожество Христово, где родился Господь наш Иисус Христос, и то место в пещере под олтарем церковным, лести аки в погреб по лестнице 7 ступенек; и ясли, где Христос родился, иссечены от камня мрамору белого. Ис тое пещеры блиско дверей в другую пещеру, и в той пещере, сказывают, Ирод царь избивал младенцы с матерьми за Христа, и от матерьних сосец млеко течаша на землю, а земля в той пещере бела и мяхка. И старцы иерусалимские сказывают ту землю: млеко Пречистые Богородицы»²⁰.

Патриарх Филарет на Востоке не был, но можно с уверенностью говорить, что у него данная святыня была. И это понятно, так как его интронизацию 24 июня 1619 г. возглавил Иерусалимский Патриарх Феофан III²¹ (1608—1644), который мог вручить ее новопоставленному Предстоятелю Русской Церкви.

Благочестивые паломники, посещая святые места и возвращаясь затем на Русь, брали с собой на память, в утешение и освящение различные святыни: иконы²², свечи, масло, святую воду и т. д. Святыни могли также посылаться на Русь или привозиться старцами с православного Востока²³. Особой святыней является «млеко Пресвятыя Богородицы». Оно связано с историческим событием — пришествием в мир Христа Спасителя и с ежегодным торжеством-воспоминанием — двенадцатым праздником Рождества Христова. Данная святыня проливает дополнительный свет на вифлеемское Евангельское событие.

Млеко Пресвятой Богородицы — это чудесное проявление милости Божией к роду человеческому, как и схождение благодатного огня в Великую субботу²⁴. Из Священного Писания известна еще одна палестинская святыня. У Овечьих ворот в Иерусалиме была купальня, «называемая по еврейски Вифезда» (Ин. 5, 4). Схождение ангела в купель, происходившее один раз в году, вызывало «возмущение воды» и первый больной, спускавшийся в нее, получал исцеление от своих недугов. «Искипение» земли на праздник Рождества Христова, таким образом, относится к числу подобных чудес Святой земли, «идеже Господь наш Иисус Христос плотию походи» нашего ради спасения.

¹ Назаренко А.В., Гуминский В.М. Паломничество // ПЭ. М., 2019. Т. 54. С. 339.

² Рождественская М.В. Образ Святой земли в древнерусской литературе // Иерусалим в русской культуре. М., 1994. С. 8—14.

³ Царский храм. Святыни Благовещенского собора в Кремле. М., 2003. С. 257; Христианские реликвии в Московском Кремле / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2000. С. 53.

⁴ Царский храм... С. 257.

⁵ Христианские реликвии... С. 55; Моршакова Е.А. Древнерусская мелкая пластика. Наперсные кресты, иконы и панагии XII—XV веков. М., 2013. С. 204.

⁶ Царский храм... С. 282.

⁷ Сохраненные святыни Соловецкого монастыря: Каталог выставки. М., 2001. С. 150.

⁸ Христианские реликвии... С. 61.

⁹ Произведения мелкой пластики XIII—XVII веков в собрании Загорского музея: Каталог. Загорск, 1960. С. 286.

¹⁰ Царский храм... С. 172—173.

¹¹ Об этой святыне см.: Особые приписки в рукописи Домостроя по списку Императорского общества истории и древностей российских, в конце

- последней главы О Чину Свадебном // Домострой по списку Императорского общества истории и древностей Российских. М., 1882. С. XVI.
- 12 Описание вложенных в крест святынь см.: *Забелин И.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 2014. С. 516; *Викторов А.* Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584—1725 г. М., 1877. Вып. 1. С. 296.
- 13 *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 276.
- 14 *Забелин И.* Домашний быт русских царей... С. 518.
- 15 Цит. по кн., указанной И.Е. Забелиным: Особые приписки в рукописи Домостроя... С. XV—XVI.
- 16 *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей... С. 516. Прим. 3.
- 17 Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1979. Вып. 6. С. 255.
- 18 Словарь русского языка XI—XVII вв. М.; СПб., 2015. Вып. 30. С. 95.
- 19 *Житинев С.Ю.* История русского православного паломничества в X—XVII веках. М., 2007. С. 323—325.
- 20 *Лопарев Х.М.* Хождение Трифона Коробейникова // Православный палестинский сборник. СПб., 1889. Т. 9. Вып. 3. С. 44—45; Хождение купца Василия Познякава по святым места Востока // Православный палестинский сборник. М., 1887. Т. 6. Вып. 3. С. 60—62 (Прим.). Эти же сведения в изложении очевидца XV в. см.: Хождение архимандрит[а] Агрешенья обители Пресвятыя Богородицы // Православный палестинский сборник. СПб., 1896. Т. 16. Вып. 3. С. 13.
- 21 ПСРЛ. М., 1910. Т. 14. С. 149.
- 22 См.: *Рындина А.В.* Древнерусские паломнические реликвии: Образ Небесного Иерусалима в каменных иконах XIII—XV вв. // Иерусалим в русской культуре. М., 1994. С. 63—77.
- 23 В 1541 г., перед праздником Благовещения, в Великий Новгород прибыли к архиепископу Макарию два старца из Иерусалима — иеромонахи Арсений и Досифей. Они привезли с собой грамоту от Иерусалимского Патриарха Германа II (1534—1579). В ней перечислены различные святыни из Палестины // НИОР РГБ. Ф. 113. № 571 (Сборник XVI в. Л. 104—109 об. Публикацию грамоты см.: *Макарий, архимандрит.* Грамота Иерусалимского Патриарха Германа Новгородскому архиепископу Макарию // Иерусалим в русской культуре. М., 1994. С. 205—211).
- 24 *Пентковский А.М.* «Святой свет» и возжжение огня в Великую субботу в Иерусалиме // Иеротопия Огня и Света в культуре византийского мира. М., 2013. С. 200—215; *Мусин А., диакон.* Археология древнерусского паломничества в Святую землю в XII—XV веках // Богословские труды. М., 1999. Вып. 35. С. 104—105.

Т.Г. Берхина

Настоятели собора Покрова на Рву второй половины XIX в.

Наиболее полным источником информации для жизнеописаний трех настоятелей Покровского собора — протоиереев А.И. Воскресенского (31.10.1853—23.11.1873), Н.И. Надеждина (10.12.1873—30.12.1890) и К.И. Богоявленского (27.01.1891—28.05.1913), последовательно возглавлявших причт собора в течение 60 лет, явились послужные списки этих священнослужителей за последние годы их жизни. Другими источниками, давшими дополнительные и менее официальные подробности, послужили учебные дела Московской духовной академии, некрологи, метрические книги, воспоминания современников и др.

Три священнослужителя, о которых здесь пойдет речь, жили и служили Богу в условиях бурной модернизации всех сторон жизни русского общества, ломки сословных рамок, изменения отношений между обществом и Церковью. Несмотря на официальный государственный статус Церкви, в России XIX в. формировалось по сути секулярное общество, и часто новые общественные взгляды прямо противостояли традиционному укладу церковной жизни. В этих условиях простая верность церковным традициям становилась областью личного подвига веры и внутренней духовной жизни.

Новые отношения с обществом понуждали Церковь к неформальному и более активному вхождению в общественную жизнь. Это формировало тип образованного городского священника, не только совершающего требы и богослужение, но и стремящегося к широкой проповеди Евангелия и к активной пастырско-духовнической деятельности, а потому и к участию в социальной и литературно-публицистической жизни общества. Это вполне соответствует облику трех настоятелей Покровского собора.

В их биографиях много общего. Все они происходили из старинных родов духовенства и с детства впитывали патриархальный уклад жизни русского клира и богослужебную традицию. Образование и духовное воспитание все три будущих пастыря получили сначала в семинариях, а затем — в Московской духовной академии, где находились по успеваемости в середине своих курсов и имели «очень хорошие и похвальные» оценки. Академия того времени обладала великолепными преподавательскими кадрами и находилась под неусыпным вниманием московского архиерея святителя Филарета (Дроздова), который придавал воспитанию будущих пастырей первостепенное значение. Все трое, окончив академию, до принятия сана трудились преподавателями в духовных учебных заведениях, что давало им педагогический опыт. В этот период своей жизни они женились, выбрав невест в среде московского духовенства. Затем были рукоположены в московские храмы.

Кроме священнических и настоятельских обязанностей до и после назначения в Покровский собор, эти священнослужители продолжали педагогическую деятельность и были законоучителями в различных светских учебных заведениях. Они также несли многолетние ответственные административно-церковные послушания, большую часть которых составляли бюрократические, юридические и хозяйственные дела, отнимавшие очень много времени и сил. Все трое также занимались безвозмездным общественным служением. Их общей чертой можно назвать неизменную тщательность и добросовестность в выполнении возложенных на них обязанностей.

Все трое стали настоятелями Покровского собора в зрелом возрасте (в 52, 60 и 50 лет соответственно), прослужив до этого в других храмах более 20 лет. За эти годы они зарекомендовали себя духовно опытными и энергичными священнослужителями, и, возглавив соборный причт, продолжали свою многостороннюю деятельность.

Во второй половине XIX в. общество все более относилось к Покровскому собору не как к храму, а как к памятнику архитектуры и национальной истории. В это время собор представлял собой многопрестольный (11 престолов) бесприходный храм, клир которого получал от государства 347 руб. жалованья в год, и в основном обеспечивавший свои нужды кружечным сбором и арендным доходом. Его причт состоял по штату из настоятеля, двух священ-

ников, дьякона и трех причетников¹. Служба ежедневно совершалась в нижнем теплом приделе Василия Блаженного, а в праздник Покрова — в главной Покровской церкви собора. В дни престольных праздников (Покров Божией Матери и день памяти Василия Блаженного) в соборе, как правило, проходило архиерейское богослужение, которое возглавляли московские архипастыри. Особенно любил служить здесь митрополит Филарет (Дроздов). Сохранялась и древняя традиция крестного хода из Успенского собора Кремля в день празднования Покрова 1 (14) октября. Также собор, как особо древний и достопримечательный, нередко посещали царственные особы и их иностранные гости². Эти обстоятельства требовали от причта особой ответственности, и священноначалие тщательно подбирало кандидатов в настоятели собора. Интересно, что всех троих священнослужителей настоятелями в Покровский собор определили ныне прославленные святители: Воскресенского — свт. Филарет (Дроздов), Надеждина — свт. Иннокентий (Вениаминов)³, Богоявленского — свт. Иоанникий (Руднев).

Собору принадлежали две часовни, располагавшиеся у Спасских ворот, и дома: на Пятницкой улице, где проживало большинство соборного причта, и на Васильевском спуске, здание на котором сдавалось внаём, что позволяло материально обеспечивать нужды собора.

Вся эта недвижимость и само древнее здание собора требовали постоянного внимания, что входило в обязанности соборного старосты, назначаемого Городской думой, и настоятеля.

При Александре Ильиче Воскресенском были вновь покрашены все главы и крыши, подведен новый цоколь, обновлено убранство придела Василия Блаженного, выстроены новые часовни у Спасских ворот⁴, а также освящен придел Варлаама Хутынского, стоявший неосвященным с 1812 г.⁵

Во время настоятельства о. Николая Надеждина в обществе стало обсуждаться восстановление первоначального древнего облика храма. Тогда же соборяне подали прошение о переименовании Рождественского придела, где почивали мощи Иоанна Блаженного, в честь этого святого⁶. Также о. Николай возглавлял комитет по перестройке соборного дома.

При о. Константине Богоявленском в соборе начались масштабные реставрационные работы во взаимодействии с Императорским археологическим обществом, а от духовного ведомства

была образована Строительная комиссия по реставрации собора, куда вошли члены соборного клира. Но в государственном финансировании работ было отказано, и они проводились на средства собора и на пожертвования, которые собирались по подписным листам⁷. При работах Строительная комиссия руководствовалась рекомендациями специалистов и стремилась к восстановлению элементов, искаженных прежними перестройками. В течение 1890-х годов в ходе работ были открыты древние проходы в нижних и верхних частях здания, восстановлен первоначальный облик главного шатра Покровского храма, и черепичное покрытие крылец. Под наблюдением Археологического общества убранство храма Василия Блаженного было выполнено в едином стиле⁸. В 1895 г. при поддержке о. Константина Богоявленского при соборе по прошению рабочих-ремесленников — членов «Московского общества взаимного поощрения ремесленного труда и устройства учебных мастерских»⁹ было создано Общество хоругвеносцев, которое в дальнейшем принимало активное участие в приобретении для собора утвари и изготовлении высокохудожественных хоругвей, сохранившихся до наших дней¹⁰.

Все три настоятеля собора были отмечены многочисленными наградами, в том числе орденами св. Анны и св. Владимира, а по получении ордена св. Владимира 4-й степени удостоены потомственного дворянства¹¹.

Пастыри были талантливыми проповедниками; их проповеди частично изданы, и примечательно, что две из них произносились в Покровском соборе¹². Священнослужители были не чужды научных исторических и богословских трудов. Александр Ильич Воскресенский издал в 1857 г. первое «Краткое сказание о житии и чудесах святого блаженного Василия, Христа ради юродивого...»¹³.

Отец Николай Надеждин всю жизнь вел дневники, часть из которых была издана¹⁴, но, к сожалению, не та, что относилась к его настоятельству в соборе; место хранения рукописей неизвестно. Еще будучи настоятелем Гавриило-Архангельской церкви, где о. Николай служил до назначения в Покровский собор, он вел по собственному почину приходскую летопись в течение 6 лет, которая в настоящее время готовится к публикации как ценный исторический источник¹⁵.

Научные труды протоиерея Константина Богоявленского ныне малоизвестны, хотя он занимался разнообразной редакторской

и библиографической деятельностью. Он помогал своему тестю, ректору МДА С.К. Смирнову, с которым был очень дружен, в подготовке его изданий и в поисках необходимой литературы¹⁶. По поручению родных — наследников митрополита Филарета — священник Константин Богоявленский и протоиерей П.И. Казанский подготовили и издали труды святителя в пяти томах¹⁷. Эта большая работа, занявшая 12 лет, по смирению издателей осталась анонимной. Продолжая ее, отец Константин составил и издал указатель к этому собранию¹⁸, подписав его инициалами «С.К.Б.», то есть «священник Константин Богоявленский»¹⁹. Современники знали, кто скрывается за этой аббревиатурой, но со временем его авторство забылось. В журнале «Душеполезное чтение» были также опубликованы его краткие воспоминания о святителе Филарете²⁰.

Все три настоятеля оставались на своем посту до самой кончины. Все имели детей, но никто из сыновей не стал священником: в духе времени они стали врачами, чиновниками, преподавателями. Ниже прилагаются биографические сведения о протоиереях А. Воскресенском, Н. Надеждине и К. Богоявленском²¹.

Александр Ильич Воскресенский родился в 1800 г. Он был сыном священника церкви Воскресения Словущего в Скоморошках на Большой Дмитровке²², где служили его предки по отцовской линии, и откуда он получил свою фамилию Воскресенский²³. Окончил Московскую духовную семинарию, затем в 1826 г. — Московскую духовную академию с правом на получение степени магистра по выслуге двух лет и был определен в уездное Спасо-Андрониевское училище инспектором и учителем катехизиса, священной истории и латинского языка. В том же году переведен учителем гражданской истории и греческого языка в Московскую духовную семинарию и возведен в степень магистра со званием профессора семинарии. 09 мая 1832 г. рукоположен святителем Филаретом (Дроздовым) во священника новой Мариинской церкви ремесленного училища при Воспитательном доме. Преподавал в училище Закон Божий, а с 1837 г. — и русскую грамматику. Кроме того, с 1843 по 1850 г. исправлял безвозмездно должность законоучителя в Московском доме трудолюбия в Басманной части. Протоиерей и настоятель Покровского собора с 31 октября 1853 г.²⁴ Кроме настоятельских обязанностей, по праздникам проводил беседы с богомольцами. Назначен членом консистории в 1854 г. и состоял в этой должности до своей кончины в течение 19 лет. Был непре-

менным членом Московского губернского и городского статистических комитетов, членом Комитета об улучшении быта духовенства. В ноябре 1871 г. определен благочинным Китайского сорока.

Более 10 лет добровольно посещал с беседами богадельню для слепых женщин на Пятницкой улице близ соборного дома, где он жил. С 1866 по 1870 г. также добровольно был законоучителем и увещателем падших девиц в Убежище св. Марии Магдалины на Полянке: «...с истинно-христианскою преданностию делу, с кротостью, любовью, неутомимым усердием занялся религиозными беседами с призреваемыми. Совершенно бескорыстно, несмотря на свои преклонные лета, он аккуратно приходил беседовать с призреваемыми и, находя почти всех их в совершенном неведении основ христианской религии, учил их уважать и понимать заповеди Божии, различать добро от зла, хорошее от дурного. Большинство девочек по несколько лет перед поступлением в убежище не были у исповеди; почтенный пастырь приготовил их к священному таинству, заставил их полюбить Богослужение и заняться изучением священной истории. Кроткий и убедительный Александр Ильич приобрел большое влияние на призреваемых и, когда некоторые из них выражали неповиновение начальству убежища, высказывали свои порочные наклонности, увещания почтенного старца было достаточно, чтобы привести провинившихся к искреннему чистосердечному раскаянию. Отцу Александру Ильичу многим обязан успех нашего убежища»²⁵.

Награды: фиолетовая бархатная скуфья — 1840 г., набедренник — 1846 г., камилавка — 1848 г., наперсный крест, от Св. Синода выдаваемый, — 1851 г., орден св. Анны 3-й степени — 1859 г., орден св. Анны 2-й степени — 1863 г., «на сию степень пожалована императорская корона» (орден св. Анны 2-й степени с короной) — 1868 г., орден св. блгв. кн. Владимира 4-й степени — 1872 г., памятные медали и неоднократные денежные награды «за труды и ревностное усердие», в 1853 г. — пенсия за 20-летнее служение в ремесленном училище.

Был женат на дочери священника (затем протоиерея) Николаевской церкви на Мясницкой Иоанна Федоровича Лебедева — Софье и имел двух сыновей: Николая (чиновник Министерства Императорского Двора) и Алексея (врач). Родной брат о. Александра — Михаил Ильич Воскресенский, также окончивший МДС, был врачом и известным в то время беллетристом²⁶.

Протоиерей Александр Воскресенский скончался 23 ноября 1873 г. в возрасте 72 лет. Его отпевание происходило в приделе Василия Блаженного. Затем, из-за большого скопления народа, перед Спасскими воротами у часовни, принадлежавшей собору, была отслужена лития. Похоронная процессия проследовала по Ильинке и Мясницкой улице до самого Алексеевского монастыря (в Красном селе), где ее встретил Московский викарий епископ Дмитровский Леонид (Краснопевков), совершивший панихиду и проводивший гроб до самой могилы на кладбище Алексеевского монастыря²⁷.

Николай Иванович Надеждин родился 27 апреля 1813 г.²⁸ и был сыном священника Михаило-Архангельского храма села Дымова Скопинского уезда Рязанской губ.²⁹ Известно пять поколений его предков³⁰. Фамилию «Надеждин» получил в Скопинском духовном училище по сходству со своим известным земляком — историком и публицистом Н.И. Надеждиным³¹. Окончил Скопинское духовное училище, Рязанскую духовную семинарию, затем — Московскую духовную академию со степенью магистра в 1836 г. В течение семи лет был последовательно профессором философии в Рязанской и Вифанской духовных семинариях и профессором словесности в Московской семинарии³².

20 сентября 1843 г. рукоположен во священника церкви Троицы в Хохлах. Спустя месяц переведен в церковь Священномученика Антипия у Колымажного двора. В 1851 г. вследствие прошения переведен из бедного Антипьевского прихода в церковь Архангела Гавриила, что при почтамте. 10 декабря 1873 г. назначен настоятелем Покровского собора.

Нес различные послушания по поручению епархиального начальства: проводил беседы с заключенными, безвозмездно 12 лет был законоучителем при Московском почтовом училище; инспектировал ризницы и имущество Архангельского собора, Рождественского и Златоустовского монастырей; был цензором проповедей, членом и председателем различных епархиальных комиссий и комитетов, в том числе комитета по постройке дома для причта Покровского собора с мая 1876 г.; в 1872, 1875—1880 и 1882 гг. состоял членом комитета по раздаче в Москве неимущим, болящим и сиротам пособий, был также почетным членом братства митрополита Петра. Возглавлял Комитет по исправлению богослужебных книг, утвержденный по распоряжению Синода, и лично ис-

правлял Служебник. В течение 20 лет был благочинным сначала Сретенского, а затем Китайского со́рока.

Награды: набедренник — 1849 г., архипастырская признательность — 1849 г., фиолетовая бархатная скуфья — 1850 г., наперсный крест, выдаваемый от Св. Синода, — 1857 г., возведен в сан протоиерея — 1860 г., орден св. Анны 3-й степени — 1864 г., орден св. Анны 2-й степени с короной — 1869 г., орден св. блгв. кн. Владимира 4-й степени — 1876 г., палица — 1881 г., орден св. блгв. кн. Владимира 3-й степени — 1884 г.

Был женат на дочери сакеллария Успенского собора Николая Попова³³, но овдовел в возрасте 49 лет в 1863 г. Имел двух сыновей и двух дочерей: Александр, магистр богословия, был преподавателем и заведовал женской гимназией в г. Радоме, Иван был врачом, Надежда осталась девицей и жила при отце, а Мария была замужем за священником Николаем Елеонским — профессором богословия Петровской земледельческой и лесной академии³⁴, другом и духовником о. Николая Надеждина³⁵. Протоиерей Николай Надеждин умер 30 декабря 1890 г. в возрасте 77 лет, успев отпраздновать 50-летие своего служения. Из-за тесноты придела Василия Блаженного его отпевали в Пятницкой церкви на Пятницкой улице (близ соборного дома, где он жил). Отпевание совершал епископ Дмитровский, московский викарий Александр (Светлаков) в сослужении 5 архимандритов и более 40 священников. О. Николай был погребен на Даниловском кладбище³⁶.

Константин Иоаннович Богоявленский родился 10 мая 1841 г. в семье диакона храма Никиты мученика в Старой Басманной слободе³⁷. Его отец приходился племянником митрополиту Филарету Дроздову³⁸, родословная которого прослежена на протяжении не менее четырех поколений³⁹. Константин лишился матери, когда ему еще не исполнился один год⁴⁰, и, по семейному преданию, попечение о нем взял на себя святитель Филарет. По окончании Московской духовной семинарии и академии Константин Богоявленский около четырех лет преподавал последовательно в Рязанской, Вифанской и Московской духовных семинариях. В 1866 г. он женился на дочери профессора (впоследствии протоиерея и ректора) МДА Сергея Константиновича Смирнова — Варваре Сергеевне⁴¹. Митрополит Филарет благословил новобрачных⁴². 27 октября 1868 г. Константин Богоявленский рукоположен в сан иерея и определён к служению в домовый церкви Москов-

ской духовной семинарии во имя свт. Николая; через три месяца переведен в церковь Успения в Печатниках. С 19 января 1991 г. — протоиерей и настоятель Покровского собора. Последовательно состоял законоучителем в доме воспитания сирот, Голицынской школе Благотворительного общества 1837 г. и Московской 1-й прогимназии (в последней — в течение 19 лет). Был депутатом от духовного ведомства в Московском уездном земском собрании, в заседаниях особого Присутствия Губернского правления; в течение 13 лет возглавлял Столичное отделение совета Кирилло-Мефодиевского православного братства и был членом Московского епархиального училищного совета этого братства; почетным членом братства святителя Петра, членом Комитета для принятия пожертвований в пользу строящихся в Сибири храмов. Пятнадцать лет состоял членом Комиссии по исправлению и украшению Покровского собора. В течение 11 лет участвовал в беседах со старообрядцами.

Награды: скуфья — 1874 г., набедренник — 1876 г., камилавка — 1878 г., наперсный крест — 1881 г., «указом консистории разрешено носить золотой с украшениями крест, подаренный прихожанами» — 1884 г., орден св. Анны 3-й степени — 1887 г., орден св. Анны 2-й степени — 1896 г., орден св. блгв. кн. Владимира 4-й степени — 1901 г., орден св. блгв. кн. Владимира 3-й степени — 1905 г., наградной знак за содействие просвещению Сибири — 1903 г., палица — 1909 г.

Имел пятерых детей. Дочери София и Елизавета были замужем за священниками, Анна — за инженером. Сыновья Иван и Сергей закончили Московский императорский университет: Иван — физико-математический факультет, а Сергей — историческое отделение филологического факультета⁴³. В советское время Сергей Константинович стал известным историком, доктором исторических наук, член-корреспондентом АН СССР⁴⁴, а его сын — Константин Сергеевич (внук протоиерея Константина Богоявленского) — профессором, доктором биологических наук, создателем школы латвийских цитологов⁴⁵ (рис. 1).

Протоиерей Константин Богоявленский умер 28 мая 1913 г. на 74 году жизни⁴⁶. Отпевание, проходившее в Пятницкой церкви на Пятницкой улице, совершил епископ Дмитровский Трифон (Туркестанов) с тремя московскими vicarями, а также настоятелем Успенского собора, благочинными г. Москвы и духовенством

Рис. 1. Протоиерей Константин Богоявленский с внуком. По: Храм в слободе царских печатников..., 2009. С. 68.

Китайского сѣрока. Погребен отец Константин на Калитниковском кладбище⁴⁷, где была похоронена его мать⁴⁸.

Облик и характеристика пастырской деятельности всех трех настоятелей собора складываются из отзывов их сослуживцев и учеников и их сохранившихся проповедей. Отца Александра Воскресенского современник описывал как «благообразного и благочестиваго старца», «пастыря твердого в вере, богатого духовным ведением, опытного в духовной жизни; ...добродетельнаго, внимательнаго к таинственным путям промысла Божия, к себе и другим, особенно к несчастным, при своих внешних и нравственных достоинствах кроткого и смиреннаго»⁴⁹. Его проповеди и поучения «нравились свт. Филарету простотою изложения и сердечностью, а слушателям, кроме того, выразительностью произношения»⁵⁰.

О внешности о. Николая Надеждина говорится, что «сложения он был не сильного и здоровья не крепкого» и в конце жизни страдал от одышки и порока сердца⁵¹. По воспоминаниям, он представлял «образец аккуратности, строгого исполнения своего долга, справедливости и прямоты»⁵².

Характеристику пастырской деятельности о. Константина Богоявленского удивительно точно дал его преемник в Покровском соборе священномученик Иоанн Восторгов: «Старинного, глубоко симпатичного склада русский ученый богослов: церковность мысли и слова, священная важность и авторитетность пастырского тона, глубокая, исполненная сознания священного достоинства, преданность св. Церкви, ... теплота любви к заблудшим, святоотеческое воззрение на все вопросы веры и Церкви, отсутствие фразы и позы»⁵³.

Характеризуя отца Константина, Иоанн Восторгов говорил не только о нем, но в его лице «о тайне достоинства всего московского духовенства»⁵⁴, которая, на мой взгляд, внутренне объединяет всех трех настоятелей собора. Московское духовенство того времени было воспитано митрополитом Филаретом (Дроздовым) в духе патриархальной церковности, проявлявшейся в почтительности и уважении к вышестоящим, в братских взаимоотношениях между членами церковного клира и в уважительной благожелательности к окружающим. За этими внешними проявлениями стояли глубокая вера, сознание своего пастырского долга, христианское терпение и преданность Церкви и своему служению.

Стоя во главе соборного причта, все настоятели «своим духом любви, кротости, постоянной благожелательности, редкого благородства в отношениях, заботливости, простоты, приветливости»⁵⁵ воспитали в соборянах благоговейное отношение к богослужению и отзывчивость к нуждам богомольцев. Это помогло им благоустроить Покровский собор не только внешне, а, по слову отца Иоанна Восторгова, создать «собор живой — священную дружину»⁵⁶, сплоченную братской любовью и духовным единством. Все три настоятеля Покровского собора явили своей жизнью образ истинного русского пастыря — скромного и мудрого священника-труженика, служившего Богу и людям с непоколебимой верой, глубоким смирением и теплой любовью.

- ¹ Клировые ведомости Покровского собора (1870—1872, 1874—1877, 1879—1886) // Архив отдела «Покровский собор». П-1/39; Клировая ведомость Покровского собора. 1912 г. // ЦГА Москвы. Ф. 1176. Оп.1. Ед. хр. 217.
- ² *Белянкин Л.Е.* Исторические записки и сведения о Покровском и святого Василия Блаженного соборе в столичном граде Москве, основанные на верных фактах и почерпнутые из достовернейших источников. М., 1867. С. 69.
- ³ Свт. Иннокентий до этого назначения предлагал о. Николаю Надеждину настоятельство в Казанском соборе после кончины прот. А.И. Невоструева (Приходская летопись Гавриило-Архангельской, что при Московском почтамте, церкви за 1867 г. — из записок прот. Н.И. Надеждина (автограф). 1867—1873 гг. // НИОР РГБ. Ф. 172. К. 522. Ед. хр. 2. Л. 39 об.).
- ⁴ *Белянкин Л.Е.* Исторические записки... С. 28.
- ⁵ *Кузнецов И.И.* Очерк монументальной истории собора Покрова на Рву // НИОР РГБ. Ф. 743. Ед. хр. 524. Л. 496.
- ⁶ ПЭ. М., 2010. Т. XXIII. С. 342.
- ⁷ Подписной лист // НИОР РГБ. Ф. 175 (Московский епархиальный дом). К. 25. Ед. хр. 25.
- ⁸ *Юхименко Е.М.* Покровский собор (храм Василия Блаженного). М., 2002. С. 65.
- ⁹ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 759. Ед. хр. 780. Л. 1.
- ¹⁰ «В виду святости предпринимаемого подвига..., прошение сие, которое долг имею повергнуть на милостивое воззрение Вашего Высокопреосвященства, по моему мнению, заслуживает удовлетворения», — писал отец Константин архиерею 12 декабря 1894 г. (ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 759. Ед. хр. 780. Л. 1 об.).
- ¹¹ Родословная книга дворянства Московской губернии: Т. 1: Дворянство жалованное и выслуженное: А—И. М., 1914. С. 297; Синодик кавалеров ордена святого князя Владимира. СПб., 2015. С. 178, 213, 386.
- ¹² «Поучение в память в Бозе почившего архипастыря высокопреосвященнейшего митрополита Филарета, декабря 1 дня 1868 г.» произнесено прот. А. Воскресенским, а «Слово в день памяти святого Василия Блажен-

- ного, Московского чудотворца» — прот. Н. Надеждиным 2 августа 1879 г. «Слово» было издано отдельной брошюрой в серии «Московская церковная кафедра». Другие проповеди прот. А. Воскресенского и прот. Н. Надеждина увидели свет в журнале «Душеполезное чтение» (1862. № 7; 1866. № 10; 1869. № 1, 4, 5, 9, 10; 1870. № 10; 1871. № 2; 1873. № 1, 9).
- 13 *Воскресенский А.И.* Краткое сказание о житии и чудесах святого блаженного Василия, Христа ради юродивого, Московского чудотворца, почерпнутое из достоверных источников: Пролога, Степенной книги и древней рукописи, хранящейся в библиотеке Покровского собора. М., 1857; Некролог прот. А. Воскресенского // Московские епархиальные ведомости. 1873. № 50. С. 487.
- 14 У Троицы в Академии. 1814—1914 гг. // Юбилейный сборник ист. материалов. М., 1914. С. V—VI, 42—79.
- 15 *Мельников А.В.* «Приходская летопись Гавриило-Архангельской, что при Московском почтамте, церкви» за 1867—1873 гг. протоиерея Николая Ивановича Надеждина как исторический источник // Библиография. Археология. Источниковедение: Сб. статей и материалов. СПб.; М., 2019. Вып. 4. С. 169.
- 16 Письма С.К. Смирнова к К.И. Богоявленскому // ЦГА Москвы. Ф. 1868. Оп. 1. Ед. хр. 24.
- 17 Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. Слова и речи. Т. 1—5: 1803—1867. М., 1873—1885.
- 18 *С.К.Б.* Указатели к словам и речам Высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита Московского. М., 1886.
- 19 С такой же подписью вышла статья в Московских епархиальных ведомостях в № 41 за 1870 г.: «Библиографическое недоумение в хронологическом указателе речей митрополита Филарета. С.М.Б.», но в подписи была допущена опечатка: следует читать С.К.Б.
- 20 Душеполезное чтение. 1913. № 4. С. 567—569.
- 21 Основные сведения приведены по послужным спискам из Клировых ведомостей Покровского собора: А.И. Воскресенский — Клировые ведомости за 1870—1872 гг., Н.И. Надеждин — за 1879—1886 гг., К.И. Богоявленский — за 1912 г.; ссылки на другие источники указаны дополнительно (Архив отдела «Покровский собор». П-1/39; Клировая ведомость Покровского собора. 1912 г.; ЦГА Москвы. Ф. 1176. Оп.1. Ед. хр. 217).
- 22 Этот храм, находившийся на месте современного д. 13/8 по Большой Дмитровке, получил название от Скоморошьеи слободки, находившейся здесь в XVI веке. Впервые он упоминается как каменный в 1657 г. Во время пожара 1812 г. церковь Воскресения в Скоморошках выгорела дотла, поэтому была упразднена и в 1816 г. разобрана. Прихожане Воскресенской церкви были переведены в Козьмодемьянскую церковь в Шубине, туда же был передан материал от разборки церкви и ее утварь. В 1821—1824 гг. в Козьмодемьянской церкви на средства, собранные прихожанами и благотворителями, был построен северный придел, куда и перенесли престол упраздненного храма Воскресения Словущего

- (*Снегирев И.* Очерки жизни московского архиепископа Августина. М., 1848. Прим. 119—120).
- Священник церкви Воскресения Илья Николаев, отец протоиерея Александра Воскресенского, был переведён служить в церковь во имя Грузинской иконы Божией Матери на Воронцовом поле. Служил в священном сане не менее 40 лет, как дед (тоже московский священник) и прадед Александра Ильича. Скончался в 1842 г. (Некролог прот. А. Воскресенского // *Московские епархиальные ведомости.* 1873. № 50. С. 487).
- 23 Некролог прот. А. Воскресенского... С. 487.
- 24 Назначая о. Александра в Покровский собор, свт. Филарет писал обер-прокурору Синода кн. С.М. Голицыну: «По предварительному с Вашим Сиятельством совещанию и соглашению учинено мною след.: Мариинской церкви, состоящей при Ремесленном Имп. Воспитательного Дома заведении священник и законоучитель Александр Воскресенский в награду службы и сообразно с потребностями управления переведен к Покровскому собору и произведен в протоиереи» // *Письма Филарета, митр. Московского к кн. С.М. Голицыну.* М., 1884. С. 93.
- 25 Благотворительное учреждение св. Марии Магдалины в Москве. М., 1868. С. 12—13.
- 26 Некролог прот. А. Воскресенского... С. 489.
- 27 Там же. С. 488—490.
- 28 *Венгеров С.А.* Источники словаря русских писателей. Петроград., 1917. Т. 4. С. 447.
- 29 *Русский биографический словарь.* СПб., 1914. Т. XI. С. 34; Некролог прот. Н. Надеждина // Прибавление к «Церковным ведомостям». 1891. № 3.
- 30 *Московские церковные ведомости.* 1886. № 37. С. 554.
- 31 *Московская энциклопедия.* М., 2010. Т. 1. Лица Москвы. Кн. 3: М—Р. С. 120; *Флоренский П.* К биографии протоиерея Н.И. Надеждина // *Богословский вестник.* 1916. № 2. С. 327.
- 32 *Флоренский П.* К биографии... С. 327—328.
- 33 Некролог прот. Н. Надеждина // *Московские церковные ведомости.* 1891. № 4. С. 56.
- 34 *Ныне Российский аграрный университет им. К.А. Тимирязева.*
- 35 *Московские церковные ведомости.* 1886. № 36. С. 585.
- 36 Некролог прот. Н. Надеждина // *Московские церковные ведомости.* 1891. № 4. С. 57.
- 37 *Метрические книги Ивановского сорока.* 1841 г. // ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Ед. хр. 356. Л. 566 об. —567.
- 38 *Маркова Н.А.* Родственники митрополита Филарета (Дроздова). М., 2019. С. 22.
- 39 *Корсунский И.Н.* Предки Филарета // *Русский Архив.* 1894. Кн. 2. № 5.
- 40 *Метрические книги Ивановского сорока.* 1842 г. // ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Ед. хр. 366. Л. 629 об.
- 41 *Маркова Н.А.* Родственники митрополита Филарета... С. 22.

- 42 По его же благословению венчание совершалось в храме Филаретовского женского училища после литургии — служили дядя и отец жениха (Душеполезное чтение. 1913. № 4. С. 567—569).
- 43 Храм в слободе царских печатников: история церкви Успения Пресвятой Богородицы в Печатной слободе / Авт.-сост. инокиня Магдалина (Корнилова). М., 2009. С. 68.
- 44 Храм в слободе царских печатников... С. 69; *Мельников А.В.* Мастера русской историографии: Сергей Константинович Богоявленский // ИА. 2006. № 2. С. 111—112.
- 45 Интернет-проект «Русские Латвии». URL: <https://www.russkije.lv/ru/lib/read/k-bogoyavlensky.html?source=Doctors> (дата обращения 10.02.2020 г.).
- 46 В Московских ведомостях сообщалось, что он скончался «в дачной местности Пушкино после продолжительной болезни» (Московские ведомости. 1913. № 124. С. 3).
- 47 Душеполезное чтение. 1913. № 4. С. 3.
- 48 Метрические книги Ивановского сорока. 1842 г... Л. 630.
- 49 Некролог прот. А. Воскресенского... С. 487.
- 50 Там же. С. 487.
- 51 Некролог прот. Н. Надеждина. С. 57.
- 52 Там же.
- 53 Московские церковные ведомости. 1913, ноябрь. № 49. С. 1000.
- 54 Там же.
- 55 Там же. С. 1001.
- 56 Там же.

А. Е. Соболева, М. Е. Соболева

Рукопись Жития Александра Свирского из собрания Покровского собора в кругу лицевых рукописей Жития

Лицевые списки Жития Александра Свирского появляются достаточно поздно относительно времени создания текста (1545 г.) — во второй половине XVII в. Ключевой для изучения рукописной традиции Жития и развития иконографии сюжетов является рукопись жития прп. Александра, написанная до 1672 г., из собрания ГИМ, фонд Покровского собора, инв. № 6—7 (далее ПС 6—7)¹. Заказчиком рукописи выступал известный дьяк Богдан Силин, двадцатью годами ранее вложивший в Александро-Свирский монастырь монументальную житийную икону преподобного, заместившую вкладную икону 1597 г.²

л. 1. Лѣта ҃зрп–г(о) году сїю книгу житїе прѣднѣагш оцѣа Алѣксѣандра Свирскагш чюдотворца далѣ възкладу по шѣщанїю по своїхъ рѣдїтелехъ в вѣчнїи поминкѣхъ дѣакъ Захари по прозванїю Богданъ Силинъ³.

История рукописи удивительна: она была написана мастером Оружейной палаты Московского Кремля Потапом Максимовым до 1672 г.⁴, после чего вложена в Александро-Свирский монастырь, где и хранилась до начала XX в. Последним свидетельством нахождения рукописи в Александро-Свирской обители является опись монастырской библиотеки, сделанная А.Е. Викторовым в 1890 г. (рукопись упоминается под № 35, как установила И.Д. Соловьева, сохранившемся и на самой рукописи)⁵. Тем удивительнее история ее попадания в собрание Покровского собора, для которого она была приобретена в магазине «Международная книга» в 1924 г.⁶ Сегодня рукопись представлена в экспозиции бывшей ризницы Покровского собора наряду с храмовыми реликвиями, благодаря чему нам известна и доступна самая ранняя на сегодня лицевая рукопись жития прп. Александра.

Ранее рукопись привлекалась исследователями в качестве источника для изучения этапов почитания и иконографии святого. Наиболее полную информацию о влиянии миниатюр рукописи на дальнейшую иконографию в списках Жития прп. Александра можно найти в работах И.Д. Соловьевой⁷. Однако более подробного исследования рукописи, обращенного на ее индивидуальные текстологические и художественные особенности, проведено не было. Миниатюры рукописи ранее не публиковались.

В связи со сказанным целью данной работы становится определение места, занимаемого лицевым списком в рукописной традиции Жития, а также внесение уточнений в устоявшиеся представления о влиянии миниатюр списка на последующих икографов и наметить дискуссионные вопросы, которые неизбежно рукопись ставит перед исследователем.

1. *Описание рукописи.* Рукопись в лист, написана полууставом в орфографии, переходной к никоновской, двумя писцами (?). Дошки переплета рукописи обтянуты зеленым бархатом (33 × 22 см), украшенным десятью серебряными накладками с гравированным растительным декором, обрез рукописи позолоченный⁸.

Рукопись украшают четыре миниатюры: «Прп. Александр в молении» (л. 7 об.)⁹, «Видение Св. Троицы прп. Александру» (л. 66 об.), «Обретение мощей прп. Александра» (л. 291 об.), «Перенесение мощей прп. Александра» (л. 318 об.), различие в манере исполнения которых ставит вопрос о количестве миниатюристов, работавших над ее оформлением. Декоративное убранство рукописи составляют также старопечатные картуши с указанием имен заказчика (л. 1) и исполнителя рукописи (л. 290); заглавие «Сказание главам» (л. 3) перед оглавлением Жития, в стилизованной геометрической рамке, состоящей из заполненных цветами и ягодами картушей и соединяющих их плетеных решеток.

В оформлении рукописи немаловажную роль играет монохромное решение большинства декоративных элементов, построенное на сочетании золота с серебром. Текст дополняют заставки старопечатного стиля (л. 9, 68, 293, 320) и многочисленные, выполненные золотом и киноварью, заголовки, заглавные и малые инициалы.

По составу и особенностям оформления текста и сопровождающих его миниатюр рукопись, на первый взгляд, распадается

на две части. Условная первая часть включает: «Сказание главам», предваряющее текст (л. 3), «Служба прп. Александру» (л. 9), Житие с прижизненными и посмертными чудесами (л. 68). Текст Жития относится к одной из ранних разновидностей Минейной редакции, сопровождаемой 5 прижизненными и 13 посмертными чудесами¹⁰. Первоначально Житие рассказывало об 11 посмертных чудесах (ОСРК РНБ. Q.I.317. 1549 г.; ГИМ Син. 997, Успенский список ВМЧ), однако вскоре пополнилось еще двумя чудесами (НИОР РГБ. Ф. 445. № 33. 1551 г.; ГИМ Син. 183. Царский список ВМЧ); в начале XVII в. текст одновременно дополняется еще двумя прижизненными и двумя посмертными чудесами.

Завершается первая часть рукописи ПС 6—7 картушем с записью писца Потапа Максимова (л. 290).

л. 290. Сю книгу пісалъ писецъ Потапъ Маѣимов.

Вторая часть рукописи начинается текстами, созданными после обретения мощей прп. Александра в 1641 г.: «Сказание об обретении мощей прп. Александра» (л. 293), «Сказание о перенесении мощей преподобного в новую церковь» (л. 311), а также текст «О покрове преподобного» (л. 314) и «Служба на перенесение мощей преподобного» (л. 320)¹¹. Первый текст повествует о чудесах¹², связанных с обретением мощей святого, произошедших во время подготовки места для основания нового каменного пятиглавого Преображенского собора (1641—1644)¹³.

Второй и третий иллюстрируют последующее почитание преподобного, объединившее светскую и церковную власти, что вполне соответствовало духу времени. В 1643 г. царь Михаил Федорович жертвует в Александро-Свирскую обитель серебряную с позолотой раку. Царский вклад монастырь получил 4 декабря 1643 г., где на следующее утро (5 декабря по ст. ст.) в присутствии митрополита Авфония, священного собора св. Софии и братии монастыря мощи святого были перенесены из церкви свт. Николая в новый каменный Преображенский собор. Чуть позже к раке преподобного был прислан покров, шитый царицей Евдокией.

Отметим здесь же некоторые списки Жития XVII в. перечисленного состава, без «Службы на перенесение мощей»: НИОР РГБ. Ф. 209. № 329. XVII в.; Ф. 236. № 91, третья четв. XVII в., однако композиционно они отличаются от ПС 6—7 тем, что чудеса 12 и 13 в последней следуют за авторским послесловием, а не предваряют его.

Дивные чудеса, обретение нетленных мощей, внимание царской семьи и последующее восстановление обители, растущее почитание прп. Александра, по всей видимости, становятся одними из важнейших эпизодов в истории монастыря этого периода. Возможно, именно поэтому были составлены иконография и «Служба на перенесение мощей», закрепившие историческую достоверность произошедшего и способствовавшие распространению вести о случившемся.

Однако вопрос о времени, месте составления и источниках «Службы на перенесение мощей», а также об истории празднования дня перенесения мощей 5 декабря еще только предстоит решить. В современной служебной минее этой службы нет, возможно, в третьей четверти XVII в. празднование было местным.

2. *Вопрос о писцах рукописи.* Работа над кодексом вероятнее всего велась двумя писцами, на это указывают несколько факторов. Во-первых, оглавление «Сказание главам» завершается 13-м посмертным чудом о юноше Афанасии и указания на последующие тексты по Обретению мощей не содержит. Во-вторых, листы первой части рукописи имеют писцовую кириллическую пагинацию в правом нижнем углу, соответствующую указаниям в оглавлении, в отличие от второй части, где есть только нумерация тетрадей в центре нижнего поля, не продолжающая нумерацию тетрадей первой части. В-третьих, несмотря на близость манеры, в которой выполнено декоративное оформление (заставки, заголовки, вязь, инициалы) и написан основной текст, на общую разливку листов (14 строк) на листах обеих частей, наблюдаются некоторые различия в почерках первой и второй частей. В-четвертых, миниатюры первой и второй группы имеют явные художественные отличия (см. раздел 3 настоящей статьи).

Различие групп инициалов наглядно прослеживается при сравнении ряда наиболее распространенных в обеих группах текста букв. Для сравнения можно привести такие характерные инициалы, как Ъ на л. 44 об., 56, 58 об., л. 61 об., с диакритическими знаками, и значительно упрощенный инициал на л. 321 без них; В на л. 32, 36 и на л. 296, 342 — высокий, с фигурной петлей, вынесенной над строкой; Р на л. 10 об., 23 об., 26 об., 109, 231 об. и в составе слова «отроча» (л. 37), придоша (л. 103), придоу (л. 152 и на л. 333) (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение начертаний инициалов первого и второго писцов¹⁴

первый писец	второй писец
	
	
	

Несмотря на общее для обеих групп применение золота и редкие попытки второго писца подражать манере первого, нельзя не отметить различия как в начертании, так и в выборе декоративного оформления инициалов. Вытянутый силуэт и индивидуальная, хоть и упрощенная, манера украшения инициалов первой группы (например, л. 23 об., 68 об., 73, 262, 268 об.), стилизованная под тонко-травный орнамент, отвечает общей стилистике рукописи, украшенной заставками старопечатного стиля. Орнаментальное решение, тонкость прописи создают впечатление гармонии и завершенности работы, построенное на легкости и динамике взаимодействующих элементов. В противоположность этому приземистые, объемные, густо раскрашенные инициалы второй группы значительно утяжеляют общую структуру текста (например, л. 305 об., 314, 320). Складывается впечатление, что создавались они совершенно другим человеком, менее опытным в письменной практике и с меньшим эстетическим вкусом.

Вероятно, из-за указанных различий И.Д. Соловьева предположила, что вторая часть рукописи была дописана позже¹⁵. Такое впечатление объяснимо, и в его пользу свидетельствуют художественные различия миниатюр. Однако, учитывая все вышесказан-

ное о сходстве и различии, мы склонны говорить об одновременном или близком по времени исполнении обеих частей кодекса.

Во-первых, это подтверждает предварительное неопубликованное описание рукописи, подготовленное Е.И. Серебряковой, согласно которому водяные знаки используемой бумаги соответствуют дате выходной записи. Во-вторых, близость художественного оформления обеих частей кодекса. В таком случае возможны два варианта работы над рукописью. Первый, менее вероятный, что вторая часть кодекса с дополнительными текстами планировалась как самостоятельная и потому не была включена в «Сказание главам». Второй вариант, отвечающий общему принципу работы мастеров Оружейной палаты, что для написания второй части рукописи был привлечен безымянный напарник Потапа Максимова. Такое разделение работы над основной и второстепенной частями кодекса между более опытным наставником и учеником могло бы объяснить как привлечение дополнительных источников, определяющих уникальность состава ПС 6—7 и отличие в исполнении миниатюр, так и близость в их оформлении и каллиграфической манере.

Для более полного понимания, как создавалась рукопись, требуется дальнейшее кодикологическое исследование.

3. *Миниатюры рукописи.* В настоящий момент известно более 300 списков Жития прп. Александра Свирского XVI—XIX вв. и только 14 из них являются лицевыми (среди списков XVII в. таких известно 5, самый ранний из которых ПС 6—7). Миниатюры рукописи из Покровского собора — оригинальный памятник сложения новой, национальной иконографии. Именно им было суждено стать образцом для большинства последующих изографов Жития как XVII, так и XVIII в.

Как говорилось выше, рукопись украшают 4 миниатюры, ни рукописных, ни известных иконописных прообразов которых до нашего времени не сохранилось. Отказавшись от иконописного принципа порегистровой композиции, отображающей поступательность повествования, изограф делает выбор в сторону целостной передачи эпизода, каким бы протяженным во времени он ни был. Каждая деталь изображения, от положения носков обуви до легкого полувзмаха крыла, становится самостоятельным «словом», позволяющим вчитаться в смысл иллюстрируемого текста.

Некоторый диссонанс вносит техника исполнения миниатюр, расположенных в начале (первая группа) и в конце (вторая группа) рукописи. Фигуры преподобного Александра и небесных

посланников изображены на золотом фоне. Строгость композиции, цветовая гармония, аккуратность в передаче каждой детали придают миниатюрам первой группы характер иконописных образов, в то время как пространственная свобода миниатюр второй группы, их художественная обобщенность, упрощенность кажутся здесь неуместными. Однако именно эти изображения создают впечатление достоверности изображения, холодные оттенки которого как будто впитали сдержанность северной природы, свежесть олонецких ветров, синеву многочисленных озер.

3.1. *Миниатюры первой группы.* Изображения первой группы (л. 7 об., 66 об.), созданные на основе ранее сложившейся иконографии, выполнены рукой опытного изографа с применением большого количества золота в фонах и раскраске нимбов, крыльев ангелов. Входная миниатюра рукописи — «Прп. Александр Свирский в молении» (рис. 1) представляет собой ростовое изображение святого, появившееся во второй половине XVI в. и получившее широкое иконописное распространение в XVII в.¹⁶ Чудесное «Видение Святой Троицы прп. Александру Свирскому» (далее — «Видение») (рис. 2) — центральное и наиболее известное событие Жития, разработка иконографии которого начинается сразу после канонизации прп. Александра¹⁷. Однако появление знакомого нам образа «Видения» и его выделение как самостоятельного относится лишь к первой половине XVII в.¹⁸, одним из самых ранних образцов которого и является вторая миниатюра рукописи ПС 6—7¹⁹.

В первой миниатюре композиционной доминантой, определяющей семантику изображения, выступает бытийное пространство. Прп. Александр, возвышаясь над всем мирским, в молитвенном обращении устремляется к Богу. Золото фона перекликается с синевой кучевых облаков небесного пространства, окружающего фигуру Иисуса Христа. С вершины небольшой горы, покрытой лесами и озерами, к ногам преподобного спускается река. Переливающиеся оттенки синего, закручиваясь в спирали, создают иллюзию быстротечности вод. Но даже в этом идеализированном пространстве художник находит место для изображения реального мира, скрытого за спиной преподобного. Небольшой бревенчатый сруб с тремя окнами и приоткрытой дверью, окруженный густым лесом и водой, — характерная деталь, ставшая частью многих житийных и самостоятельных образов святого. К сожалению, это изображение не имело дальнейшего развития в рукописной традиции. Однако

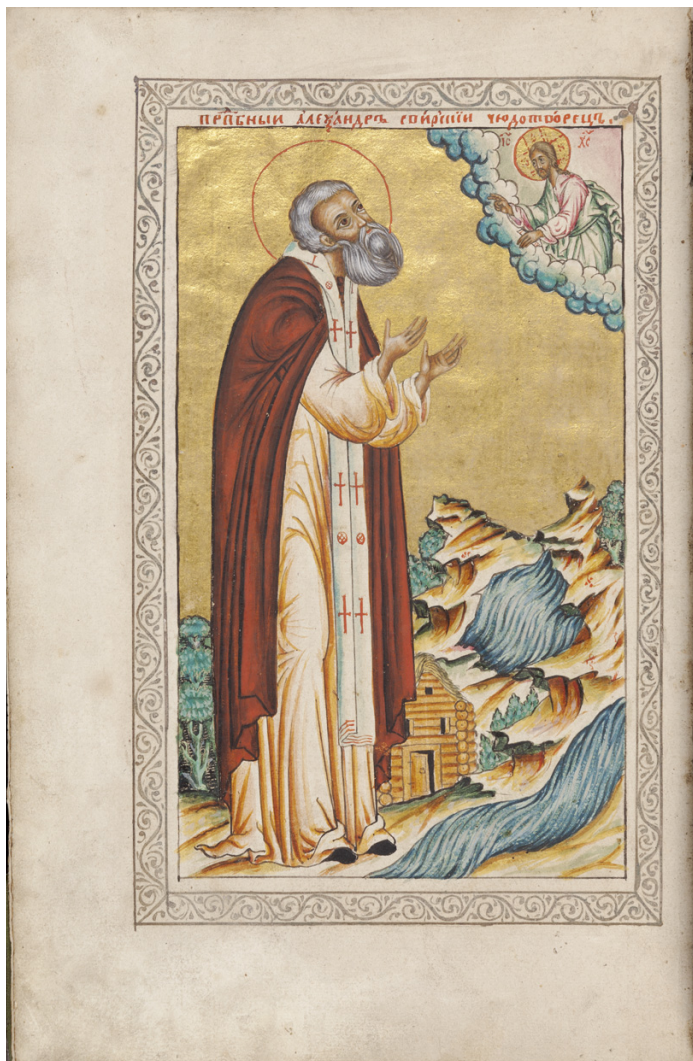

Рис. 1. Прп. Александр Свирский в молении. Л. 7 об.

тонкость проработки ликов, идеально подобранное колористическое решение, построенное на сочетании золотисто-охристых и синих тонов, позволяет выделить его из числа всех известных нам миниатюр.

Не меньшую художественную одаренность изографа демонстрирует миниатюра «Видение Святой Троицы прп. Александру Свирскому».

Рис. 2. Видение Святой Троицы прп. Александру Свирскому. Л. 66 об.

На фоне уходящей ввысь горки изображен павший ниц прп. Александр, с благоговейным ужасом взирающий на протянувшего ему руку ангела. Прекрасны несколько обобщенные лики небесных посланников. Особой тонкостью отличается проработка золотых крыльев, каждого завитка волос на головах ангелов. Их фигуры моделированы крупными складками одежд зеленого, лилового

и оранжевого оттенков, подобных тем, что были использованы в раскраске хитона и гиматия Спаса в предыдущей миниатюре.

На втором плане мы видим уже знакомые сруб и раскидистый лес на фоне бронзового неба. Основное пространство горки решено за счет широких белых и красно-коричневых полос, дополненных небольшими цветовыми акцентами разной интенсивности.

Важным отличием данного образа «Видения» от всех предшествующих изображений в клеймах житийных икон является выбор иллюстрируемого текста. Если большинство иконописных изображений или точно воспроизводит текст Жития (явление Святой Троицы, общение с преподобным, отшествие Святой Троицы), или вовсе ограничивается эпизодом отшествия, то миниатюра ПС 6—7 становится первой известной нам иллюстрацией момента встречи Божественного и мирского. В главе «У видѣнїи ст҃ыа Трѣцы» (л. 158 об.) есть два отрывка, которые могли послужить литературной основой новой иконографии:

1). «И поклониса има до земли, инаже имша его [прп. Александра] за десную руку, воста виста, гл҃юще: оуповди, бл҃женне, и паки: не войса. Бл҃женныи же рече к нимъ: ибо аще вбрътохъ бл҃гдѣть предъ вами, повѣдите ми, кто вы еста, гд҃їи мои» (л. 159 об.).

2). «И паки же [Господь] имша за десную руку и воста виста его, гл҃ючи: востани на ногу своєю, и паки: возмогай и оукрѣплайса, и сотвори все, еже повелѣхъ» (л. 161).

В первом случае можно говорить об историографическом контексте изображения. Миниатюрист словно запечатлевает общение преподобного со Святой Троицей, делая акцент на исторической достоверности видения, на возможности соприкосновения мира людского и Божественного.

«Повѣдите ми, кто вы еста, гд҃їи мои?» (л. 159 об.) — эти строки становятся воплощением общих мировоззренческих тенденций периода осени русского средневековья, связанных со стремлением переосмыслить теофаническое значение «Видения» и явления Святой Троицы в мирской практике познания Бога. Второй фрагмент также передает идею сопричастности Божественного и мирского, дополненную замыслом восприимчивости.

Об актуальности найденного образа говорят лицевые списки, дословно повторяющие композиционное, колористическое и орнаментальное решения миниатюры ПС 6—7. Знание этих особенностей, а также место хранения рукописи ПС 6—7 позволяют уста-

новить место создания многих лицевых списков второй половины XVII — начала XVIII в. (РНБ F.I 730, вторая половина XVII в.; По-год. 681, 1702 г.; Эрм. 6, конец XVII в.; ГРМ 26, 1715 г.²⁰).

3.2. *Миниатюры второй группы* — «Обретение мощей прп. Александра» (л. 291 об.) и «Перенесение мощей прп. Александра» (л. 318 об.) — редкий пример сложения новой иконографии, источники которой на данный момент неизвестны. Несмотря на слабость исполнения, именно они сыграют важнейшую роль в дальнейшем сложении традиции лицевых рукописей Жития.

Общей чертой этих миниатюр становится упрощенная трактовка форм, легкая акварельная раскраска с преобладанием зеленого, лилового и синего цветов. В отличие от изображений первой группы, обрамленных растительным орнаментом, миниатюры второй группы очерчены тонкой золотой линией. Эти и многие другие детали неоднократно вызвали предположения о более позднем создании данных миниатюр, чему, однако, противоречит наличие одинаковых во всех четырех случаях зеленых шелковых завес.

Сложность решаемой миниатюристом задачи обусловлена необходимостью проиллюстрировать события, произошедшие всего за 30 лет до создания рукописи. Не имея иконографических образцов, изограф вынужден последовательно раскрывать содержание новых текстов.

Так, в миниатюре «Обретение мощей прп. Александра» (рис. 3) основной персонаж повествования, инок Елисей, представлен в двух временных плоскостях. Вначале художник изображает его проходящим мимо разобранной старой церкви, на месте которой должны возвести новый каменный собор. Отвлечшись от своих мыслей, инок обратил внимание на группу праздных работников и «рече к ним: что стоите не дѣлающе?» (л. 299 об.). Здесь мы видим первую удачную композиционную находку. Не решаясь подойти к строителям, инок словно застыл в удивлении — в трехчетвертном развороте: все его тело устремлено вперед, тогда как голова повернута в сторону.

В следующей сцене, занимающей центральную часть листа, инок Елисей узнает от работников, что на месте ветхой деревянной церкви ими был найден гроб, «земли оубв вколо гроба тогв кромѣ столци, такв пещерѣ, ничимже поддержимѣ» (л. 299). После чего, «оукривъ мало верхнѣа дски гроба... и видѣ въ гробѣ томѣ тѣло цѣло и ничимъже рушимо» (л. 300—300 об.).

Рис. 3. Обретение мощей прп. Александра. Л. 291 об.

Миниатюра «Перенесение мощей прп. Александра» (рис. 4) является фронтисписом к «Службе на перенесение мощей». Она занимает промежуточное положение между первой и второй группой изображений.

Миниатюра одновременно раскрывает несколько эпизодов. Основное пространство листа заполняет изображение пятику-

Рис. 4. Перенесение мощей прп. Александра. Л. 318 об.

польного храма, внутри которого митрополит Авфоний со священным собором святой Софии совершает службу у раки с мощами преподобного. Отметим интересную деталь — изображение на раке покрыва, подаренного царицей Евдокией несколько позже.

В отличие от миниатюры «Обретение мощей», «Перенесение мощей» отличается бóльшим профессионализмом. Значительно

уступая качеством раскраски миниатюрам первой группы, «Перенесение мощей» компенсирует отсутствие яркости гармоничным распределением цветовых акцентов. Вытянутые фигуры священнослужителей, заполняя все пространство храма, преисполнены внутреннего спокойствия. Аккуратно выписаны их лица. Розовые, лиловые, голубые фелони украшены тонким орнаментом.

Эти особенности ставят перед нами вопрос: а не написана ли миниатюра «Перенесение мощей» третьим мастером?

3.3. *Еще раз о Потапе Максимове.* Сказанное выше о миниатюрах двух групп рождает закономерный вопрос о количестве изографов, работавших над рукописью, а также о том, были ли это писцы рукописи. Важным видится обратиться к другим рукописям, приписываемым Потапу Максиму.

Потап Максимов — золотописец из Оружейной палаты, первые упоминания о котором относятся к 1661 г.²¹ К сожалению, сохранилось не так много подписных списков, которые могли бы позволить выявить основную направленность и характерные черты созданных им рукописей. Известно, что в 1680—1687 гг. некий Потап Максимов входил в узкую группу писцов наречного пения при царском дворе. Также имя Потапа Максимова упоминается среди писцов, работавших над составлением известного Ирмология (НИОР РГБ. Ф. 178. № 7753. 1680 г., далее — Музейн. 7753): «Книга нотнаа писаннаа въ Москвѣ... его государственнымн рабы Потапкомъ Максимовымъ и Андреикомъ Михайловымъ...» (л. III)²².

Картуш с писцовой записью (л. III), на основании которой датируется Ирмологий, выполнен на бумаге второй половины XVIII в., сама запись написана почерком XVIII в., по содержанию является очевидным пересказом оригинальной; в пользу этого красноречиво свидетельствует и очевидное непонимание писцом кириллической цифири²³. Вместе с тем полная сохранность остальной рукописи указывает на, возможно, восполняющий характер вставки. Несмотря на полное несоответствие почерков рукописей ПС 6—7 и Музейн. 7753 и отсутствие уточняющей информации о деятельности золотописца Потапа Максимова, нам кажется допустимым обратиться к миниатюрам рукописи, автором которых он мог быть.

Лицевой Ирмологий содержит 13 роскошно украшенных миниатюр в лист, предшествующих соответствующим текстам. Рукопись декорирована красочными заставками старопечатного стиля,

вершины которых увенчаны золотыми коронами и птицами. Картуши с записями о времени написания и перечислением авторов богослужебных текстов украшены растительным орнаментом с листьями аканта, ягодами и цветами. В композиции миниатюр, раскрывающих содержание священных текстов, использована традиционная трактовка пространства, заполненного горками и архитектурными постройками. Общее колористическое решение строится на созвучии голубых, лиловых и охристых тонов. Вытянутые фигуры святых моделированы крупными складками, переданными светотенью. Лики прописаны тонкими обобщенными линиями. Качество иллюстраций варьируется в зависимости от используемой краски и изображаемой сцены: максимальную насыщенность, гармонию целого и узорочье миниатюрист передает в изображениях двенадцатых праздников, пророков и Богоматери. Отдельного внимания заслуживают миниатюры с изображением воды, земли и неба: «Крещение Господне» (л. 357 об.) и «Притча об Ионе» (л. 309 об.). Изображения трех стихий, подчиненных Божественному, наиболее узнаваемы и совершенны и перекликаются с аналогичными изображениями в «Молении» (л. 7 об.) и «Видении Святой Троицы» (л. 66 об.) в ПС 6—7. Поверхность воды передается за счет градации синих оттенков и высветленных дорожек-волн. Изображение почвы соответствует уже устоявшемуся типу пологих холмов. Своеобразный принцип раскраски, построенной на сочетании широких красно-коричневых полос и вкраплений более светлой зеленой, желтой и других красок, позволяет добиваться некоторой фактурности.

Еще одним художественным элементом, максимально близким к изображению ПС 6—7 (рамке, украшающей «Сказание главам», л. 3), является заставка к началу Божественной Литургии (л. 125). Небольшие картуши, обрамляющие основное пространство листа, заполнены переплетениями голубых, фиолетовых и алых цветов, перемежающихся с ягодами малины. Связующим звеном между разрозненными элементами выступают уже знакомые нам плетеные узлы.

Немногочисленные серебряные инициалы, стилизованные под витые мраморные колонны, очерчены тонкой золотой линией. Подобный инициал мы встречаем в рукописи ПС 6—7 (л. 293 об.).

Однако наряду с искусно выполненными изображениями, перечисленными выше, «Ирмологий» содержит и ряд миниатюр, чье

исполнение можно охарактеризовать как посредственное: «Три отрока в печи огненной» (л. 341 об.), «Положение во гроб» (л. 561 об.), «Вход Господень в Иерусалим» (л. 253 об.). Очевидно, над миниатюрами «Ирмология» трудились несколько мастеров, как искусный, так и менее опытный. Точно так же была выстроена работа над объемным кодексом ПС 6—7 восемью годами ранее.

Выше приведено сравнение миниатюр и декоративных элементов из обеих рукописей, которое, скорее, устанавливает их сходство. В свете сказанного можно предположить, что изображения и украшения в них частично принадлежат руке Максима Потапова, упомянутого в картушах.

4. *Преимственность списков.* Об активном использовании рукописи ПС 6—7 в библиотеке Александро-Свирского монастыря свидетельствуют многочисленные исправления и дополнения разного времени на полях. В списке три вида глосс: выполненные полууставом вставки пропущенных слов и фрагментов текста, поясняющие глоссы, а также скорописные цифровые пометы XVIII в. Вероятно, уже в Александро-Свирской обители рукопись была выверена по исправному списку. Установлено, что ПС 6—7 является если не антиграфом, то протографом для текста Жития по списку НИОР РГБ. Ф. 138. № 48²⁴.

Что касается миниатюр рукописи, то они станут образцом для последующих изографов. В середине XVIII в. обе миниатюры второй группы будут использованы при создании нового комплекса миниатюр для лицевого Жития Александра Свирского²⁵. Об обращении к ПС 6—7 свидетельствует тождественность иллюстрации «Обретения мощей» в трех рукописях комплекса (музей Риза, г. Купоно ОКМ К 7056, середина XVIII в., л. 121 об.; РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. № 1209. 1760—1770 гг. л. 103; Архив Ново-Валаамского монастыря VAL. XII.212, первая четверть XIX в., л. 118 об.). Интересно зеркальное изображение в варианте ГИМ Муз. 344, середина XVIII в., л. 106 об. (рис. 5).

Миниатюра «Перенесение мощей», в рукописи ПС 6—7 предваряющая Службу на 5 декабря, будет использована как образец для миниатюры «Преставление прп. Александра» в списке ГРМ 26 1715 г. (л. 245 об.)²⁶. В упомянутом комплексе лицевых рукописей изображение закрепится за главой «О Перенесении мощей» (ОКМ К 7056, л. 129 об.; РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. № 1209, л. 109 об.; VAL. XII.212., л. 125 об.). Причем для миниатюры рукописи РГАДА 1209 харак-

Рис. 5. Обретение мощей прп. Александра. Муз. 344. Л. 106 об.

терно практически дословное повторение архитектурных элементов. И только в рукописи ГИМ Муз. 344 середины XVIII в. для главы «О Перенесении мощей» будет использовано уникальное изображение (л. 112 об.)²⁷, не находящее аналогов в кругу лицевых рукописей Жития, а миниатюра «Перенесение мощей» будет предварять главу «О Покрове преподобного Александра» (л. 113 об.) (рис. 6).

Рис. 6. Миниатюра к главе «О покрове прп. Александра». Муз. 344. Л. 113 об.

Потребность в создании иллюстрированного Жития прп. Александра Свирского и разнообразие поисков его художественного решения прослеживаются еще в одном лицевом списке конца XVII в. Рукопись из собрания РГАДА (Ф. 181. Оп. 4. № 325/705) значительно дополнена миниатюрами, включая редкий пример иконографии «Видения Богородицы» и совершенно иное «Обретение

мощей прп. Александра Свирского». Их усложненная композиция и архаичная стилизация под иконописные образцы не имели дальнейшего распространения.

Если говорить об иконописном изображении сцен обретения и перенесения мощей преподобного, то их известно немного, И. Д. Соловьева указывает всего два: клейма створок складня середины XVIII в.²⁸ и клеймо с изображением «Перенесения мощей» на иконе XVIII в. из Ярославля²⁹.

Подводя некоторые итоги, можно констатировать, что Житие Александра Свирского в рукописи ПС 6—7 представляет Минейную редакцию с 13-ю посмертными чудесами, расширенную комплексом текстов, посвященных «Обретению мощей» в 1641 г., а также «Службой на перенесение мощей» 5 декабря, на данный момент — уникальной: неизвестны ни другие списки, ни источники этой Службы. В современной служебной Минее этой службы нет, возможно, в третьей четверти XVII в. празднование было местным, а потом и вовсе утратилось.

В работе над рукописью участвовали как минимум два мастера, один из них — мастер Оружейной палаты Потап Максимов. Вопрос о количестве миниатюристов остается открытым: сравнение выявило общие тенденции взаимосвязи качества рисунка и изображаемого сюжета. Изображения сцен «Обретения» и «Перенесения мощей» прп. Александра в этой рукописи появляются впервые. Они не имеют аналогов в клеймах ранних икон. Эти две миниатюры становятся образцом для последующих мастеров. Миниатюра «Видение Святой Троицы» имеет своим источником самостоятельные иконы и будет также наследоваться другими лицевыми рукописями.

¹ Благодарим заведующую отделом рукописей ГИМ Э. В. Шульгину и заведующую отделом «Покровский собор» Т. Г. Сарачеву за предоставленную возможность работать с рукописью, ведущего научного сотрудника отдела рукописей ГИМ Е. И. Серебрякову за консультации и старшего научного сотрудника отдела рукописей ГИМ Е. Н. Казакову за содействие и помощь.

² Соловьева И. Д. Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь: художественное наследие и историческая летопись. СПб., 2008. С. 103.

³ Здесь и далее текст цитируется по следующим правилам: знаки ударений и придыханий не отражаются, выносные внесены в строку, написания под титлом не раскрываются, за исключением частей флексий, восстановленных в таких случаях в < >.

- 4 *Кочетков И.А.* Словарь русских иконописцев XI–XVII вв. М., 2009. С. 830; *Сарачева Т.Г.* Преподобный Александр Свирский и Покровский собор на Красной площади // Свято-Троицкий Александр Свирского монастырь в российской истории и культуре. СПб., 2016. С. 107.
- 5 *Викторов А.Е.* Описи рукописных собраний в книгохранилищах северной России. СПб., 1890. С. 183.
- 6 *Сарачева Т. Г.* Преподобный Александр Свирский... С. 106–107.
- 7 *Соловьева И.Д.* Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь...; *Она же.* Житийные иконы преподобного Александра Свирского: агиографические источники и анализ иконографии // Свято-Троицкий Александр Свирского монастырь в российской истории и культуре. СПб., 2016. С. 83–90.
- 8 *Сарачева Т. Г.* Преподобный Александр Свирский... С. 106–107.
- 9 Сохранилось три карандашных хранительских пагинации, расхождения начинаются с л. 115, в статье указания даются по той, что в левом нижнем углу листа.
- 10 Последнее чудо – о юноше Афанасии, страдавшем от расслабления руки и получившем исцеление от мощей прп. Александра (*Соболева А.Е.* Житие Александра Свирского как источник по истории русского литературного языка: Дисс... канд. филолог. наук. М., 2013).
- 11 Последняя нам в известных списках Жития пока не встречалась. Служебные минеи и богослужебные сборники второй половины XVII в. нами к исследованию этого вопроса не привлекались.
- 12 Например, описывает детально, как 15 апреля (по ст. стилю) при разборке ветхой церкви во имя прп. Александра, где была поставлена гробница над местом захоронения преподобного, «бысть гром вельми страшень и молніа такожде велїа зѣла прееудивлена. внегда приникнути ей на землю, хождаше по земли на долгъ часъ, а не такоже вьыгди вавльшиса в мгновенїи ока и невидимъ быти. такоже и в патокъ вечеръ тѣмже образомъ бысть громъ и молніа такожде превелика зѣла» (л. 297 об.–298). А 17 апреля при раскапывании рва на месте старой церкви обнаружен гроб «земли оубв вколо гроба тогч кромѣ столци, ѡкв пещерѣ, ничѣмже поддержимъ» (л. 298) с телом преподобного.
- 13 Об истории монастыря в этом период см.: *Соловьева И.Д.* Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь... С. 103.
- 14 Авторы благодарят дизайнера Илью Ардера за векторную отрисовку инициалов.
- 15 *Соловьева И.Д.* Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь... С. 112. Прим. 30.
- 16 *Соловьева И.Д.* Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь... С. 99.
- 17 *Журавлева И.А.* Образ Александра Свирского с житием и чудесами из Успенского собора Московского Кремля // Русская художественная культура XV–XVI веков. М., 1998. С. 118–144.
- 18 *Соболева М.Е.* Преподобный Александр Свирский и образ святой Троицы в лицевых рукописях XVII–XVIII вв. // Сб. докл. международной научной

- конференции «К 500-летию Богородице-Смоленского Новодевичьего монастыря. Духовное и культурное наследие монастырей Русской Православной Церкви». ИМЛИ РАН, МДА, 9–11 окт. 2019. М., 2019. С. 181–183.
- 19 Согласно приходно-расходным книгам монастыря, подобные иконы становятся неотъемлемой частью работы наемных иконописцев задолго до создания рукописи. И.Д. Соловьева указывает икону 1655 г. в Троицком иконостасе, вложенную казначеем Симоном (*Соловьева И.Д. Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь...* С. 113).
- 20 Миниатюра опубликована в кн.: *Соловьева И.Д. Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь...* С. 112.
- 21 «14–17 января 7169 (1661) г. были у книжного писма у часослова прописывали золотописец Семен Сидоров, да Потап Максимов, да Наум Семенов» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 6. № 7370. Л. 1; *Кочетков И.А. Словарь...* С. 830).
- 22 *Протопопов В.В.* Нотная библиотека царя Федора Алексеевича // Памятники культуры: новые открытия. Письменность, искусство, археология. Ежегодник, 1976. Л., 1977. С. 119–133.
- 23 В картуше писец XVIII в. дважды ошибается: ѡѡрѡпи вместо ѡзрѡпи и ѡаѡп вместо ѡаѡп.
- 24 *Соболева А.Е.* Глоссы на полях как связующий элемент рукописей // Материалы XXXII ежегодной международной научной конференции «Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании». РГГУ, ИВИ РАН, 11–12 апреля 2019 г. Тез. докл. М., 2019. С. 377–379.
- 25 *Соболева А.Е., Соболева М.Е.* Лицевые рукописи Жития Александра Свирского середины XVIII в. как единый комплекс: проблемы текстологии и происхождения // Рябининские чтения–2019. Материалы VIII конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера / Музей-заповедник «Кижы». Петрозаводск, 2019. С. 536–539.
- 26 Миниатюра опубликована: *Соловьева И.Д. Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь...* С. 238.
- 27 Миниатюра опубликована, см. о ней: *Соловьева И.Д. Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь...* С. 111; *Грибов Ю.А.* Кат. № 232, 437–439 // XVI век. Эпоха митрополита Макария. Каталог выставки: Государственный исторический музей. 21 июня – 11 сентября 2017 г. М., 2019.
- 28 Изображение складня см.: *Соловьева И.Д. Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь...* С. 108–109.
- 29 Там же. С. 216.

Храм Василия Блаженного в произведениях
декоративно-прикладного искусства
(на примере лаковой росписи
из собрания ВМДПНИ)

Храм Покрова на Рву, чаще называемый храмом Василия Блаженного, является поистине уникальным памятником российской истории и культуры, увековечившим Казанскую победу царя Иоанна Грозного. «Градоподобие» храма отражало представления средневекового человека о мироздании, его гармонии и красоте. В предисловии к сочинению Л.Е. Белянкина «Исторические записки и сведения о Покровском и святого Василия Блаженного соборе» приводится характеристика, данная французским путешественником: «Конечно, нет в мире другого памятника, в котором бы можно было найти подобное смешение противоположных архитектур, затейливости азиатской, с величием и благородством итальянской смелости, и легкости мавританской, с тяжестью и излишеством в украшениях готического вкуса; фантастическая форма этой груды крылец и террас, колоколен, увенчанных главами, отличающими ее одна от другой размером, стилем и краскою. Одна — винтообразная, другая — острая, в виде пирамиды; та — чешуйчатая, с круглым куполом, продолговатоовальная, одна зеленая, другая красная с золотыми звездами»¹. Столь красноречивое описание отражает скорее удивление иностранцев от увиденного, чем подлинный облик храма. Первоначальный вид собора, по словам протоиерея Иоанна Кузнецова, «был не таков, как теперь», состоял из девяти столповидных церквей, устроенных на одном общем основании в виде креста, центром которого был храм Покрова². Со временем этот архитектурный ансамбль менялся, подвергаясь «поновлениям и поправкам». Автор приводит ряд иллюстраций, дающих представление о внешнем облике собора середины XVII—XIX в., сделанных с книжных изданий, гравюр и картин.

В середине XIX в. особой популярностью стали пользоваться альбомы литографий с видами Москвы и Петербурга торгово-издательского дома Дациаро. Литографии успешно продавались не только в фирменных магазинах Дациаро в российских столицах, но и в европейских городах. Популярность видовых литографий объяснялась всеобщим увлечением отечественной историей, начавшейся в России в 1840-е годы. Этим же можно объяснить и появление реплик литографий, выполненных в технике лаковой миниатюры на папье-маше, ставшие прекрасным сувениром. Особенным коммерческим чутьем и высоким качеством исполнения изделий отличалась фабрика Петра и Александра Лукутиных (Московской губерния, с. Данилково). Вообще, лукутинские мастера «охотно пишут видовые миниатюры с изображениями Москвы, Петербурга и других городов»⁵.

Классическим примером является лукутинская шкатулка «Вид Красной площади» (ВМДПНИ КП МНИ 13597 НЛФ 20) (рис. 1). Она написана в середине XIX в. по литографии «Вид южной части Красной площади от памятника Минину и Пожарскому в сторону По-

Рис. 1. Шкатулка «Вид Красной площади» («Красная площадь»). Середина XIX в. Папье-маше, лак, темпера, миниатюрная живопись

кровского собора» из альбома И.Х. Дациаро, изданном в Париже в начале 1850-х годов. Художник еще не осмеливается применять цвет, поэтому лаковая миниатюра монохромна. Однако лукутинские мастера не просто копируют литографии, а, сохраняя общую композицию, вносят свои изменения. Так, при сравнении изображения литографии и шкатулки мы видим, что собор на миниатюре чуть развернут против часовой стрелки, поэтому стала лучше видна колокольня, а соборное крыльцо смотрит прямо на зрителя. Именно поэтому на шкатулке видны девять глав собора, а на литографии — десять. Также на шкатулке изображена крытая галерея с полукруглыми окнами, а на литографии ее практически нет. Купольные кресты собора четырехконечные, с полумесяцем в основании, с цепями.

Свой вариант этой литографии Дациаро дал Петр Николаевич Пучков (1932—2000) — известнейший мастер Федоскино, член Союза художников СССР. Его излюбленный жанр — архитектурный пейзаж, в частности, виды Москвы и Ленинграда. Свою шкатулку (ВМДПНИ КП 26272 ЛМФ 223) Пучков назвал «Старая Красная площадь» (1991 г.). На ней у Покровского собора всего восемь глав: главу придела святого Василия Блаженного Пучков «потерял». Он вводит в роспись зеленый цвет крыш и куполов архитектурных сооружений, красиво оттеняющий красные и белые стены собора и Кремля. Купольные кресты трех видов: четырехконечные, шестиконечные и восьмиконечные, с цепями. Стаффаж также несколько отличается и от литографии, и от лукутинской работы. Монохромность лукутинской шкатулки делает равнозначными памятник Минину и Пожарскому, собор Василия Блаженного и Спаскую башню. Введение Пучковым цвета в роспись собора выделяет его среди архитектурных сооружений Красной площади, притягивая внимание зрителя.

Еще одним произведением фабрики Лукутиных является пластина от альбома 1870-х годов. «Собор Василия Блаженного» (ВМДПНИ МХП КП 1796) (рис. 2). На светло-сером фоне мы видим только собор, без других строений и стаффажа, как самостоятельный объект изображения. Написана она, очевидно, с одной из цветных фототипий с видами Москвы конца XIX в. Церкви Трех Патриархов и Григория Армянского расписаны белым цветом. В их кокошниках и на галерее собора над окнами, если присмотреться, видны росписи цветами. Подробнее узнать, как внешне выглядел

Рис. 2. Пластина от альбома «Собор Василия Блаженного». 1870-е годы.
Папье-маше, лак, темпера, миниатюрная живопись

собор, можно из «Исторических записок» Белянкина. В главе «Колер наружных стен собора» он пишет: «Внешние стены этого собора окрашены разными красками, а именно: нижняя часть зеленою или медянкою, с желтыми по ней жилками, сетеобразными и неровными, похожими на мрамор; карнизы и разные выставки или выпуклости разными красками: белую, красную, желтую и голубую; низ же простенков и косяков окрашен красною краскою

Рис. 3. А.А. Глазунов. Пластина «Собор Василия Блаженного». 1934 г. Папье-маше, лак, темпера, миниатюрная живопись

в роде кирпичной в коробках или углублениях разными цветами, и фигурами по белому грунту; арки верхних зданий и их выпуклости так же разноцветными красками, расписаны с изображением цветов»⁴. Первое издание сочинения относится к 1847 г. После публикации Белянкина и появления расписной пластины прошло около 20—30 лет, не изменивших внешний вид собора. Однако на пластине нижняя часть его расписана художником не зеленой,

а белой краской, а купольные кресты изображены им уже без полумесяцев и цепей — это вольная интерпретация мастера внешнего вида собора.

В 1934 г. Александр Александрович Глазунов написал пластину «Собор Василия Блаженного» (ВМДПНИ КП 16153) (рис. 3). До революции Глазунов был иконописцем, имел собственную мастерскую в Москве. После 1917 г., наряду с И.И. Голиковым, начал расписывать изделия из папье-маше и стал одним из основателей Артели древней живописи — знаменитого Палеха. Изображение собора написано на традиционном черном фоне, пластина подписная. Экстерьерная роспись собора выполнена Глазуновым мастерски: можно рассмотреть до деталей, как выглядел собор в 1930-е годы. Как известно, в это время началась сталинская реконструкция Москвы, и собор Василия Блаженного был под угрозой сноса. Однако к 20-летию Октябрьской революции, отмечавшемуся в 1937 г., храм был заново расписан снаружи⁵. А.А. Глазунов тщательно выписывает экстерьерную роспись собора. В частности, на стенах колокольни просматривается та самая роспись под мрамор, о которой писал Белякин. Та же роспись видна в ярко-красных квадратах в нижней части собора. Купольные кресты — шести- и восьмиконечные. Тонко выписанные детали, умелое сочетание красного, зеленого, белого и желтого цветов делают изображение собора незабываемым. Пластина стала своеобразной «иконой» знаменитого храма.

Интересной для истории искусства является роспись на металлическом подносе по эскизу Павла Петровича Соколова-Скаля (?) «Парад на Красной площади» (ВМДПНИ МХП КП 2511) (рис. 4) 1920-х годов. На изображении храм Покрова приближен к колокольне, а перед ними восемь церквей как будто выстроились справа налево «по росту». С той видовой точки, с которой написан собор, все эти главы трудно увидеть. Перед мастером росписи стояла непростая задача вписать сюжет в круглый поднос, чем можно объяснить некоторый «сбой» в архитектуре храма. Поэтому можно говорить скорее о «метафоре» собора Василия Блаженного, нежели о реальном памятнике архитектуры. В его изображении исключена внешняя декоративность: храм написан темно-зеленым и красно-коричневым цветом, без выделения архитектурных деталей, без экстерьерных росписей. Ни на одной из глав собора не видно крестов, которые бы резко контрастировали с коммунистическим парадом.

Рис. 4. П.П. Соколов-Скаля (?). Поднос «Парад на Красной площади». 1920-е гг.
Металл, масло, лак, роспись

При сопоставлении сюжета росписи с историческим фотоснимком из архива французского информационного агентства нам удалось установить год и событие. С 22 июня по 12 июля 1921 г. в Москве прошел Третий конгресс Коммунистического Интернационала. Он обсудил вопросы о мировом хозяйственном кризисе, отчет о деятельности и новых задачах Коминтерна, о тактике РКП(б) и Коминтерна и многое другое. Событие сопровождалось парадом на Красной площади. На подносе мы видим две интересные детали: один из престолов Покровского собора в лесах и летящий над площадью дирижабль. Эти же детали присутствуют на фотографии. То, что это парад Коминтерна именно 1921 г., косвенно доказывает картина Константина Юона «Парад Красной армии» (1923, ГТГ). На ней также есть дирижабль и один из приделов в лесах. Однако на месте будущего Мавзолея красуется белая скульптура рабочего, стоящего у наковальни. Скульптура работы

Рис. 5. Н.Н. Мажаев. Поднос «Салют в Москве». 1967 г.
Металл, масло, лак, роспись

Фридриха Карловича Лехта появилась в ноябре 1922 г. к пятой годовщине революции. На подносе ее нет. Такую заметную деталь художник, сделавший эскиз подноса, вряд ли бы пропустил. Леса на одной из церквей напоминают о революционных событиях 1917 г.: во время артиллерийского обстрела большевиками Кремля были повреждены свод и кровля главы церкви Входа Господня в Иерусалим. В 1920-е годы в соборе проводили ремонтно-реставрационные работы, что мы и видим на подносе «Парад на Красной площади». Таким образом, роспись подноса является своеобразным историческим документом.

Еще один памятный момент в истории не только Москвы, но страны в целом запечатлен на подносе Николая Николаевича Мажаева (1937—2000). Это родоначальник целой династии жостовских мастеров, лауреат Государственной премии РСФСР имени И.Е. Репина. Мажаев был не чужд художественного эксперимента, «идущего не от жостовских традиций, а от народной картинки, стан-

ковой графики, плаката»⁶. Наряду с цветочными подносами, он создал несколько работ, выходящих за рамки «жостовского канона». Среди них поднос «Салют в Москве» (ВМДПНИ КП МНИ 18163) (рис. 5). Собор изображен со стороны Васильевского спуска. Его семь церквей — светло-коричневого и желтого цвета, а рельеф куполов выписан черным, что создает иллюзию раскрашенной литографии. Купольные кресты шестиконечные. Три архитектурные доминанты — церковь Покрова Пресвятой Богородицы, Спасская и Набатная башни — смотрятся как целостный ансамбль, создавая гармоничную композицию на подносе. Памятники изображены на фоне вечернего синего неба, со вспышками салюта на нем, похожего на цветы. Небо рассечено на сектора лучами прожекторов. Поднос имеет точную датировку — 1967 г. Вспомним, что 23 октября этого года, в канун 50-летия Великой Октябрьской Социалистической революции, была подписана директива о формировании взвода салютных установок на базе зенитно-артиллерийского полка Таманской дивизии. Н.Н. Мажаев запечатлел исторический момент — рождение праздничного салюта в Москве, продолжившего традицию победных салютов. В центре этого события находится памятник военной победе — собор Василия Блаженного.

Продолжает тему салюта на Красной площади подписная шкатулка «Салют» Ивана Семеновича Семенова, расписанная в 1944 г. (ВМДПНИ КП МНИ 7810 НЛФ 364). Собор написан со стороны Красной площади. Центральным памятником на шкатулке Семенова стала Спасская башня, показывающая время — 9 часов вечера. Собор Василия Блаженного с девятью церквями и колокольней изображен довольно условно, побелевшим от снега, как ледяной дом, в отблесках салюта. Возможно, на шкатулке изображен салют 10 апреля 1944 г. в честь разгрома и изгнания противника из Одессы, хотя мы видим совершенно зимнюю, не апрельскую Москву. Примечательно, что в том же году Семенов создал еще одну шкатулку «Салют» (Московский областной музей народных художественных промыслов, MOM НХП КП-977 Л-949), на которой открывается вид на Большой Кремлевский дворец с набережной Москвы-реки — кочующий сюжет, популярный в русском искусстве с XIX в.

Художник Александр Алексеевич Толстов (р. 1929) написал шкатулку «Салют» (ВМДПНИ МНИ КП-22084 НЛФ-73) в 1975 г., когда отмечалось 30-летие Победы. 9 мая на Красной площади

прошла торжественная манифестация молодежи, а вечером в Москве состоялся 30-залповый салют, что мы и видим на подписной шкатулке. Однако собор Василия Блаженного изображен не со стороны Красной площади, как можно было бы предположить, а со стороны Васильевского спуска. За храмом видны очертания Исторического музея, а слева от собора — Спасская и другие кремлевские башни. В вечернем небе сверкают вспышки салюта, блеск которого оттеняет перламутровая вставка. Купола собора отчасти в тени, отчасти освещены салютом, поэтому и купольные кресты где-то выписаны, а где-то только обозначены темным цветом. Общий колорит — от розового до малиново-красного в сочетании с темно-зеленым цветом и вспышками золота — создаёт особое праздничное настроение.

Подводя итог сказанному, можно выделить два вида изображения собора Василия Блаженного: в составе памятников Красной площади и как самостоятельный объект архитектуры. В фондах ВМДПНИ большую часть музейных предметов с видом собора занимает лаковая миниатюра фабрики Лукутиных и Федоскина, для которых «художественной почвой» являются реалистичные пейзажи, сюжеты и архитектурные виды. Несмотря на то, что на лаковых расписных подносах виды Москвы существовали как до, так и после революции, собор Василия Блаженного появляется на металле только в качестве художественного эксперимента советского времени, не нашедшего продолжения на современном этапе.

¹ *Белянкин Л.Е.* Исторические записки и сведения о Покровском и святого Василия Блаженного соборе в столичном граде Москве, основанные на верных фактах и почерпнутые из достоверных источников. М., 1867. С. I—II.

² *Кузнецов И.И.* Покровский (св. Василия Блаженного) собор в Москве. Святые Василий и Иоанн Христа ради юродивые. Лобное место. М., 1900. С. 7.

³ *Уханова И.Н.* Лаковая живопись в России XVIII—XIX веков. СПб., 1995. С. 126.

⁴ *Белянкин Л.Е.* Исторические записки... С. 49.

⁵ *Баталов А.Л., Успенская Л.С.* Собор Покрова на Рву. М., 2004. С. 59.

⁶ *Богуславская И., Графов Б.* Искусство Жостова. Л., 1979. С. 18.

Судьба захоронения митрополита Алексея

Среди знатных родов, появившихся в Москве в конце XIII — начале XIV в., выделялся житель Черниговской земли Федор Бяконт, потомки которого заняли ведущее положение в администрации великого московского князя и в церковной иерархии Руси. Самым известным среди них является старший сын Федора Бяконта Алевферий, он же митрополит Алексей. Практически вся его жизнь была связана с Московским Кремлем, на территории которого семья Бяконта владела недвижимостью.

О собственности самого митрополита Алексея в укрепленном центре Москвы сведений сохранилось немного. Основным источником здесь является завещание этого иерарха, дошедшее до наших дней. Вопрос о его владениях представляет интерес, так как связан с местом и судьбой захоронения митрополита Алексея. Его духовная грамота была составлена около 1377 г., то есть незадолго до смерти. Документ проникнут, в первую очередь, заботой об основанном митрополитом Алексеем в Кремле в 1365 г. Чудовом монастыре (рис. 1). Именно этой обители митрополит завещал все принадлежавшие ему села, некоторые с деревнями и «бортью»: «Даю святому великому архангелу Михаилу и честному его чюду село Жилинское, Серкизовское, Тюфтецевское»¹ и ряд других, размещавшихся в округе Москвы. Н.М. Карамзин приводит в своем известном историческом сочинении сообщение о том, что в Чудовом монастыре сохранялась записка митрополита Алексея следующего содержания: «Черкизово сельцо куплено на мое серебрецо»². Именно это село упомянуто в духовной митрополита Алексея как «Серкизовское». Следует отметить, что в названии этого топонима отразилось имя человека восточного происхождения — Серкиза, переехавшего в XIV в. из Орды на службу к московским князьям

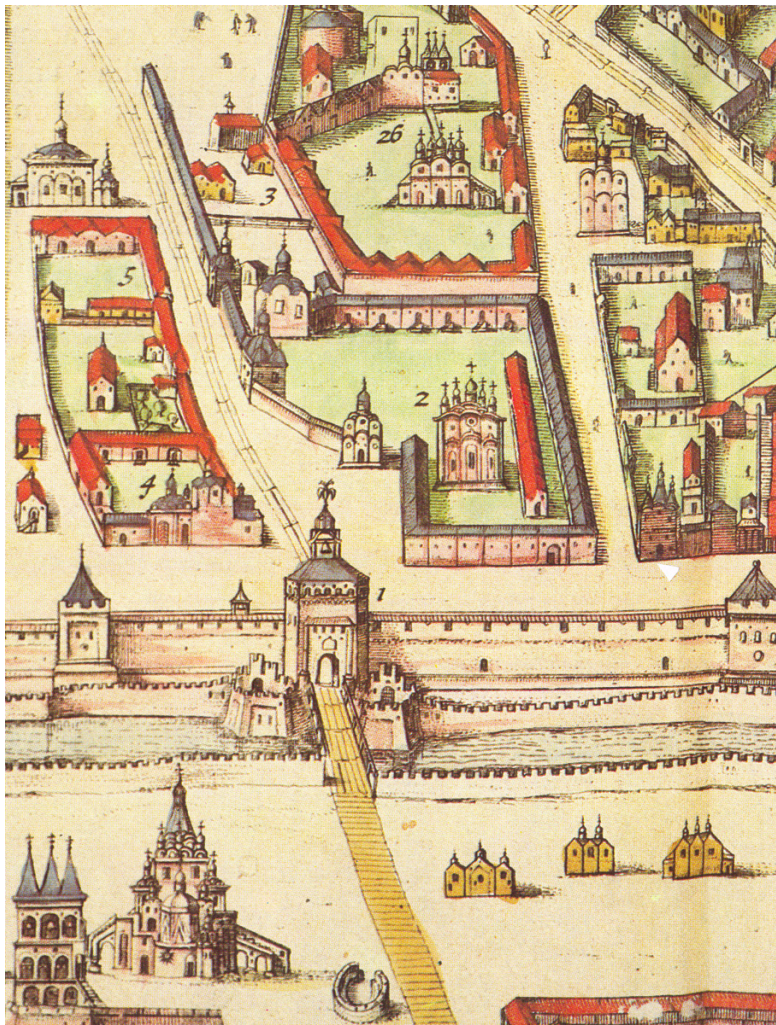

Рис. 1. Чудов монастырь (№ 26) на плане «Кремленаград» первых лет XVII в.

(известен как боярин Андрей Серкиз). Источники того времени демонстрируют еще неустоявшееся название объекта: Серкиз — Черкиз. Поражает устойчивость топонима, дожившего на карте Москвы до нашего времени.

Из кремлевских владений в духовной митрополита Алексея, кроме любимой им Чудовской обители, отмечен участок на Подоле — приречной территории Боровицкого холма: «А садец мой

Рис. 2. Церковь Константина и Елены на Подоле Кремля. 1816 г.
По мотивам оригинала Жерара Делабарта 1790-х годов.

Подолней святому Михаилу Чюду»³. Точных данных о месте размещения этого сада в письменных источниках нет. Сегодня можно утверждать, опираясь на археологические данные о времени заселения Подола в целом и его восточной части, что этот сад был заложен митрополитом Алексеем после 1368 г. Тогда завершилось строительство белокаменной крепости Москвы, и приречная часть холма была впервые защищена каменными стенами от разливов Москвы-реки. Как показали материалы раскопок 2007 г. в Кремле, она стала активно заселяться; некоторые участки холма были освоены несколько раньше. И одним из древних (из хорошо известных) объектов исторической топографии кремлевского Подола был храм Константина и Елены (рис. 2). Впервые он упоминается в русских летописях в описании московского пожара 1470 г.: «...месяца августа в 1 день... загореся Москва внутри города на подоле, близ Константина и Елены...»⁴. К востоку и западу от храма, который первоначально был деревянным, археологическими исследованиями следы сада выявлены не были. К тому же сложный рельеф к западу от церкви Константина и Елены не позволил бы разбить

здесь сад. Застройка же здесь была достаточно плотной. Более свободный участок выявлен к югу от храма. Возможно, во времена митрополита Алексея сад занимал как раз территорию, на которой в XV в. встал храм Константина и Елены, тогда же стало формироваться кладбище к западу и к югу от него.

Казалось, что эту версию удастся подкрепить интересной находкой, подтверждающей данные духовной грамоты митрополита Алексея о его владении в этой части крепости Москвы. В Государственном историческом музее (зал 13, витрина 13) много лет экспонировалась свинцовая печать митрополита Алексея, найденная в XIX в. возле церкви Константина и Елены. Этикетка с этими сведениями, казалось бы, косвенно подтверждала факт обладания митрополитом участка в восточной части Подола. Но когда в руки автора статьи попали фотографии заинтересовавшей его печати, оказалось, что это печать новоторжского наместника второй половины XIV в., о чем говорила надпись на аверсе. На другой стороне печати размещалось изображение святого Алексея в рост. Так выяснилось, что печать не имела отношения к митрополиту Алексею. Она происходит из клада грамот XIV столетия, найденного в 1843 г. в кувшине, зарытом недалеко от церкви Константина и Елены; в этикетку музея была внесена поправка. Серебряная позолоченная печать самого митрополита Алексея хранится в РГАДА; она сопровождала первую духовную грамоту московского князя Дмитрия Ивановича (Донского). Изображение печати этого церковного иерарха неоднократно публиковали в Собрании грамот и договоров⁵ и в исторической литературе⁶.

Историк И.Е. Забелин высказывал предположение о том, что со временем на месте сада митрополита Алексея в результате обмена владениями разместилось подворье подмосковного (в период Средневековья) Николо-Угрешского монастыря⁷. Но это подворье находилось западнее церкви Константина и Елены, рядом с храмом митрополита Петра. Так как своего храма на данном подворье не было, именно церковь Петра использовали насельники Николо-Угрешского подворья для отправления церковных служб. К тому же, западнее церкви Константина и Елены при археологических исследованиях 2007 г. был выявлен участок города с активной застройкой XIV—XVI вв. и достаточно сложным рельефом. Это заставляет обратить внимание на район к югу от церкви Констан-

тина и Елены, слабо застроенный и более благоприятный в гидрогеологическом отношении (сухой) для разведения сада.

Анализ письменных источников свидетельствует об особом отношении митрополита Алексея к своему детищу — монастырю во имя Чуда архистратига Михаила «иже в Хонех», или Чудову монастырю. Эта обитель в период Средневековья относилась к крупнейшим, наряду с Андрониковым и Симоновым, в Москве. Время основания — 1365 г. — и история Чудова монастыря столь часто рассматривались в историографии, что это освобождает от необходимости обращаться к данной теме. Следует отметить, что для середины — второй половины XIV столетия в письменных источниках нет данных о месте и составе митрополичьего двора в Кремле — они зафиксированы только в описаниях событий XV в. Вполне возможно, что Чудов монастырь стал местом пребывания митрополита Алексея — видимо, этим объясняется его желание упокоиться в стенах этой обители. Так оно и произошло, хотя наказ этого церковного иерарха не был выполнен так, как он просил.

Судьба захоронения митрополита Алексея, высказавшего просьбу после смерти упокоить его в стенах Чудовской обители, подробно в российской историографии не представлена. В летописных сводах сохранились сведения о том, что воля митрополита Алексея была известна московскому князю Дмитрию Ивановичу: «...призывает сына своего великого князя Дмитрия Ивановича и дает ему мир и благословение... и заповеда ему не положити себе в церкви, но вне церкви за олтарем назнамена место, и тако в руце богови дух свой предаст месяца февраля 12 (1378 г. — Т.П.). Бысть же всех лет от рожения его до преставления 80 и 5»⁸. Хронист отметил «смирение» митрополита, пожелавшего упокоиться вне монастырского храма. Но великий князь Дмитрий «повеле положити его в созданной им церкви, близ святого олтаря, на десной стране в храме Благовещения святыа Богородица»⁹.

Итак, митрополит Алексей был похоронен в храме Чуда архистратига Михаила, в его Благовещенском приделе (рис. 3). Судя по записи хрониста («обретоша в земле»), первоначально митрополит Алексей был погребён под полом. Когда же в 1437 г. храм разрушился, во вновь отстроенном здании останки святителя разместили в аркосолии южной стены диаконника. Известно, что и после перестройки этого храма в XV в., и позднее сохранялась

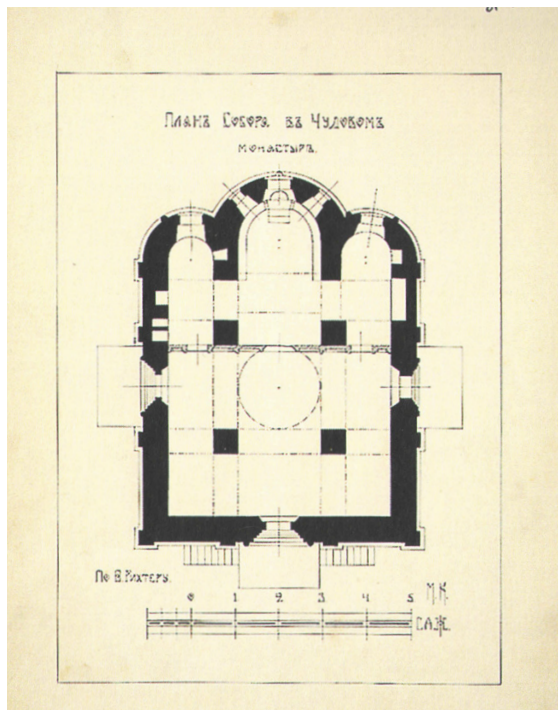

Рис. 3. План храма Чуда архистратига Михаила «иже в Хонех». 1900-е годы.
Аркусолий в диаконнике — место первоначального захоронения митрополита Алексея

аркосольная ниша — в память о находившемся в нём первоначально захоронении митрополита Алексея.

Захоронение в аркусолии предполагает размещение гроба в интерьере, оно, чаще всего, было видно и доступно для почитания¹⁰. Летописец отметил, что останки «в раце» поставили в приделе: «Новую же церковь святаго архаггела Михаила всяческими лепотами исполнивша... в ню же внесоша и чудесные мощи святаго Алексея в раце... и поставиша ту же в приделе... Благовещения... идеже всем, иже с верою приходящим исцеления подаваху... многажды»¹¹. Именно доступность останков привела к чудесным явлениям у гроба митрополита Алексея, неоднократно отмеченным в летописных сводах¹².

В 1448 г. при митрополите Ионе митрополит Алексей был прославлен как святой. Видимо, в связи с этим была написана краткая редакция его Жития. В «Московской повести о походе Ивана III

на Новгород», составленной во второй половине XV в., отмечено, что перед походом 1471 г. великий князь Иван Васильевич «приходит в монастырь архангела Михаила...и, войдя в церковь его, молебны совершает... И снова входит в той же церкви в придел Благовещения Богородицы, где стоял исцеляющий гроб святого отца нашего Алексея митрополита, русского чудотворца, и там так же помолился со многими слезами»¹³.

Почитание этого видного деятеля русской церкви стало причиной появления в Чудовом монастыре храма, посвященного святителю Алексею; с 1483 г. гроб с останками митрополита находился уже в нем. Позже к Алексеевскому храму была пристроена церковь Благовещения; храмы размещались вплотную друг к другу и соединялись открытым арочным проемом (рис. 4).

В XVI в. дважды для останков митрополита Алексея соорудили раки. Впервые это сделали в 1534/1535 гг. при великой княгине Елене Глинской и митрополите Данииле: «Тое же зимы февраля в 11 день, в четверг первые недели поста, князь великий Иван Васильевич всеа Руси и его мати, великая кнегини Елена, с отцем своим Даниилом митрополитом всеа Руси и с епискупы, и пев молебная и молиша чудотворца Алексея с великими слезами, аще бы ему угодно было переложити его в новую раку. Отец же их Даниил митрополит сам с епискупы, и со архимандриты и игумены честно преложиша из старые раки в сребреную раку в новую, а сам князь великий и его мати, великая кнегини, и з бояры, тут стояли, и молебная совершающе, и великими слезами моляше святого»¹⁴.

В середине — второй половине XVI в. Кремль и его постройки не раз страдали от серьезных пожаров. Видимо, этими обстоятельствами и объясняется обновление драгоценного вместилища для останков митрополита Алексея. Вторично оно было проведено в 1597 г.: «В лето 7105-го... царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси повеле сковати раку сребрену в Чюдов монастырь великому чудотворцу Алексею, митрополиту всеа Руси»¹⁵.

Захоронение митрополита Алексея упоминается в записках иноземцев XVII в. Так, Павел Алеппский в середине XVII столетия записал свои впечатления о Чудовом монастыре: «Чудов монастырь над гробом святого Алексия имеет два купола: один большой — над его гробом, другой малый — над алтарем»¹⁶.

Сведений в письменных источниках об оформлении раки митрополита Алексея в XVI—XVII вв. и наличии предметов рядом

Рис. 4. Ф.Я. Алексеев. Ивановская площадь в Кремле и вид на Чудов монастырь (справа — храм Благовещения). 1810-е годы // ОРПГФ МЗ МК. Негатив № 7089

с нею нет. Единственный атрибут иерарха, о котором есть данные последней четверти XVII в., — это посох. Он и позднее находился рядом с ракой митрополита Алексея. К посоху были прикреплены серебряные пластины с надписями: «Смиренный Алексей митрополит всея России» и на яблоке, под возглавием: «Лета 7186 (1678) поновлен бысть сей жезл Иоакимом патриархом московским и всея России». Видимо, поновление посоха было связано с перестройкой храмов Чудова монастыря (Алексеевской и Благовещенской церквей) в 1679—1686 гг.¹⁷

Нашествие Наполеона привело к разрушению и поруганию многих храмов и древностей Москвы. В Чудовом монастыре в 1812 г. размещался маршал Даву со своим штабом. В этот период пострадал архив консистории, хранившийся в обители — дела его были выброшены в Алевизов ров на Красной площади¹⁸. После бегства французов осмотр храмов выявил отсутствие на месте мощей митрополита Алексея. Но вскоре их обнаружили в Благовещенской церкви недалеко от раки, заваленными разными вещами. Естественно, что после изгнания французов из России в Кремле были проведены ре-

монтные и восстановительные работы, в том числе и в Чудовом монастыре. Как было оформлено захоронение митрополита Алексея в XIX в., дает представление изображение интерьера храма свяителя Алексея с видом на его раку (рис. 5). На картине неизвестного художника первой половины XIX столетия показано захоронение митрополита Алексея под пышным балдахином, в окружении лампад и икон, огороженное решеткой. Справа от раки установлен посох святителя, слева от нее, в специальной витрине, помещены его знаменитые саккос и епитрахиль, сохранившиеся до наших дней.

Рис. 5. Неизвестный художник. Рака митрополита Алексея в Чудовом монастыре. Середина XIX в. Из собрания музеев Кремля

Как же складывалась судьба останков митрополита Алексея в XX столетии? В архивах сохранились документы, позволяющие проследить историю Чудова монастыря и его древностей в советское время. В 1919 г. сотрудниками Оружейной палаты был составлен доклад о приемке малой ризницы этой обители. Его авторы — Н.П. Шабельская, Т.Н. Александрова-Дольник и эксперт В.К. Клейн¹⁹. Среди предметов ризницы обращает на себя внимание «покров на гроб святителя, сплошь шитый золотом и серебром, богато обнизан крупным, средним и мелким кафимским жемчугом»²⁰. Приведем текст вкладной надписи на нем, так как она свидетельствует об изготовлении покрыва в 1651 г.: «...Повелением благоверного и христоролюбиваго Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси и его благоверные и христоролюбивые великие Государыни царицы и великие княгини Марьи сделан сей покров в пречистую обитель Архистратига Михаила нарицаемую что великого святителя и чудотворца Алексия митрополита Московского и всея Руси на покровение его чудотворных мощей в осьмой тысяще в 159 лето ноября в третий день»²¹.

В 1922 г. было проведено изъятие ценностей Чудова монастыря, в том числе и из погребения митрополита Алексея. Сохранился акт от 29 марта 1922 г., в котором записано: «...было приступлено к изъятию ценностей, находящихся на раке св. Алексея митрополита Московского, в Чудовом монастыре, в церкви имени называемого святого. При чем взято было: верхняя крышка серебряная и серебряная обнизка по стенкам раки. Внутренности раки, гроба не касались и оставили в том виде, как оно было до изъятия ценностей. Рака была запечатана Замоскворецкого района, всеми подписавшимися»²². Сохранился документ, зафиксировавший состояние захоронения митрополита Алексея на 1923 г. — тогда проводили проверку описи имущества монастыря, составленной в 1918 г. В описи храма Алексея митрополита рака святителя зафиксирована под № 7: «Рака святителя Алексея с балдахинном. Начала 19 века. Медная, бока серебряные. В арке между церквями Благовещения и Алексея митрополита. Стенки изъяты комиссией Помгола от 30 марта 1922 г.». Под № 9 записан балдахин над ракой, на колонках, также начала XIX в. Он выполнен из мрамора и меди. Вокруг раки отмечено значительное число икон и лампады»²³.

Примерно такие же сведения приведены в «Описи предметов по Чудову монастырю» 1924 г.²⁴ При передаче церковью, собо-

ров и монастырей Управлению Кремля в 1927 г. по описи в церкви Алексея митрополита Чудова монастыря рака митрополита отмечена просто как «закрытый ящик (гроб)» под № 11²⁵.

История собора Чуда архистратига Михаила завершилась в ночь на 17 декабря 1929 г., когда он был взорван²⁶. Тогда же начались активные работы по разборке других монастырских построек Чудовской обители. Гроб с останками митрополита Алексея предварительно был перенесен в Успенский собор Кремля, где и находился довольно продолжительное время.

Великая Отечественная война привела к некоторым изменениям в отношениях советской власти к русской церкви. Это отразилось и на судьбе останков митрополита Алексея. В 1947 г. в ответ на запрос Московской патриархии было принято решение об их передаче церкви: «Совет по делам русской православной церкви при Совете министров СССР. 16 июня 1947 г. Коменданту Московского Кремля тов. Спиридонову. Совет по делам русской православной церкви при Совете министров СССР просит Вас дать указание о выдаче представителям Московской патриархии „мощей“ митрополита московского Алексия, хранящихся в Успенском соборе Кремля, куда они были перевезены из Чудова монастыря. Передача „мощей“ санкционирована распоряжением Совета министров СССР от 9 июня с. г. за № 6995-рс, подписанным Председателем Совета министров СССР. Председатель Совета по делам русской православной церкви Карпов»²⁷.

Передача останков митрополита Алексея Московской патриархии состоялась позже, в октябре 1947 г., о чем свидетельствует хранящийся в архиве акт, «составленный 14 октября 1947 г. зам. начальника отдела сохранения исторических ценностей и памятников Московского Кремля Михайловым Д.И. и старшим научным сотрудником Гордеевым Н.В. с одной стороны, представителями Московской патриархии протопресвитера Колчицкого Н.Ф. и Совета по делам русской православной церкви при Совете министров СССР ... с другой в том, что на основании письма Совета по делам русской православной церкви за № 328/с от 16 июня с. г., первые сдали, вторые приняли „мощи“ митрополита Алексея, которые хранились в Успенском соборе Кремля»²⁸.

По воспоминаниям Н.Н. Захарова, сотрудника, а затем директора музеев Кремля в советские годы, в 1947 г. он нашел деревянный гроб с останками митрополита Алексея в Успенском соборе

в довольно плачевном состоянии. Это касалось в основном вместилища (гроба), пострадавшего от времени и переноса из Чудова монастыря в 1929 г. К тому же Успенский собор в 1940-х годах служил складом для хранения музейного имущества — старой мебели, хозяйственного инвентаря и т. п. Н.Н. Захаров организовал ремонт гроба, вызвав для этого столяра из Арсенала Кремля. Увозили мощи митрополита Алексея из Кремля ночью. Правда, вспоминая об этом событии через три десятка лет, Н.Н. Захаров говорил, что все это происходило в 1948 г. Документы свидетельствуют о другом: останки митрополита Алексея покинули Кремль 14 октября 1947 г. С тех пор они находятся в Елоховской церкви в Москве.

Таким образом, практически вся долгая жизнь митрополита Алексея была связана с Москвой и ее центром — крепостью. Здесь он родился, был крещен при участии юного княжича Ивана Даниловича (будущего Ивана I Калиты), учился и стал постриженником Богоявленского монастыря, достигнув, с годами, митрополичьей кафедры. Среди владений потомков Федора Бяконта и его жены Марии на территории Боровицкого холма был и упомянутый в духовной грамоте «садец Подолней». В стенах основанного святителем Алексеем Чудова монастыря в течение 565 лет покоились и его останки.

¹ АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 499. С. 388.

² Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Кн. II. Т.V. Гл. IV. Примеч. Стб. 168. № 397. Этот документ был обнаружен в XVIII в. митрополитом Платоном.

³ АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 28. С. 50.

⁴ Московский летописный свод // РЛ. Рязань, 2000. Т. 8. С. 266.

⁵ СГД. М., 1813. Ч. 1. С. 51.

⁶ Назаревский В.В. Из истории Москвы. М., 1914. С. 37.

⁷ Забелин И.Е. История города Москвы. М., 1990. С. 621.

⁸ Московский летописный свод. С. 266.

⁹ Там же.

¹⁰ Панова Т.Д. Царство смерти: Погребальный обряд средневековой Руси XI—XVI веков. М., 2004. С. 100—106.

¹¹ Степенная книга царского родословия. М., 2008. Т. II. С. 34; Ермолинская летопись // РЛ. Рязань, 2000. Т. 7. С. 208.

¹² Степенная книга... 2008. С. 35—36.

¹³ Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М., 1982. С. 6.

¹⁴ Пискаревский летописец // Материалы по истории СССР. М., 1955. Вып. II. С. 29.

- 15 Соловецкий летописец второй половины XVI в. Цит. по: *Тихомиров М.Н.* Малоизвестные летописные памятники // ИА. М., 1951. Т. VII. С. 237.
- 16 Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. М., 2005. С. 299, 343.
- 17 Путеводитель к древностям и достопамяностям Московским. М., 2009. С. 155.
- 18 *Розанов Н.* История московского епархиального управления (1721—1821 гг.). М., 1871. Ч. 3. Кн. II. С. 25.
- 19 ОРПГФ МЗ МК. Ф. 20. Д. 15. 1919 г. Л. 53.
- 20 Там же.
- 21 Там же. Л. 53 об.
- 22 Там же. Д. 34. Л. 6.
- 23 Материалы комиссии по проверке описей 1918 г. храмов, церквей и монастырей Московского Кремля // ОРПГФ МЗ МК. Ф. 20. Д. 41. 1924 г. Л. 2—3.
- 24 Опись предметов по Чудову монастырю // ОРПГФ МЗ МК. Ф. 20. Д. 41. 1924 г. Л. 177—178.
- 25 Описи инвентаря ... церквей, соборов и монастырей, переданных Управлению Кремля // ОРПГФ МЗ МК. Ф. 20. Д. 23. 1927 г. Л. 14.
- 26 Там же. Д. 9. 1929 г. Л. 59.
- 27 Акты на выдачу музейных предметов // ОРПГФ МЗ МК. Ф. 20. Д. 3. 1947. Л. 100.
- 28 Там же. Л. 101.

История исследования и реставрации Никитской церкви (1566–1567) села Елизарова

Никитская церковь села Елизарова относится к редкому типу объектов культурного наследия, вместившему все оттенки понятия «памятник» как в светском, так и в церковном смысле. К достоинствам этого объекта можно отнести архитектурные особенности шатровой архитектуры XVI в., сохранившуюся храмозданную надпись и прямое указание в дарственной грамоте на мемориальный характер церкви. Реставрация Елизаровской церкви Великомученика Никиты в настоящее время завершена, однако ее итоги вызывают вопросы у специалистов. Целью публикации является обзор истории исследований и реставрации памятника архитектуры грозненского времени на основе материалов научного архива Департамента охраны культурного наследия ЯО, Музея архитектуры им. Щусева, ГАВО, РсФ ГАЯО, Переславского музея-заповедника.

Началом исследований Никитской церкви можно считать публикацию К.Н. Тихонравовым хранившейся в церковной ризнице дарственной грамоты, которую он датировал 1573 г¹. В дарственной боярина А.Д. Басманова церкви села Елизарова на пустошь Вишку «на престол к Великому Христову мученику Никите и преподобному Отцу Онуфрию в Елизарове селе» был расписан порядок поминания церковным причтом за этот вклад². Род Басмановых и его «людцы», «которые на Государских службах под Казанью при мне, при Алексее, побиты, а имена их написаны в большой церкви над жертвенником», должны были повседневно поминаться в обеднях в Никитской церкви, а по субботам обедни должны были служить в приделе преподобного Онуфрия. В примечании к публикации сообщалось, что «от бывшего в давнее время пожара имена, написанные над жертвенником, потемнели до того, что нет никакой возможности их разобрать».

Составитель «Описания церквей и приходов Владимирской губернии» В.Г. Добронравов уточнил, что в архиве Елизаровской церкви хранится копия с дарственной записи Басманова. В описании Елизаровского прихода Второго Благочиннического округа Переславского уезда о церкви в честь вмч. Никиты сообщалось: «К сожалению, многочисленные перестройки, бывшие в течение многолетнего ее существования, значительно изменили первоначальную архитектуру церкви; только шатровый верх, сходный с верхом церкви Св. Петра Митрополита в Переславле, свидетельствует о ее древности. С северной и южной стороны пристроены уже в нынешнем столетии греческие фронтоны, с западной обширная теплая трапеза, а в связи с нею каменная колокольня; алтарь холодной церкви остался древний с тремя полукруглыми выступами»³.

Искусствовед ЯСНПРМ Т.Е. Казакевич в «Исторической справке», составленной в 1983 г., дала подробный перечень хранящихся в различных архивах документов по Елизаровской церкви⁴. На основе этих источников она установила, что в 1822 г. к Никитской церкви была пристроена теплая трапезная и освящен придел святителя Николая, а каменная колокольня построена между 1822 и 1829 гг.⁵ Т.Е. Казакевич заметила, что колокольня Елизаровской церкви по очертаниям напоминает многочисленные колокольни во Владимирской и Ярославской епархиях, построенные костромскими подрядчиками Воротиловыми.

Пристройка трапезной сопровождалась переделками в старинной Никитской церкви: были растесаны «для лучшей светности» окна, заложена северная дверь и тесовая кровля заменена железной. В 1830 г. был устроен второй придел в трапезной, посвященный прп. Сергию Радонежскому. Теплая трапезная поновлялась и благоустраивалась, а холодная Никитская церковь постепенно приходила в упадок.

В 1879 г. в холодной Никитской церкви появились протечки в шатре. Несмотря на устроенный там плоский деревянный потолок, вода попадала внутрь храма. Из протокола Благочиннического совета 12 октября 1879 г.: «Эта церковь по давности времени устройства своего пришла в ветхость, в куполе ее в алтаре и в самой церкви трещины, которые видны и снаружи церкви с трех сторон ее, во время больших дождей, по показанию старосты, вода проходит внутрь церкви и оказывается на полу в значительном ко-

личестве. ...колонные из кирпича столбы под фронтоном снаружи церкви обваливаются, требуют переустройства»⁶.

Последовало обращение в Императорское Археологическое общество в 1885 г. о сломке и переделке холодной церкви. Сохранить Никитскую церковь помогло вмешательство Владимирского епархиального архитектора Н.А. Артлебена, предложившего причту отремонтировать древний храм, а рядом построить новую летнюю церковь Святой Троицы.

По окончании ремонта Никитской церкви священником Николаем Парийским в сентябре 1887 г. была составлена «Метрика» в виде ответов на вопросы «для получения верных сведений»⁷. Приведем выдержки из описания Никитской церкви⁸: «Церковь построена квадратная, столпообразная, одноэтажная в виде башни, осьмоугольная... Алтарь церкви с тремя полукружиями, в северной части алтарь и жертвенник во имя Святого великомученика Никиты, а в южной, через капитальную стену, во имя Онуфрия Великого, без граней. Церковь в высоту до фонаря и конуса 5 сажен 2 аршина, в ширину и длину 6 сажен. Фонарь 3 сажени, конус 4 сажени, под главой шея 4,5 аршина вышины... Стены выложены кирпичем, середина насыпана мусором и залита известковым раствором. Кирпич большой, обожженный. Стены сохранились в своем первобытном виде, но окна пробиты, из узких сделаны большие. В стенах боковые двери; на север дверь заложена снизу и сделано окно. Связи в стенах деревянные, местами обгоревшие.

Наружные стены гладкие с четырьмя по сторонам полустолбами, выделанные из кирпича на угол в два уступа, над полустолбами дуги из закругленного кирпича, пояс тройной.

На алтарных выпуклостях ниже крыши карниз с двумя выступами, а ниже карниза на аршин пояс, состоящий из трех валиков. Восьмигранный фонарь над конусом имеет карниз с семи выступами, среди выступов четырехугольники, а в них в виде окон впадины.

Над карнизом фонаря, покрытом железом, возвышается осьмигранный конус с выступами на углах, а между ними острые вверх треугольники. Конус завершается карнизом, крыт железом.

Прежняя кровля была деревянная, главы тоже крыты деревом в чешуйку. В настоящее время кровля на церкви железная. Над алтарными полукружиями крыша сделана овалами и крашена медянкой. В прежнее время были подзоры резные, а при поправке крыши подзоры уничтожены.

Фонарь на малых сводах глухой, изнутри сквозной. Снизу фонаря над церковной стеной дуги с выступами, крыты железом, выше дуг четырехугольники, а в них, как сказано выше, вид окон. Над карнизом фонарь, конус вышиной сажени четыре; над карнизом конуса шея осьмигранная, на углах вид столбиков, с поясным валиком и с карнизом, крытым железом, а на крыше главы сделаны из листового железа.

На церкви главы из кровельного железа нового шарового вида, сделаны в 1882 году после бури, снесшей и разбившей прежнюю главу на приделе преподобного Онуфрия. На одном южном алтарном полукружии шея каменная, а на шее большая в виде репы глава из кровельного железа, окрашена медянкой.

Крест на церкви железный, осмиконечный с тупыми оконечностями, без завитков. На алтарном полукружии крест железный с завитками, внизу его полулуние.

Окна в прошлое время были узкие, продолговатые над цоколем, украшенные полуколонками с перевязью. Но в последнее время по распоряжению бывшего высокопреосвященного Парфения пробиты, сделаны широкие и над ними малые круглые. Настоящие окна с отливами внутрь. В двух полукружиях, занимаемых престолом и жертвенником, 2 окна и в третьем полукружии, в приделе преподобного Онуфрия Великого одно окно; в стене южной и Пр. Онуфрия сделана вентиляция — пробито отверстие сверху вниз. Решетки в окнах железные, в огибах связаны кольцами.

Южная дверь деревянная филенчатая, полусветлая, в два створа, и там же дверь железная решетчатая. Северная дверь снизу заложена и сделано окошко, а западная служит аркой из приделанной после трапезной церкви... На южной стороне близ алтарного полукружия малая дверь с валиками. Эта дверь ведет в малую церковь преподобного Онуфрия Великого.

Паперти нет, вместо нее устроена трапезная церковь.

Церковь внутри устроена в виде квадратной палаты, алтарь от храма отделяется каменной стеною с тремя пролетами: в двух пролетах двери царские и северные, а за третьим пролетом придел Онуфрия Великого, в малом виде. Придел отделен от алтаря великомученика Никиты капитальной каменной стеной.

Сводов внутри глухих не устроено: фонарь сквозной до самой главы. Верхние ярусы ниже карнизов опираются на стенных столбах, между которыми устроены окна. Выше карниза в стенах есть

углубления с горшками для резонанса. Выше второго яруса впоследствии сделан деревянный потолок и оштукатурен.

Пол прежний кирпичный заменен мозаическим, одинаковым как в алтаре, так в храме и притворах.

Помост в алтаре возвышен в одну ступень. Пол как в алтаре, так и в храме поднят, в приделе преподобного Онуфрия оставлен в прежнем виде, так что нужно в южные иконостасные двери спускаться на три ступени в алтарь преподобного Онуфрия.

В приделе преподобного Онуфрия иконостас оставлен древний. Царские двери в два створа, дощатые глухие ...иконостас и иконы древнего византийского письма. В приделе преподобного Онуфрия образ Спасителя и Преподобного Онуфрия на правой стороне от царских врат. Эти три иконы и составляют весь иконостас. Южной двери нет. А северная, как видно, снята и уничтожена.

Стены церковные окрашены в простенках в виде колонных столбов синей краской. Карниз лепной.

В алтаре была надпись, как сказано в завещании боярина Алексея Даниловича Басманова... Вся надпись и прочее впоследствии закрашены».

К «Метрике» прилагались рисунки портала двери в придел на южном фасаде и северного фасада Никитской церкви, выполненные священником Н. Парийским⁹. Фотографирование Никитской церкви села Елизарова в 1885 г. выполнил И.Ф. Барщевский¹⁰. Снимок сделан с востока, но стеклянный негатив позволяет видеть, что на южном и северном фасадах нет никаких пристроенных греческих фронтонов, о которых пишет Н.А. Добронравов (рис. 1). В его распоряжении были архивные дела Владимирской духовной консистории, в которых Благочиннический совет в 1879 г. описал пилястры с аркатурой как «колонны под фронтоном». Суждение Н. Парийского в «Метрике» об украшении прежних окон колонками с перевязью, видимо, было основано на предполагаемой аналогии наличников окон с порталом двери в придел прп. Онуфрия.

Известия о плачевном состоянии Никитской церкви села Елизарова от священника Загорского поступили в Императорскую Археологическую Комиссию в 1903 г., в связи с чем было заведено дело № 169. В небольшом извлечении из этого дела, опубликованном в 1908 г., ситуация была изложена следующим образом: «Древнее устройство значительно потерпело от ремонта; так,

Рис. 1. Вид Никитской церкви с восточной стороны. Фото И.Ф. Барцевского. 1885 г.

напр., уничтожены колонны, видоизменены окна, в куполе надпись с именами каких-то воинов, с завещанием поминать их, заштукатурена»¹¹. ИАК запросила фотографии памятника, и дело более не возобновлялось. Вероятно, именно в начале XX в. шатер и фасады Никитской церкви были покрыты цементной штукатуркой, казавшейся верным средством для защиты кирпича.

Интересно, что публикация в ИИАК сведений о «заштукатуренной надписи с именами каких-то воинов» считалась более достоверной, чем дарственная грамота, опубликованная Тихонравовым. Н.Н. Воронин в 1948 г. сообщает, что надпись с именами павших и завещанием поминать их расположена по низу шатра, а Никитская церковь была построена вскоре после похода на Казань, «возможно, одновременно с постройкой храма Василия Блаженного в Москве»¹². Директор Переславского музея К.И. Иванов в 1959 г. пишет: «Это — ярко выраженный триумфальный памятник, призванный воспеть языком архитектурных форм победу русского оружия под Казанью. Еще в начале столетия основание открытого изнутри шатра опоясывала надпись, в которой перечислялись имена убитых и наиболее отличившихся под Казанью воинов переславской дружины»¹³.

Как заметила Т.Е. Казакевич, ни в церковных описях, ни в «Метрике», ни в «Описании» Добронравова датировки церкви нет, поскольку храмовданная надпись была закрашена еще в XVIII в. Исследователи древней русской архитектуры предположительно датировали Никитскую церковь серединой XVI столетия, обращая внимание на упоминание Басмановым в дарственной погибших в Казани.

После национализации в 1919 г. Елизаровская церковь была в аренде общины верующих. Первым реставратором, обследовавшим Никитскую церковь, был старший научный сотрудник Московской секции Академии истории материальной культуры П.Д. Барановский, обмеривший памятник в 1920 г.¹⁴

С 1925 г. «Басмановская церковь» состояла под охраной Переславского художественно-исторического музея, в связи с чем музей получил указание из Главнауки Народного комиссариата просвещения (далее — НКП) не возобновлять цементную штукатурку шатра, а произвести лишь известковую обмазку кирпичной кладки¹⁵.

По рекомендации директора Переславского музея М.И. Смирнова в 1928 г. отдел Главнауки НКП, ведавший охраной памятни-

ков, поставил на учет Елизаровскую церковь XVI в. как памятник высшей категории¹⁶.

В списке памятников архитектуры, присланном в музей из Областного отдела Народного образования Ивановской промышленной области в 1933 г.¹⁷, «Никитско-Басмановская церковь» села Елизарова датируется уже 1552 годом.

Никитская церковь была взята под охрану Постановлением Совета Министров РСФСР № 389 от 22 мая 1947 г., однако первая научная реставрация памятника началась почти через тридцать лет. Фотодокументы фиксации памятника 1948 г., выполненной М.Г. Каверзневым, хранятся в ГНИМА им. Щусева¹⁸.

Наиболее полно и достоверно проследить историю памятника в 1931–1994 гг. позволяют материалы научного архива ДООКН ЯО¹⁹. Исследованиями и реставрацией памятников архитектуры Ярославской области с 1951 г. занималась Ярославская научно-производственная реставрационная мастерская²⁰. В 1955 г. фасады Никитской церкви были сфотографированы и проведены схематические обмеры, затрудненные производственным использованием помещения и отсутствием лесов²¹.

Из акта осмотра Елизаровской Никитской церкви 23 января 1957 г., подписанного архитектором ЯСНПРМ Л. Россовым и техником В. Цыкиным: «В результате осмотра памятника установлено, что состояние его весьма неудовлетворительно. Здание сильно запущено. С 1931 года, когда церковь была закрыта и передана колхозу, никакого ремонта не производилось. В результате рухнула крыша паперти (1947 г.), значительно утрачена кровля, обрамляющая основной куб памятника в местах его перехода в восьмигранный шатер. Имеются значительные трещины на всех местах древней части церкви: в средней части алтаря наблюдается сквозная трещина, шириной снаружи до 5 см, идущая от фундамента по северной притолоке растесанного и позже частично заложеного окна вверх вплоть до карниза; та же самая трещина с внутренней стороны алтаря идет вверх по своду до замковой его части, ширина ее внизу 2 см, вверху доходит до 4 см. В северной стене основного куба имеется также сквозная трещина шириной до 1 см»²². Еще одна трещина была обнаружена у места примыкания алтаря к северной стене, ширина до 3 см. Трещины на восточной стене четверика, в верхних проемах шириной до 4 см. На основании осмотра комиссия сделала вывод об аварийном состоянии фундамента.

Вся наружная поверхность стен и шатер были оштукатурены цементным раствором. Часть раствора отпала, кирпич сильно выветрился. На верхней части шатра сохранилось старое проржавевшее железо.

Северо-западный и юго-западный углы четверика (их верхние части) сильно повреждены, часть карнизов обрушилась. Верхняя часть стены основного куба, которая была скрыта под двускатной кровлей паперти²³, сохранила изначальные профили лопаток. Размеры кирпича основного куба и алтаря 30 (30,5) × 9(8,5) × 15 см.

Все оконные проемы были лишены переплетов. Часть окон заколочена досками. Полы отсутствовали, в помещении навалено много мельничных отходов.

Древней фресковой живописи при осмотре не обнаружено, существующие росписи относятся к концу XIX века.

Обеспокоенный состоянием памятника директор Переславского музея К.И. Иванов совместно с архитектором Переславского реставрационного участка ЯСНПРМ Е.М. Караваевой 17 октября 1957 г. направили письмо министру культуры СССР, где говорилось: «Учитывая разрушения, причиняемые зданию динамической нагрузкой (пилорама и трактор), а также постоянную угрозу широко практикуемой в Рязанцевском районе разборке стен на кирпич, просим принять самые срочные меры для сохранения Никитской церкви XVI века в селе Елизарове и прежде всего взять ее на учет»²⁴.

Никитская церковь села Елизарово в третий раз была поставлена на учет как памятник архитектуры XVI в. постановлением Совета Министров РСФСР от 30.08.1960, № 1327.

Архитектор И.Б. Пуришев в «Описании технического состояния» Никитской церкви (октябрь 1966 г.)²⁵ отмечал, что памятник по-прежнему используется под склад запасных частей с/х машин (четверик) и мастерскую по их ремонту (трапезная). Состояние стен и фундамента не ухудшилось, но в верхней части четверика заметны сильные разрушения. Кровли на нем нет, кирпичная кладка повреждена всюду, в западной части обрушилась.

Восьмерик имел повреждения, железо на полукруглых кокошниках сохранилось лишь частично. Кладка шатра была существенно повреждена, особенно в нижней части. Полностью пропала кровля (стропила и железо) на полицах. Состояние барабана над шатром, маковицы главы и креста И.Б. Пуришев оценил как

относительно удовлетворительное, но ничего не написал о главе над приделом. Однако фотографии 1955–1957 гг. свидетельствуют, что уже тогда на ней не было креста, а маковица частично утратила железное покрытие. Следующая фиксация памятника, выполненная для Паспорта памятника в 1974 г., запечатлела полную утрату глав и крестов, частичное разрушение барабанов над храмом и приделом²⁶.

Реставрация Никитской церкви была внесена в план 1974 г. ЯСНРПМ²⁷, но началась только на следующий год. В 1975–1976 гг. были проведены исследования и противоаварийные работы в интерьере, раскрыт фрагмент храмозданной надписи XVI в. Работы были приостановлены в связи с подготовкой памятников по маршруту «Олимпиада-80»²⁸.

Вклад искусствоведа ЯСНРПМ Татьяны Евгеньевны Казакевич в исследование Никитской церкви следует отметить особо. В 1973 г. она составила первый паспорт памятника с кратким описанием истории и особенностей объекта, но после обнаружения фрагмента храмозданной надписи всерьез занялась архивными поисками. Составленная в 1983 г. историко-архивная справка²⁹, дополненная архивными выписками в 1988 г.³⁰, легла в основу ее статьи «О двух надписях в церкви села Елизарово»³¹. Храмозданная летопись Басмановых с датой постройки 1566–1567 гг. была впервые прочитана Т.Е. Казакевич в 1976 г., внесена в историческую справку 1983 г. и впервые полностью опубликована лишь в 2009 г., незадолго до смерти автора. К сожалению, в научных и популярных статьях других участников реставрации 1976 г. — архитектора И.Б. Пуришева и культуролога Л.Б. Сукиной — продолжалось отождествление надписи под шатром с утраченным списком павших³², а памятник датировался 1556 г.³³

В апреле 1976 г. над слоем масляной записи в верхней части четверика архитектор И.Б. Пуришев обнаружил начало «Басмановской летописи» (рис. 2). Под его руководством в апреле 1976 г. бригадой каменщиков Переславского участка Николаем Ивановичем Котовым с помощью домкрата были в короткий срок укреплены арки и доложены кирпичом полуразвалившиеся столбы восточной стены.

В мае 1976 г. реставраторами А. Васиным, А. Корниловым и К. Грибановым проведены расчистка, промывка и укрепление надписи шириной около 30 см, выполненной красивой вязью красной жженой охрой по тонкой штукатурной обмазке.

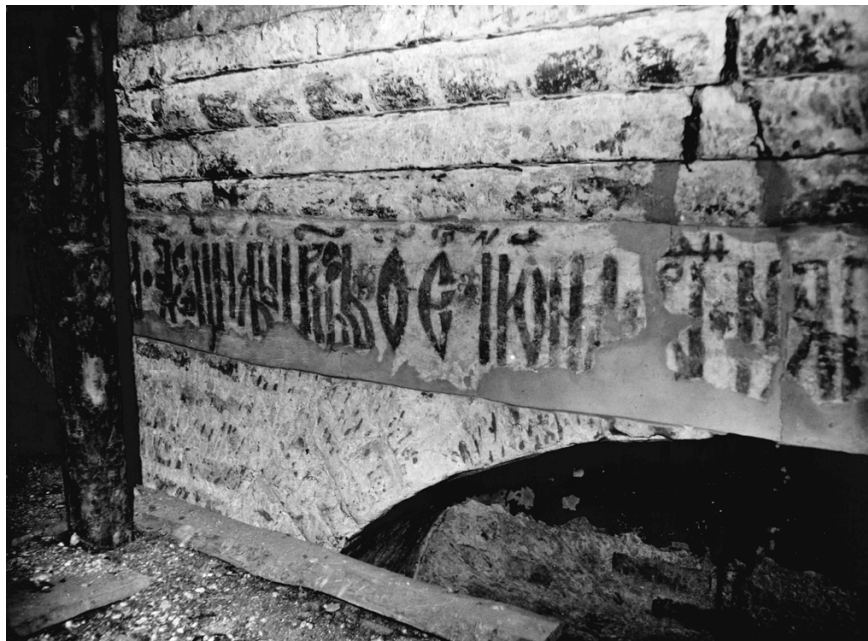

Рис. 2. Восточная стена четверика. Начало «Басмановской летописи». Фото Н.И. Котова. 1986 г.

Храмозданная летопись Басмановых приводится в прочтении искусствоведом Т.Е. Казакевич. На восточной стене: «ЛЕТА 7074 (1566) ПРИ ДЕРЖАВЕ БЛАГОЧЕСТИВОГО И ХРИСТОЛЮБИВОГО ГДРЯ И ЦРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА САМОДЕРЖЦА ВЕЛИКИЯ РОССИИ», далее на южной стене: «БОЖИЮ МИЛОСТИЮ И ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ ПОМОЩИЮ СЕ АЗЪ БОЛЯРИНЪ АЛЕКСЕЙ ДАНИЛОВИЧЪ БАСМАНОВ ПОСТАВИЛ СИЮ ЦЕРКОВЬ ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ХРИСТОВА НИКИТЫ И ПРИДЕЛ ПРЕПОДОБНАГО АНОФРИЯ В ПАМЕТЬ СВОИХ РОДИТЕЛЕЙ ПО СЕБЕ И ПО СВОИМ», далее на западной стене: «ДЕТЕМ И ДАДЕ Ж СЕ ИМЕНИЕ С ЦЕРКВОЙ ДА ДЕРЕВНЯМИ ВПРОКЪ ВЕЧНЫХ РАДИ БЛАГЪ ПО СВОИХЪ РОДИТЕЛЕХ И ПО СЕБЕ И ПО СВОИХ ДЕТЕХ И ПО ТЕХ ЛЮДЦЕХЪ, КОТОРЫХ ПРИ МНЕ ПОБИЛИ НА ГОСУДАРСКИХ СЛУЖБАХЪ», наконец, на северной стене: «А ГРЕХЪ РАДИ МОИХ НЕ БЛАГОВОЛИТ БОГЪ ДЕТЕМ МОИМ ОТЧИННОЮ ВЛАДЕТИ И ТА ДЕРЕВНЯ И ЦЕРКОВЬ ТА СВОБОДНА, НЕТ НИКОМУ ДО НЕЯ ДЕЛА ОКРОМЕ ЦЕРКВИ, А СОВЕРШЕНА БЫСТЬ ЦЕРКОВЬ 75 ГОДА (1567) ИЮНЯ 12 ДНЯ НА ПАМЕТЬ ПРЕПОДОБНАГО АНОФРЕЯ»³⁴.

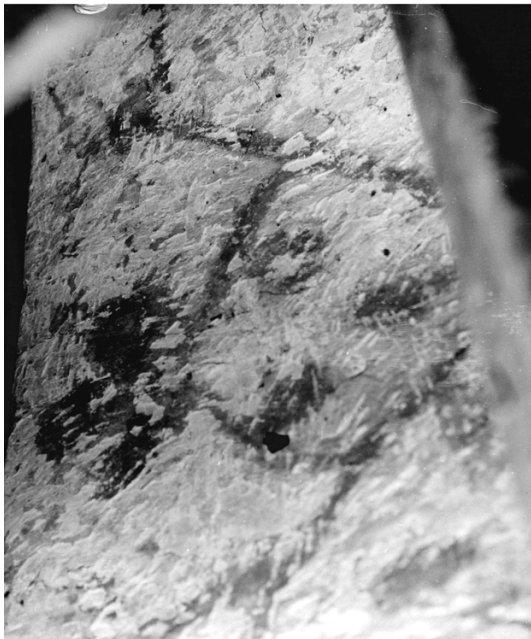

Рис. 3. Орнамент на грани шатра в интерьере. Фото Н.И. Котова. 1986 г.

Таким образом, была установлена точная дата строительства храма и содержание текста верху четверика, очевидно отличающегося от «синодика» на стене жертвенника, о котором упоминалось в дарственной Басманова.

На гранях шатра реставраторы обнаружили спиралевидный ячеистый охряной узор (рис. 3), а на тропках — трехцветный охряной орнамент XVI в. Остальное пространство в интерьере церкви, как видно, оставалось к моменту освящения под известковой побелкой.

Т.Е. Казакевич в качестве аналога приводит подобный живописный декор с отсутствием лицевых изображений на столпе Покровского собора в Москве. Она также отметила декоративные арки в восьмерике, в большинстве которых вмонтированы «голосниковые» глиняные сосуды.

Если для Н.Н. Воронина и М.А. Ильина аргументом в пользу связи мотивов Никитской церкви с Покровским собором был мемориальный характер (круг памятников «Казанского взятия») и особенности архитектуры фасадов — двойные гурты ребер шатра, «стрелы» на гранях, звездчатость основания главки³⁵, то на-

ходки в интерьере добавили аргументов в пользу знакомства басмановских зодчих со столичной архитектурой.

После значительного перерыва в работах 13 ноября 1982 г. выездной комиссией ЯСНРПМ был составлен акт³⁶, в котором отмечалось аварийное состояние памятника — полностью утрачены кровля и заполнение проемов, расширились трещины в стенах и сводах. Рекомендовалось составить смету на полный объем научно-исследовательских и реставрационных работ и в 1983 г. продолжить исследование грунта основания, провести архитектурно-археологические обмеры. На памятнике были установлены наружные и внутренние деревянные леса³⁷. Зондажи в капитальных стенах позволили найти каналы от брусьяных дубовых связей, о которых писал в «Метрике» Н. Парийский.

Реставраторы вновь вышли на объект летом 1989 г., когда были сделаны зондажи и начаты расчистки фасадов в переходе от четверика к восьмерику и шатру. В процессе расчистки были обнаружены фрагменты гораздо более сложной системы украшения восьмерика и шатра, которая была скрыта за штукатуркой и рядами поздней ремонтной кладки (рис. 4–6). Переход от шатра к бара-

Рис. 4. Основание ребра шатра (консоли и гурты) после снятия закладки между остатками кокошников. Фото В.А. Шабаршина. 1989 г.

Рис. 5. Общий вид кокошников перехода с четверика на восьмерик в процессе раскрытия.
Фото В.А. Шабаршина. 1989 г.

Рис. 6. Остатки кокошников над шатром. Фото В.А. Шабаршина. 1990 г.

бану был декорирован карнизом и ярусом малых округлых кокошников по граням барабана. Поверх карниза восьмерика в основании граней шатра найдены следы примыкания и фрагменты кладки килевидных кокошников, между которыми располагались консольные опоры сдвоенных гуртов ребер. Фасады восьмерика над лопатками четверика были декорированы двумя ярусами полукруглых кокошников на гранях, между которыми обнаружены малые округлые кокошники, закрывающие ребра. Общая композиция перехода от четверика к шатру выглядела, как трехъярусная горка округлых кокошников, напоминающих чешую. В интерьере обнаружены следы деревянного тяблового иконостаса Онуфриевского придела и первоначальный уровень пола, о котором писал в «Метрике» священник Парийский. Натурными исследованиями определены два типоразмера кирпича кладки: 1) 9(8,5)×15×30(30,5) см — четверик, восьмерик и алтарь; 2) 5×10×21(20) — шатер, карнизы и барабаны. Сравнение обмерных чертежей со сведениями из «Метрики» о размерах Никитской церкви показывает, что вертикальные размеры указаны близко к фактическим, а вот горизонтальные (6 сажений) явно отличаются — габарит ширины церкви в уровне пола меньше, а габарит длины с учетом алтаря больше указанного священником Парийским³⁸.

Обмерные чертежи и проект реставрации Никитской церкви в 1989–1995 гг. были выполнены авторским коллективом ТОО «Реставратор» под руководством главного архитектора И.Б. Пуришева: архитекторы О.Г. и А.И. Карнушины, В.Н. Ижиков, техник Е.К. Юрьева³⁹. Большой вклад в обнаружение и реставрацию подлинных архитектурных деталей XVI в. внесли каменщики под руководством бригадира Н.И. Котова. Инженерное обследование, расчеты и проект усиления стен внутренними железобетонными связями в каналах, оставшихся от первоначальных брусяных, выполнены инженером ЯСНПРМ В.В. Титовым в 1994–1995 гг.

Трудно сказать, почему сами реставраторы не ввели в научный оборот свои находки. Авторство первой публикации датировки Никитской церкви 1566–1567 гг. и описания подлинных особенностей памятника принадлежит научному сотруднику музея-заповедника Ростовский Кремль А.Г. Мельнику (совместно с А.Г. Набилкиным и В.Н. Хохловым)⁴⁰. Авторы самостоятельно предприняли архитектурно-археологическое обследование памятника в 1986 г., когда реставрационные работы были приостановлены.

новлены, но леса внутри и снаружи церкви оставались. Очевидно, поводом к этой экспедиции послужило знакомство А.Г. Мельника с исторической справкой, составленной Т.Е. Казакевич, которая тогда еще не была опубликована.

В краткой, но емкой статье⁴¹ авторы описали находки основания кирпичной алтарной преграды, формы архитектурного оформления барабана над приделом св. Онуфрия и особую камеру над сводом придела. Отмечая своеобразие тектоники Никитской церкви, авторы делают вывод о знакомстве басмановских зодчих с приемами готической архитектуры. Описана система наружной декорации восьмерика, состоящая из трех сужающихся кверху рисов разновеликих кокошников.

Никитская церковь с датировкой 1566–1567 гг. нашла свое место в монографии А.Л. Баталова, посвященной московскому каменному зодчеству конца XVI в.⁴² А.Л. Баталов отмечает Никитскую церковь как новый тип композиции шатрового храма, сложившийся в 1560-е годы под влиянием архитектуры центрального столпа собора Покрова на Рву. Архитектурные особенности фасада — завершение четверика кокошниками, декорированный двумя рядами больших и малых кокошников переход от четверика к восьмерику, ниши с полуциркульным завершением в интерьере на всю высоту четверика и машикули в основании восьмерика — отмечены автором как признаки связи памятника с образцом, центральной церковью собора Покрова на Рву.

В 1990–1997 гг. ТОО «Реставратор» выполнило воссоздание центральной главы и креста, реставрацию барабана, шатра и фасадов Никитской церкви с восстановлением первоначальной формы окон второго света северного и южного фасадов и алтаря. Верхняя часть церкви была покрыта известковой обмазкой, кокошники и выступы карнизов крыты медью. Стены укреплены горизонтальными железобетонными внутрстенными связями, столбы восточной стены усилены обоймами. Работы шли с перерывами, в 1997 г. обнаружили утраты медной кровли в количестве почти 19 кв.м⁴³. Доведя работы по фасадам до уровня верха лопаток четверика, реставраторы были вынуждены уйти с объекта из-за прекращения финансирования. Барабан, купол и крест на приделе св. Онуфрия и кровлю апсид восстановить не успели. Церковь осталась стоять в лесах и строительном мусоре у стен на долгие годы.

Следующий этап восстановления храма связан с деятельностью архимандрита Переславского Никитского монастыря Дмитрия (Храмцова). Под его руководством, без документации и уведомления органов охраны, в 2009–2015 гг. была закончена реставрация фасадов четверика, трапезной и колокольни. Церковь покрыта белой известковой обмазкой снаружи и внутри, за исключением ленты басмановской «летописи». Выполнена фальцованная кровля из оцинкованного железа, при этом остатки барабана над приделом Онуфрия Великого разобраны. Наружные стены очищены от завалов строительного мусора, возле южного входа в Никитскую церковь обнаружены ступени из белокаменных надгробий XVII в.⁴⁴ Точный состав работ, а также примененные материалы, неизвестны. Проведенные работы можно назвать ремонтом, но никак не реставрацией, поскольку облик церкви искажен: отсутствуют угловые пинакли над третьим ярусом колокольни, барабан, глава и крест над приделом Онуфрия Великого, глава над колокольной сделана шарообразной вместо потира со шпилем.

На современном этапе, когда церкви вернули общинам верующих, часто встает вопрос: что важнее — дом Божий или исторический памятник? Как показывает история «Басмановской церкви», в XVI — начале XX в. такого противоречия не возникало. Обзор истории исследований и реставрации Никитской церкви села Елизарово показывает необходимость своевременной публикации и введения в научный оборот их результатов. Отметим, что этот ценный памятник архитектуры до настоящего времени не имеет утвержденного предмета охраны и границ охранной зоны.

¹ Владимирский сборник: Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии / Сост. К. Тихонравов. М., 1857. С. 132; Дарственная запись боярина Алексея Даниловича Басманова // Владимирские губернские ведомости (часть неофициальная). 1855. № 48 (26 ноября). С. 354–355.

² Местонахождение оригинала неизвестно, текст цитируется по публикации во «Владимирском сборнике».

³ Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Владимир, 1896. Вып. 2: Переславский и Александровский уезды / Сост. В. Добронравов. С. 147–152.

⁴ НА ДООКН ЯО. Д. 164. № 164–13.

⁵ ГАВО. Ф. 556. Оп. 108. Д. 98; РсФ ГАЯО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 1.

⁶ Там же. Оп. 1. Д. 3136. Л. 80.

- 7 Там же. Д. 3341. Л. 15–29.
- 8 Цит. по выписке Т.Е. Казакевич // НА ДООКН ЯО. Д. 164. № 164–13. Л. 21–32.
- 9 ГАВО. Ф.556. Оп.1. Д. 3341.Л. 18 об., 28.
- 10 ГНИМА. Инв. № МРА-0746.
- 11 Известия Археологической комиссии. 1908. Вып.26. С. 86.
- 12 *Воронин Н.Н.* Переславль-Залесский. М., 1948. С. 24–25.
- 13 *Иванов К.И.* Переславль-Залесский: Путеводитель / Под ред. Б.В. Гнедовского и М.Г. Мейровича. Ярославль, 1959. С. 173.
- 14 Петр Барановский: Труды, воспоминания современников. М., 1996. С. 8, 113, 172. Архив Барановского хранится в ГНИМА.
- 15 ПЗМ. Инв. № НА-89. Л. 166. Работы должны были вести Центральные реставрационные мастерские, но финансирование не было выделено.
- 16 Там же. Л. 212–213.
- 17 Там же. Л. 30. В 1929–1936 гг. Переславль относился к Ивановской промышленной области.
- 18 ГНИМА. Инв. № ОФ-5779/141, 142, 144.
- 19 С 1936 г. Переславль становится райцентром Ярославской области. Департамент охраны объектов культурного наследия Ярославской области — преемник Комитета по охране памятников. Учетное дело Елизаровской церкви № 164.
- 20 Позднее в названии добавилось слово «специальная», принятая аббревиатура — ЯСНПРМ. В 1957 г. организован Переславский реставрационный участок.
- 21 Синьки с чертежей хранятся в НА ДООКН ЯО, оригиналы — в архиве ЯСНПРМ.
- 22 НА ДООКН ЯО. № 164–1.
- 23 Папертью в акте названа трапезная.
- 24 НА ДООКН ЯО. Д. 164. № 164–2.
- 25 Там же. № 164–3.
- 26 Снимки хранятся в НА ДООКН ЯО. Д. 164.
- 27 НА ДООКН ЯО. Д. 164. № 164–6. Л. 1 об.
- 28 Там же. № 164–11.
- 29 Там же. № 164–13.
- 30 Там же. № 164–14.
- 31 *Казакевич Т.Е.* О двух надписях в Никитской церкви села Елизарова // ТОДРЛ. СПб., 2009. Т. 60. С. 556–563.
- 32 *Пуришев И.Б.* Реставрация памятников архитектуры: Сб. статей. Переславль-Залесский, 2010. С. 135, 151; *Сукина Л.Б.* Никитская церковь в селе Елизарово — памятник «Казанского взятия» // Pro memoria: Сборник материалов научной конференции. Курск, 2006. С. 82–90.
- 33 *Сукина Л.Б.* Энтузиазма недостаточно // Коммунар. 1988. 4 ноября. С. 3.
- 34 Опубликована: *Казакевич Т.Е.* О двух надписях... С. 558.
- 35 *Воронин Н.Н.* Переславль-Залесский. С. 25; *Ильин М.А.* Русское шатровое зодчество: Памятники середины XVI века. Проблемы и гипотезы, идеи и образы. М., 1980. С. 113.

- ³⁶ НА ДООКН ЯО. Д. 164. № 164–11.
- ³⁷ Фотофиксация 1985, 1988, 1989 гг. // НА ДООКН ЯО. Д. № 164.
- ³⁸ Приведенные в описаниях XIX — начале XX в. размеры часто используют для расчета размеров при воссоздании утраченных частей памятников, однако пример Никитской церкви показывает, что к таким описаниям надо относиться критически.
- ³⁹ Оригиналы (тушь, отмывка) и копии чертежей, а также материалы инженерных исследований и проект усиления хранятся в НА ДООКН ЯО. Д. № 164.
- ⁴⁰ Мельник А.Г., Набилкин А.Г., Хохлов В.Н. Новые данные о Никитской шатровой церкви (1566–1567 гг.) с. Елизарова близ Переславля-Залеского // Плесский сборник. Плес, 1993. Вып. 1. С. 104–105.
- ⁴¹ Вышедшая в «Плесском сборнике» 1993 г. статья осталась неизвестной большинству исследователей, в том числе автору проекта реставрации Никитской церкви И.Б. Пуришеву. В свою очередь, авторы статьи не ставили реставраторов в известность о своем обследовании.
- ⁴² Баталов А.Л. Московское каменное зодчество конца XVI века. М., 1996. С. 165–166.
- ⁴³ Акт от 16 мая 1997 г. // НА ДООКН ЯО. Д. № 164.
- ⁴⁴ В 2018 г. плиты зафиксированы группой под руководством Ю.М. Своейского и А.Г. Авдеева для отображения модели в масштабе 1:1 в Своде древнерусских надписей.

А.Е. Тарасов

Сборник «Книги глаголемая Пчела
вельми мудра» из собрания ГИМ
и церковное строительство в Москве
в конце XV – начале XVI в.

Среди книг рукописного собрания графа А.С. Уварова, хранящихся в отделе рукописей Государственного исторического музея, находится сборник, озаглавленный его безвестным составителем «Книги глаголемая Пчела вельми мудра» (далее Увар., 157–8°)¹. Автор подробного описания содержания Увар., 157–8° архимандрит Леонид (Кавелин) датировал рукопись XVII в. и отмечал: «Сборник этот составлен на подобие Пчелы (переводной) из различных мелких изречений и статей: из св. Писания, учительных книг и писаний св. отец, без надписи и без всякой системы. Между ними (особенно во 2-й половине рукописи) встречаются и цельные статьи с надписями, в том числе и русские»².

«Пчела» — распространенный в древнерусской книжности, византийский по происхождению, сборник изречений, содержащий отрывки из книг Священного Писания, сочинений Отцов Церкви и античных авторов (памятник переведен не позднее XIII в.)³. Рукопись Увар., 157–8° не является «Пчелой» или выборкой из нее. Сходство между ними внешнее: в исследуемой рукописи, как и в «Пчеле», во-первых, помещены сентенции (однако не только они), во-вторых, некоторые из них восходят к тем же источникам, которые были использованы при создании «Пчелы»⁴. При этом составитель Увар., 157–8° с «Пчелой» был знаком, о чем свидетельствует, как минимум, название, данное им сборнику. Возможно, детальное сравнение текстов позволит установить и некоторые заимствования из самой «Пчелы» в Увар., 157–8°.

Предложенную архимандритом Леонидом (Кавелиным) широкую датировку сборника XVII в. приняли М.О. Скрипиль и М.Н. Тихомиров⁵. А.Л. Гольдберг сузил ее до середины XVII в., однако не указал оснований для такого вывода⁶. Также без объяснений

второй четвертью или серединой XVII в. датировала сборник Н.В. Сеницына⁷. Попробуем уточнить датировку.

Увар., 157—8° написан одним почерком, на 259 листах. Бумага пяти сортов: 1) кувшин с одним цветком и украшением на тулове в виде сердца под полумесяцем с толстой поперечной перекладной; 2) кувшин одноручный с короной над крышкой под розеткой и полумесяцем, на тулове литеры СР или CR; 3) кувшин с одним цветком-трилистником на тонком стояне и литерой I (?) на тулове; 4) лилия геральдическая в щите под короной; 5) орел (двуглавый?) с опущенными вниз крыльями и литерой L ниже левой лапы. Размер кодекса в 8° и связанные с этим трудности точной атрибуции водяных знаков, включая расчет их размеров, позволили определить тип лишь трех из них: 1) Гераклитов⁸, № 906—914 (1631—1639 гг.), Дианова, Костюхина⁹, № 834—837, 839—840 (1631—1642 гг.); 2) Дианова, Костюхина, № 654 (с литерами AV на тулове — 1638 г.); 3) Дианова, Костюхина, № 811 (1638 г.). Следует отметить, что в составе Увар., 157—8° есть Отписка Степана Ивановича Тарбеева и Ивана Холопова [Басова], посланников царя Михаила Федоровича в Крыму, с описанием чуда явления иконы Пресвятой Богородицы над дверями Софии Константинопольской, о котором им поведал бывший турецкий пленник Афонка Васильев. В Увар., 157—8° донесение относится к 4 августа 1626 (1626) г.¹⁰ Однако посольство выехало из Москвы только в конце августа — начале сентября 1626 г.¹¹ О.А. Белоброва отмечала, что в разных списках указываются разные даты Отписки, и сделала вывод, что датироваться она должна в пределах 1626—1630 гг. (список Увар., 157—8° ей был неизвестен)¹².

Таким образом, можно в целом согласиться с датировкой Н.В. Сеницыной и А.Л. Гольдберга и даже, весьма осторожно, сузить ее до второй половины 1630-х — первой половины 1640-х годов. Во всяком случае, Увар., 157—8° не мог быть создан ранее самого конца 1620-х годов.

Среди русских статей сборника — «Летописец вкратце изыскан от начала миру». Его начало: «Повѣдает оубо прежних времен лѣта, в них же прежних родов быти от рода до рода многолѣтными времены препосылаемо, от Адама даже до Христа и его мужное Христово вочеловечение...»¹³. Очевидно, он представляет одну из многочисленных разновидностей кратких компилятивных летописцев «От Адама»¹⁴. После сообщения о завоевании османами Констан-

тинополя в летописце содержится перечень султанов: «Богомет царствовал 28 лѣт, а по Богомете царствовал Боязит салтан 30 лѣт и 6 месяца, по Абазите царствовал Салим сын его 9 лѣт и 4 месяца, а ныне царствовал сын его Сулем в царствующем граде грѣх ради наших»¹⁵. Свидетельство о Сулеймане Великолепном (Сулеме) как о правящем «ныне» может означать, что составление этой редакции летописца относится ко времени до смерти султана в 1566 г.

Сразу за перечнем султанов следует перечень храмов и крепостей, выстроенных в последней четверти XV — первой трети XVI в. М.Н. Тихомиров считал, что он является заключительной частью летописца, на которой тот и завершается словами «поставлен город деревяной на Москве»¹⁶. Приведу данный текст: «В лѣто 6987 освящение церкви соборные Пречистыя Богородицы в Кремлѣ. В лѣто 6995 заложена бысть церковь каменная Преображение в Новом монастыре, а освящена та церковь в лѣто 7002 году. Нижней Новгород заложен каменной в лѣто 7012 году. Освящение церкви Николы Гостунскаго того ж году. И освящение церкви архаггела Михаила в Кремле. В лѣто 7017 освящена бысть церкви Леонтия Чюдотворца за Неглинною и Введение церковь на Оустрѣтенской оулице. В лѣто 7026 году поставление церкви Преображения Господня на дворцѣ. В лѣто 7032 году освящение церкви Вознесения Господня в Коломенском. В лѣто 7033 Коломна свершена каменной город, Кошира деревяной город. Того ж году колокол большой слит. В лѣто 7042 году поставлен город деревяной на Москве»¹⁷.

Как видно, все приведенные в перечне храмы связаны с великокняжеским строительством в Москве и ближнем Подмоскowie. Это Успенский и Архангельский соборы Московского Кремля («церкви соборные Пречистыя Богородицы в Кремлѣ» и «архаггела Михаила в Кремлѣ»), а также кремлевские храмы в честь свт. Николая Чудотворца («Николы Гостунскаго») и бывшего Спасского монастыря («Преображения Господня на дворцѣ»), главный храм Новоспасского монастыря («Преображение в Новом монастыре»), московские городские церкви свт. Леонтия Ростовского («Леонтия Чюдотворца за Неглинною») и Введения Пресвятой Богородицы во храм («Введение церковь на Оустрѣтенской оулице»), церковь в великокняжеской резиденции в Коломенском («Вознесения Господня»).

Большинство дат указаны ошибочно, причем некоторые из них содержат значительную погрешность. Так, возведение Василием III церкви Преображения бывшего Спасского монастыря

в Московском Кремле «на своемъ дворѣ» — «на дворцѣ» в Увар., 157—8° — состоялось в 7035 (1526/1527) году¹⁸. Как отмечает Л.А. Беляев, это была «полная перестройка» прежнего, еще XIV в., каменного храма, не сохранившая никаких его остатков, за исключением вторично использованных деталей¹⁹. Государево распоряжение о строительстве Леонтьевской и Введенской церковью относится к весне 7022 (1514 г.), они входили в число 11 московских храмов, выстроенных, по свидетельству Софийской II летописи, итальянским архитектором Алевизом Новым (Фрязиным): «Тоя же весны благовѣрныи и христорлюбивыи князь великии Василеи Иванович всея Руси со многим желаниемъ и вѣрою повелѣ заложити и здѣлати церкви камены и кирпичныи на Москвѣ <...> А всѣм тѣм церквем былъ мастеръ Алевиз Фрязинъ»²⁰. Освящение церкви Вознесения в Коломенском состоялось 3 сентября 7041 (1532) г.²¹ Существенное расхождение наблюдается и в датировке закладки Нижегородского кремля, которая относится к 1 сентября 1500 г.²², т. е. состоялась на шесть лет раньше срока, указанного в Увар., 157—8°.

Внимание к строительству, в том числе церковному, не является чем-то исключительным для кратких летописцев. Однако в нашем случае свидетельства о возведении храмов и крепостей представляют отдельную выборку. Учитывая это, а также хронологические ошибки автора, что должно указывать на поздний характер создания выборки, считаю возможным относить ее не к «Летописцу вкратце», а рассматривать как самостоятельный текст, включенный составителем Увар., 157—8° в свой сборник безотносительно летописца и, возможно, даже созданный им самим. Делаю это предположение, поскольку есть основания считать безымянного создателя Увар., 157—8° не только его составителем, но и редактором некоторых содержащихся в нем текстов. Об этом писала Н.В. Синицына на примере «Писания мудрейшаго государя и великаго князя дияку государеву Михаилу Григорьевичу»²³, отмечая, что «редактор-переписчик» / «переписчик-составитель» обращался с текстом «достаточно свободно, подвергая различным стилистическим изменениям», и даже мог сознательно исключить ключевую его часть²⁴. Приведу также мнение В.И. Буганова, который, анализируя хронологические ошибки автора краткого летописца «От Адама» из Ивановского музея, сделал обобщение: «Для авторов конца XVII в. вообще не был характерен пуризм, ригоризм в смысле точности и ясности изложения. В это время появляется

немало сочинений, в том числе исторических, в которых достоверные сведения обильно приправлены вымыслом, легендами и т. д. Таковы многочисленные летописные, хронографические компиляции, сборники, в изобилии составлявшие в то время и до сих пор слабо изученные»²⁵. Полагаю, наблюдение В.И. Буганова вполне может быть распространено на почувствовавших вкус к самостоятельному книжному творчеству составителей сборников смешанного состава, трудившихся в более раннее время.

Причины включения храмов в исследуемый список, кроме уже отмеченного великокняжеского характера строительства, не очевидны. В выборку не попали некоторые храмы, которые строили по великокняжеской воле одновременно с храмами, в выборке оказавшимися. Так, отметив строительство Леонтьевской и Введенской церквей, ее автор не упомянул ни один из других московских храмов, заложенных в тот же год по распоряжению Василия III. Включив в выборку церковь Преображения «на своемъ дворѣ», автор обошел вниманием (или не знал?), что тогда же Василий III «и другую церковь поставилъ камену же у Фроловскихъ воротъ святаго мученика Георгия, и третью церковь поставилъ камену же святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба на Орбатѣ за Неглимною»²⁶. Возможно, эта специфика изложения свидетельствует не об особом избирательном характере составления выборки, а об использовании ее автором какого-то источника, может быть дефектного, в котором изначально содержались неполные сведения о государевом строительстве.

Так или иначе, составитель выборки, судя по его интересу, был москвичом, причем либо представлявшим духовенство, либо имевшим отношение к Пушкарскому приказу, одной из задач которого являлось возведение крепостей и наблюдение за их состоянием²⁷.

¹ ОР ГИМ. Уваровское собр., № 157—8°.

² *Леонид, архимандрит*. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А.С. Уварова. В 4-х ч. М., 1894. Ч. 4. С. 297 (№ 1912).

³ «Пчела»: Древнерусский перевод / Изд. подг. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева. М., 2008. Т. 1. С. 7; см. также: *Творогов О.В. Пчела* // Словарь книжников и книжностей Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. С. 382—387.

⁴ Архимандрит Леонид (Кавелин), не проводивший сравнение Увар., 157—8° и «Пчелы», обратил внимание, что на полях Увар., 157—8° «иногда

- указано, откуда взято то или иное изречение: Сирах, Златоуст, Лествичник и т.п.» // *Леонид, архимандрит. Систематическое описание...* С. 297. Ветхозаветная «Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова», творения Иоанна Златоуста и Иоанна Лествичника (или приписываемые им) действительно были источниками «Пчелы».
- 5 *Скрипиль М.О.* Повесть о Тимофее Владимирском // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. VIII. С. 294; *Тихомиров М.Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 45.
- 6 *Гольдберг А.Л.* Три «послания Филофея» (Опыт текстологического анализа) // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. XXIX. С. 96.
- 7 *Синицына Н.В.* Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV—XVI вв.) М., 1998. С. 139.
- 8 *Герасимов А.А.* Филигранные XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963.
- 9 *Дианова Т.В., Костюхина Л.М.* Филигранные XVII века по рукописным источникам ГИМ. М., 1988.
- 10 Увар., 157—8°. Л. 170 об. — 174.
- 11 *Савелов Л.М.* Из истории сношений Москвы с Крымом при царе Михаиле Федоровиче. Посольство С.И. Тарбеева в Крым 1626—1628 г. (Оттиск из: Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 39). Симферополь, 1906. С. 1.
- 12 Исследовательница отмечает и другие разночтения в списках. В частности, она указала, что имя Иван Холопов в ряде списков читается как Иван Басов (*Белоброва О.А.* Черты жанра хождений в некоторых древнерусских письменных памятниках XVII века // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. XXVII. С. 261).
- 13 Увар., 157—8°. Л. 243 об. — 244.
- 14 См. публикации летописцев «От Адама»: Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. Издан по списку князя Оболенского. М., 1853. С. 1 (в качестве первой главы Нового летописца под названием «Описание летом»); *Буганов В.И.* Краткий московский летописец конца XVII в. из Ивановского областного краеведческого музея // Летописи и хроники. 1976. М.Н. Тихомиров и летописеведение. М., 1976. С. 288—293.
- 15 Увар., 157—8°. Л. 249 об. — 250.
- 16 *Тихомиров М.Н.* Краткие заметки... С. 45.
- 17 Увар., 157—8°. Л. 250—250 об.; Перечень также опубликован: *Леонид, архимандрит. Систематическое описание...* С. 300.
- 18 Летописный сборник, именуемый патриаршею или Никоновскою летописью // ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13. Первая половина, VIII. С. 46. Запись о строительстве помещена в конце годовой статьи, что позволяет отнести время возведения Преображенской церкви, скорее, к 1527 г.
- 19 *Беляев Л.А.* Древние монастыри Москвы (конец XIII — начало XV в.) по данным археологии. М., 1994. С. 179.
- 20 Софийская вторая летопись // ПСРЛ. М., 2001. Т. 6. Вып. 2. Стб. 398—399.
- 21 Летописный сборник... С. 65.

- 22 *Давыдов А.И., Краснов В.В.* Зачатская башня Нижегородского Кремля [электронный ресурс] URL: <http://rusarch.ru/davidov2.htm> (дата обращения 15.02.2020); Исследователи опираются на мнение Б.М. Пудалова, который считал, что «нет оснований сомневаться в подлинном древнерусском происхождении записи о начале строительства Нижегородского кремля в 1500 г.».
- 23 Увар., 157—8°. Л. 147 об. — 164.
- 24 *Синицына Н.В.* Третий Рим... С. 139—140.
- 25 *Буганов В.И.* Краткий московский летописец... С. 287.
- 26 Летописный сборник... С. 46.
- 27 В упомянутом выше летописце «От Адама» из Ивановского музея также уделено внимание церковному строительству в Москве, и сам летописец, по мнению его издателя В.И. Буганова, был составлен москвичом, лицом духовного звания: «Об этом говорит московский характер записей, особое внимание к московским царям и патриархам, к записям на церковно-исторические темы» (*Буганов В.И.* Краткий московский летописец... С. 285).

Храмоздательство на Двинской земле в правление царя Михаила Федоровича

Храмоздательство — старинное понятие, которое включает в себя строительство церковных зданий, их внутреннее обустройство, изготовление утвари и начало регулярных богослужений. Работа посвящена особенностям храмоздательства на землях вдоль Северной Двины в первой половине XVII в, а также роли царя Михаила Федоровича Романова и патриарха Филарета в церковной истории Подвинья. Хронологическими рамками исследования является правление Михаила Федоровича Романова (1613—1645).

Земли в нижнем течении Северной Двины в XVII в. составляли Двинскую волость, центр ее управления находился в селе Холмогоры. Здесь был двор воеводы, стрелецкие и пушкарские слободы; воеводе присылали указы из Москвы. В устье Северной Двины еще в 1583 г. для торговли с иноземцами и охраны порта была основана крепость Новохолмогоры. Неподалеку от нее находился монастырь Михаила Архангела. В патриарших актах 1630-х годов мы встречаем новое наименование поселения в устье Северной Двины — корабельное пристанище Архангельского города¹. На его территории был воеводский двор, амбары, торговые палатки, немецкие дворы и ремесленные слободы.

Если политический центр Подвинья формально находился в Холмогорах, то в церковном управлении ситуация была неоднозначной. Весь Русский Север, включая Подвинье, относился к ведению Новгородского митрополита, самые богатые села и посады были выделены в начале XVII в. в особый удел — патриаршую десятину Поморья, управляемую напрямую из Москвы через приказные учреждения патриарха. Обособление приходов и монастырей от Новгородской митрополии произошло по инициативе патриарха Филарета, в миру Федора Никитича Романова, двоюродного брата

Рис. 1. Портрет патриарха Филарета.
Тинто-гравюра с портрета XVIII в.

царя Феодора Иоанновича и отца царя Михаила Романова. На севере началось его церковное служение, боярин Федор Никитич был пострижен в монахи с именем Филарет в Антониево-Сийском монастыре в 1601 г. и провел здесь в заточении 4 года².

В данной статье не раскрываются обстоятельства ссылки Филарета, эта тема хорошо изучена и нашла отражение в научной литературе, живописи, экспозиции музея «Палаты бояр Романовых». Своим возвышением Сийская обитель во многом обязана Филарету; благодаря заботе монахов опальный боярин избежал смерти. В 1619 г. Филарет становится патриархом Всероссийским (рис. 1).

Главным доверенным лицом Филарета был назначен наместник Антониево-Сийского монастыря Иона, который фактически стал исключительным представителем власти. Волею патриарха Иона оказался выше новгородского митрополита и выше двинского воеводы. С 1619 по 1633 г. игумен Сийского монастыря был управляющим патриаршей десятиной Поморья, а затем и десятиной Новгородской митрополии, к которой относилось население Северной Двины. Таким образом, в Антониево-Сийский монастырь попадали патриаршие грамоты, стекались людские ресурсы, денежные средства, припасы и книги.

Поскольку Филарет носил титул «великий государь» и был фактическим правителем страны, его сын — Михаил Федорович при жизни отца не вмешивался в церковные и экономические дела Русского Севера. Параллельно с общегосударственными были созданы личные Патриаршие приказы, управлявшие землями патриаршей десятины. Наместники монастырей на этой территории

Рис. 2. Сийский монастырь в 1854 г. Гравюра из собрания ГИМ

ставили себя выше царских воевод, что прослеживается в актовых источниках. В начале XVII в. Москва воспринимала северные земли как свой богатый удел, кормящий данью разоренную после Смуты столицу.

Игумен Иона был наделен политической и судебной властью: судил виновных (например, дело о краже рыбы у крестьянина Двинского уезда), собирал пошлины, арестовывал подозреваемых и сообщал обо всех делах в Москву³. За верную службу, исполнение наказов и управление патриаршей десятиной патриарх Филарет в 1629 г. жаловал Иону традиционной для служилых людей наградой — братиной серебряной из своей кельи с чеканной надписью «из чего я сам пил». Патриарх регулярно отправлял в Антониево-Сийский монастырь (рис. 2) иконы, церковные книги с условием их переписывания и возвращения назад, способствуя росту книжного собрания.

Расчетливый хозяин, Филарет в своих грамотах перечисляет виды дани и сроки ее доставки в Москву. Часть из собранного оста-

Рис. 3. Благовещенская церковь.
Фотография С.С. Подъяпольского
1960-х годов из его книги «По Сухоне
и Северной Двине»

валась в монастыре, усердием дьяков Патриарших приказов Москва лишала свою северную провинцию хозяйственной самостоятельности. Например, один из мезенских крестьян завещал Сийской обители, помимо земли и денег, стадо в 500 оленей⁴. По указу, монастырю досталось 100, остальное было распределено чиновниками патриарха между другими обителями. Для повышения доходов Филарет ввел налог на детей, рожденных вне брака⁵. Их вычислили дьяки, изучив метрические книги.

В первой половине XVII в. благодаря авторитету настоятеля Ионы Антониево-Сийский монастырь занял в Поморье особое положение; к обители было

приписано множество приходов, небольших монастырей и пустынь, обложенных данью. Сам монастырь, основанный в 1520 г., через сто лет, по переписи 1624 г., насчитывал 89 человек братии, 24 кельи, больницу, каменную церковь Троицы (1593—1606), два деревянных храма, часы, три больших колокола и восемь малых.

Обширное строительство в Антониево-Сийском монастыре началось после смерти Филарета, когда контроль за доходами обители со стороны московских Патриарших приказов ослаб, а привилегии остались. Царь Михаил Федорович освободил в 1638—1644 гг. Антониево-Сийский монастырь от уплаты собранных налогов на период каменного строительства, предоставил льготы на торговлю солью и направил стрелецкие деньги на строительство кирпичных храмов⁶.

В 1638 г. по указу царя из Вологды прислали артель каменщиков для возведения новой кирпичной Благовещенской церкви с трапезной на месте предполагаемой кельи Филарета (рис. 3).

Строительство Благовещенской церкви было завершено в ноябре 1643 г. Ансамбль храма с трапезной включает 3 части: церковь

Рис. 4. Первоначальный облик храмов Антониево-Сийского монастыря.
Реконструкция С.С. Подъяпольского. Рис. из его книги «По Сухоне и Северной Двине»

(престолы Благовещения, Сергия Радонежского и Михаила Малеина в «каменной стопе до маковицы»), трапезную с погребями и келарскую. Все три объема поставлены на высокий хозяйственный подклет, внутри которого располагались просфорня, погреб квасной, погреб для хлеба. Одностолпная трапезная и подклет соединяются системой дымоходов и внутренних лестниц (рис. 4).

Необычное по композиции здание заканчивается шатровой церковью, поставленной на сомкнутый свод. Храм не раз привлекал внимание исследователей, фотография Благовещенской церкви опубликована в «Истории русского искусства» И.Э. Грабаря 1959 г.⁷ Существует реконструкция первоначального облика храма, выполненная С.С. Подъяпольским. На его чертеже у Благовещенской церкви по бокам под шатром стоят еще две главки (сохранились их постаменты); по числу престолов храм насчитывал три главы с крестами⁸.

Восьмигранный кирпичный шатер не световой; он поставлен на короткий столп, который в свою очередь опирается на сомкнутый свод четверика, под ним — двухчастный алтарь с внутренней опорной стеной. При выполнении кирпичной кладки шатра мастера стремились придать ему дополнительную устойчивость. Планировка храма незаурядна, для ее изучения необходима тща-

Рис. 5. Благовещенская церковь.
Фотография О.В. Степановой. 2019 г.

тельная реставрация. Сейчас место перехода от четверика к шатру находится в удручающем состоянии, сам храм выглядит хуже, чем в 1960-е годы на фотографиях Подъяпольского. Крыша была наспех залатана после пожара 1992 г. (рис. 5).

Ряд исследователей считает, что при строительстве Благовещенской церкви каменщики повторяли прежнюю деревянную избу — трапезную с шатровой церковью, стоявшую ранее на этом месте⁹. Можно предположить, почему мастера цитировали прежние архитектурные формы: решение повторить деревянную постройку в кирпиче могло быть связано с мемориальностью места, а не с отсутствием опыта. В 1638—1644 гг. каменщики воспроизвели силуэт предшествующей деревянной церкви с кельями, которая традиционно считалась местом пребывания Филарета в 1601—1605 гг. До разорения монастыря в первой половине XX в. рядом с Благовещенской церковью стояла памятная часовня, воздвигнутая к 300-летию династии Романовых. Из представителей царской семьи монастырь посетили государь Александр I в 1819 г. и Александр II в 1858 г. Сегодня в память о семье Романовых в монастыре поставлена часовня в честь Святых Царственных Страстотерпцев.

Рис. 6. Храм-колокольня с архивной и библиотечной палаткой, восстановлен.
Фотография О.В. Степановой. 2019 г.

По окончании церкви мастера приступили к возведению каменных келий, построенных к 1648 г. (здание не сохранилось). С другой стороны от Троицкого собора в 1638 г. началось строительство шатрового храма-колокольни с архивной и библиотечной палатками. Оно шло медленно и завершилось при Алексее Михайловиче лишь в 1661 г.¹⁰ (рис. 6). Храм Святителей Московских в колокольне был освящен в 1666 г., за его возведение отвечал монах-каменщик, он же келарь, старец Паисий. Храм-колокольня пострадал в XX в.: он был практически полностью разобран, сохранился лишь первый этаж; в начале 2000-х годов храм-колокольня был восстановлен. Таким образом, ко второй половине XVII в. Антониево-Сийский монастырь имел немало кирпичных построек и стал местом, откуда в XVII в. началось кирпичное строительство в Подвинье.

В первой половине XVII в. храмы Архангельска и Холмогор оставались деревянными. Берега Северной Двины в это время активно заселялись торговыми и ремесленными людьми православного (и не только) вероисповедания. Строительство храмов в селах и посадах — насущная потребность, реализацию которой государственные власти стремились взять под свой контроль.

В самом Архангельске в начале XVII в. велось активное строительство деревянных храмов. Так, по указу Филарета в 1626 г. был построен храм Успения «на Борках, что на Сальном берегу за немецким двором». Грамота на строительство была выдана попу Ксенофонту с указанием лес рубить на Жабинском наволоке¹¹. Храм, возведённый впоследствии в кирпиче в 1740-е годы, был снесён в 1930 г. К 2003 г. Успенская церковь на Борках восстановлена и освящена. В основание кладки воссозданного храма в знак признания первенства каменного строительства заложили два камня, привезенных из Троицкого собора Сийского монастыря.

Кроме Успенской церкви, известны, как минимум, четыре деревянных посадских храма (Преображенский, Рождественский, Воскресенский, Параскевы Пятницы), один из которых — Воскресенский — исследователи относят к 1620 г., остальные — к концу XVI в.¹²

В 1637 г. произошёл сильный пожар в Архангельске, уничтоживший постройки Михайловского монастыря. Его игумен Павел просил новое место ниже по течению, и царь Михаил Федорович дал ему Кузнечиху. Оказалось, что там находилась «городовых и посадских людей скотинная паства»; другим указом была выделена земля выше по течению, в Нячерах. Постройки были возведены деревянные — на каменные не было средств по причине строительства в Сийском монастыре. Таким образом, Михайло-Архангельский монастырь обосновался на постоянном месте¹³, а его кирпичный собор был возведен лишь в 1680-е годы.

В Холмогорах же возведение новых храмов не всегда было успешным. В 1631 г. началось расследование продажи пустой земли на месте будущего храма. 1 января 1631 г. была отправлена грамота из Патриаршего приказа игумену Ионе о поимке и препровождении в Москву пьяницы попа Якима, который церковную землю в Холмогорах, выданную указом Михаила Федоровича под строительство храма, заложил за 10 рублей¹⁴. Отыскав попа Якима, нужно было сообщить, сколько раз тот ходил в кабак. Следовательно, прокурором и судьей был игумен Иона, ему вменялось допросить виновника и доставить в Москву.

Хочется поделиться еще одним любопытным фактом из истории церковной жизни и храмоводительства на Северной Двине. В актах патриарха Филарета за 1633 г. встречаются сведения о неучтенных «полотняных» храмах¹⁵. Их священники сурово наказаны за неподчинение патриаршей администрации и служение

беспощинно. Арестован поп Симеон, которые вместе с умершим к тому времени попом Романом держали у себя в Архангельске полотняный храм. «Мы тот полотняный храм осматривали и велели его огню предать», — пишут патриаршие дьяки. Первому наказанному священнику велено год не служить, а «впредь: всем попам патриаршей десятины в полотняных храмах не служить, а иначе вечный запрет». Наказание было определено за богослужения, проводимые без регистрации и уплаты пошлин в пользу патриарха.

Строительные работы в Антониево-Сийском монастыре, их масштабная организация и участие лучших каменщиков привели к возрождению каменного строительства на Русском Севере и стали школой мастерства, обеспечившей строительный подъем второй половины XVII в. Архангельск и Холмогоры — два крупнейших поселения на Двине — в правление Михаила Романова (1613—1645) могли позволить себе лишь деревянные храмы, которые строились особенно часто со второй половины 1620-х годов. Необходимость благоустройства Гостиного двора в Архангельске во второй половине XVII в. способствовала распространению каменного строительства в Архангельске и Холмогорах.

- 1 Акты Сийского монастыря. Архангельск, 1913. Т. 1: Грамоты патриарха Филарета. С. 53.
- 2 Там же. С. V.
- 3 Там же. С. 7, 52—53.
- 4 Там же. С. 63.
- 5 Там же. С. 79.
- 6 Сведения о масштабах работ были собраны и изучены В.В. Брызгаловым (*Брызгалов В.В. Строительство храмов в Антониево-Сийском монастыре в XVI—XVII вв. Архангельск, 2005. С. 17*).
- 7 История русского искусства / Под ред. И.Э. Грабаря. М., 1959. Т. 4. С. 16.
- 8 *Подъяпольский С.С. По Сухоне и Северной Двине* М., 1969. С. 94—95.
- 9 *Мильчик М.И. Каменная архитектура Севера в эпоху Древней Руси // Искусство. 2008. № 17 (401).*
- 10 *Брызгалов В.В. Строительство храмов... С. 20.*
- 11 *Овсянников О.В., Ясинский М.Э. Взгляд на Европейскую Арктику // Архангельский Север: проблемы и источники. СПб., 1998. Т. 1. С. 270.*
- 12 Там же. С. 160.
- 13 Там же. С. 162.
- 14 Акты Сийского монастыря... С. 57.
- 15 Там же. С. 46—47, 58.

С.В. Городилин

К вопросу о формировании агиологической модели юродской святости в агиографии позднего русского Средневековья

Феномен юродства занимает чрезвычайно значимое место в представлениях о России и ее прошлом, и по сей день играя важную роль в отечественной культуре. Не случайно уже первые свидетельства иностранцев о Московском государстве раннего Нового времени так или иначе отражают интерес сторонних наблюдателей к этому яркому и необычному для них явлению. Посвященная юродству научная литература весьма обширна, включая как исследования отдельных аспектов, так и крупные обобщающие работы¹.

Вместе с тем, приходится отметить характерные свойства имеющейся историографии. Исследовательская парадигма применительно к русскому юродству сформировалась в рамках церковно-исторических штудий последней четверти XIX — начала XX в., предполагая изучение этого явления на основе сведений текстов житий святых и его осмысление почти исключительно в агиологическом контексте, как особого вида подвиг святости². Подобный подход был в то время очевидным образом обусловлен методологически. Побудительным мотивом для исследователей конца XIX — начала XX в. становится апология юродства как формы святости в ситуации, когда церковное почитание святых юродивых, равно как и сохранявшиеся в социуме реликты реального бытования этого института, оказались объектом скептического отношения и усиливающейся критики с позиций рационального позитивизма. Церковные историки ставили перед собой задачу определить сущность, «дух и нравственный строй» этого подвига, создание же его *исторического очерка* играло тут лишь вспомогательную роль. Опорой им служило священное Писание и его богословские интерпретации в сочетании с анализом всей

совокупности текстов житий (и византийских, и русских), созданных на протяжении веков внутри церкви и признанных церковью, и описывающих идеальные биографии отнесенных ею к данному агиологическому типу лиц. Пользуясь выражением о. Алексия Кузнецова, тогдашние ученые стремились выявлять в житиях, «помимо описания жизни, и объяснение подвига» святых юродивых³. К тому же самому подталкивала ученых и легко доступная источниковая база в виде житийных текстов, в переложении Дмитрия Ростовского содержащихся в Четьих Минеях, а также публиковавшихся на самом разном уровне во второй половине XIX — начале XX в. в научных, краеведческих и популярных изданиях.

Научной основой этих агиологических изысканий стали обобщающие труды по истории церкви, а также исследование о житиях русских святых В.О. Ключевского. На практике структура работ складывалась таким образом, что общие построения, посвященные идеальной сущности юродства и опирающиеся на богословскую базу, иллюстрировались полученным из общей массы житий материалом, подтверждавшим отдельные авторские тезисы и обеспечивавшим для них некий исторический фон. Восприятию юродства как целостного религиозно-культурного феномена способствовало представление о его изначальном заимствовании Русью из Византии вместе с христианством и о его последующем существовании в неизменном виде на протяжении веков.

История юродства на Руси при таком подходе основывалась на совокупности имеющихся житийных биографий святых, относимых к этому типу, хронологическая последовательность которых определялась данными, приводившимися в этих же житиях и в связанной с ними литературе (святцы, прологи, минеи, словари и т. п.), и эти данные, как и прочие биографические сведения агиографов об их героях, принимались в целом как достоверные. Отец Алексий Кузнецов, дополнивший перечень святых юродивых своего предшественника о. Иоанна Ковалевского, приводит сведения о 22 русских представителях этого чина святости, последний из которых «не был канонизован», упоминая о наличии известий о «еще до 26 юродивых» в различных рукописных святцах, которые «также не канонизованы»⁴. К первым русским святым юродивым были отнесены Исаакий Печерский († 1090 г.), Авраамий Смоленский († не позднее 1220 г.), Прокопий Устюжский († 1303 г.), Николай Кочанов и Федор Новгородские († в 1392 и 1395 гг.), Георгий

Шенкурский и Иаков Боровичский (оба умерли примерно в первой половине XV в.), Максим Московский († 1433 г.), Михаил Клопский († в середине XV в.), Исидор Твердислов († 1474 г.), Иоанн Устюжский († 1494 г.) и Лаврентий Калужский († 1515 г.)⁵. Воспроизведенная хронология их кончин по большей части была определена датами, дошедшими в поздней традиции Прологов, Святцев и Четьих Миней, а сама традиция юродства, как и юродская святость, согласно этому перечню, непрерывно бытуют на Руси с XI в.

Именно в качестве религиозного феномена, важной составляющей части феноменологии русской святости осмыслялось юродство и в находящихся на грани истории, национально-религиозной философии и публицистики агиологических трудах Г.П. Федотова. При этом предложенная им концепция притяжения и освоения данного феномена Русью оказывается во многом отлична от предшественников. Как и они, ученый уверен, что «юродство на Руси не отличается от юродства в Греции», а «первым русским святым юродивым» называет Исаакия Печерского⁶. Однако указывает на прежде упускавшийся чрезвычайно значимый факт: имеющиеся ранние русские известия о юродстве святых рисуют его лишь как «временную стадию монашеской жизни», а прошедшие этот опыт святые (Исаакий, Авраамий Смоленский, Кирилл Белозерский) почитаются впоследствии в лике преподобных, а не юродивых. Юродство же, как «главная черта жизни» подвижника, дающая ему и «соответствующий чин при канонизации», впервые фиксируется лишь позднее, как считал Федотов — в XIV и последующих столетиях⁷. «Первым настоящим юродивым на Руси», согласно исследователю, стал Прокопий Устюжский. Это его первенство, однако, ученый основывает только на данных жития, написанного, как сам там же отмечает, «много поколений спустя после его кончины» (по мнению Федотова, лишь в XV в.), которое относит кончину святого к 1302 г.⁸ Сведения, приведенные житием, подробно пересказываются, а зафиксированный в нем образ жизни характеризуется как «типичный и для позднейших русских юродивых»⁹.

Концептуально важным для Г.П. Федотова оказывается свидетельство жития Прокопия о его приходе из Новгорода. Ученый прямо заявляет, что «этот великий город был колыбелью русского юродства» и «все известные русские юродивые XIV и начала XV в. связаны с Новгородом», поскольку тот в большей мере, чем

удельные княжества, «являл характерные черты русской народной жизни и сознания». Более того, четко выражена авторская позиция: «Если юродство Христа ради является отличительной чертой русской религиозности, оно должно было проявить себя в Новгороде раньше и сильнее, чем где бы то ни было»¹⁰. Основой такой презумпции трудно не признать особое отношение этого исследователя русской святости к *республике Святой Софии* как к наиболее русскому явлению в русской жизни, «наиболее чистому от татарской примеси и вместе с тем как будто таившему в себе возможности будущего свободного и культурного развития»¹¹.

Таким образом, к первым настоящим юродивым, согласно рассматриваемой концепции, следовало отнести Прокопия, а также Николая Кочанова и Федора Новгородских, помещаемых церковной историографией в конец XIV в. Житие ростовского юродивого Исидора Твердислова, кончину которого церковно-историческая и следующая за ней историографическая традиции датируют 1474 г., по опирающемуся отчасти на замечания В.О. Ключевского мнению Г.П. Федотова, было основано уже на новгородских легендах и былинах и заимствовало многие мотивы из житий Прокопия и Николая Кочанова¹².

В XVI в. юродивые, как указывает, цитируя сочинения иностранцев, Г.П. Федотов, в Москве были многочисленны и составляли особый *разряд* или *класс*, и их пророческое служение в этом столетии уже обретает «социальный и даже политический смысл»¹³. В своей более ранней работе историк даже отметил «огромное уважение русских к юродивым», фиксирующееся еще в начале XVI в., приведя цитату, которую ошибочно приписал Герберштейну. Впрочем, впоследствии авторство приводимого им описания юродивых, на самом деле принадлежащего Дж. Флетчеру, было уточнено, что исключило и эту слишком уж раннюю датировку¹⁴. Как в рамках своей национально-религиозной доктрины предположил Г.П. Федотов, мирянский чин святости юродивых принимает на себя место «ослабевшей иосифлянкой иерархии» древнюю святительскую миссию печалования за опальных. Этот же чин занимает в церкви место, по мнению ученого, «опустевшее со времен святых князей» (почитание тех, согласно Федотову, уже прекратилось к концу XV в.), «национальное служение» которых, как и у юродивых, предполагало роль поборников «Христовой правды в социальной жизни»¹⁵. Впрочем, с общим понижением духовной жизни,

начало которого отнесено исследователем к середине XVI в., постепенно меняется и положение юродства: московские юродивые уже не канонизируются церковью¹⁶, «юродство возвращается на свою новгородскую родину», к которой здесь уже причисляется весь Русский Север в самом широком смысле¹⁷.

Следующей крупной работой, посвященной русскому юродству, стал принадлежащий А.М. Панченко раздел в монографии о смехе в Древней Руси¹⁸. Однако, поскольку исследование в целом представляло собой попытку приложения к древнерусскому культурному контексту концепций М.М. Бахтина, заявленная в нем авторская позиция предполагала интерес лишь к общей феноменологии юродства, к таким ее аспектам, как зрелищность и содержащиеся в юродстве элементы протеста. Материал, по словам автора, был «извлечен из житий юродивых, поскольку другого материала не существует»: сама драма юродства «разыгрывается не столько на улицах, сколько на страницах житий»¹⁹. На практике в части, которая посвящена непосредственно средневековому юродству, работа базируется исключительно на предшествующей историографии, в значительной мере еще дореволюционной, и даже труды Г.П. Федотова остались недоступными для А.М. Панченко²⁰. Впрочем, подобные ее свойства осознавались ученым: прямо было сказано, что «тому, кто интересуется историей юродства, эта работа вряд ли понадобится»²¹. Таким образом, в данном случае вновь оказалась задействована сформировавшаяся в ходе изучения юродства научная парадигма, в которой русское юродство рассматривается вне собственной хронологии как целостный культурно-религиозный феномен в купе с юродством византийским, а фактические данные, выборочно извлекаемые из общей совокупности житий, играют служебную роль, используя для иллюстрации авторских положений, касающихся юродства в целом.

В 2000 г. выходит статья Свитланы Кобец «Русская парадигма юродства и ее происхождение в Новгороде»²². В концептуальном отношении она опирается на предшествующую работу С.А. Иванова о византийском юродстве, где *городская стадия* развития этого культурного феномена была отделена от предшествовавшей ей *монастырской стадии* и охарактеризована как более высокая ступень развития данного института в культуре Византии²³. С. Кобец полемизирует с предшественниками, которые не раз-

деляли русскую и византийскую юродские парадигмы и предполагали, что на Руси юродство отличалось лишь более широким распространением в сравнении со своим прототипом. Вопреки такому мнению, в рассматриваемой статье выдвинут убедительный тезис, согласно которому юродство на Руси прошло целый ряд стадий — от простой адаптации византийской парадигмы до формирования уникальной русской концепции юродской святости. Постулируется, что переход к более высокой, городской стадии происходит в Новгороде в XIV—XVI вв., и ключевая роль тут вновь, как и у Г.П. Федотова, предполагается за подробно разбираемым житием Прокопия, пришедшего, согласно сведениям этого памятника, из Новгорода, в котором святой принял монашество, и лишь затем перебравшегося в Устюг, где он стал вести типичную жизнь уже не монастырского, а городского «юрודה». Именно в этом житии, по мнению исследовательницы, отражено достижение русским юродством вершины его развития и закрепление в качестве уже городского феномена. Далее приводятся сведения о житиях последующих новгородских юродивых — Николы Кочанова и Федора, а также Михаила Клопского, в которых продолжается развитие русской парадигмы юродства и закрепляются жанровые особенности и специфические топосы, отличные от византийских, затем нашедшие свое отражение уже в юродстве Московской Руси XVI в. Заметим, что С. Кобец не ставила перед собой задачи самостоятельно исследовать хронологию возникновения культов упоминаемых ею юродивых, а также создания и взаимодействий посвященных им агиографических текстов, полагаясь на приведенные без серьезных корректив в посвященном русскому юродству разделе монографии С.А. Иванова 1994 г. итоги изысканий в этой сфере Ковалевского, Кузнецова и Федотова²⁴.

С.А. Иванов в своем труде о византийском юродстве манифестировал исследовательскую позицию, радикально отличную от дореволюционных предшественников, предполагая рассматривать феномен уже не с религиозной точки зрения, не касаясь проблемы святости юродивого и не пытаясь отделить истинных юродивых от ложных, но сосредоточив внимание лишь на том, как этот вопрос решала тогдашняя культура. В качестве соответствующей этому методологии предлагалось анализировать «житийные и прочие тексты, не пытаясь выяснить, какая реальность, будь то мистическая или бытовая, за этими текстами скрывает-

ся»²⁵. Была заявлена конкретная цель: исследовать непосредственное происхождение, а также оформление и бытование реального культурного феномена, который мог возникнуть «лишь во вполне определенных исторических условиях»²⁶.

В части русского средневекового юродства, впрочем, поставленные задачи не были реализованы в полной мере. По этому поводу лишь воспроизводится восходящее к Г.П. Федотову мнение о возникновении «по-настоящему русского похабства» «на севере и северо-востоке Руси в XIV в.», но касательно тех условий, которые породили этот феномен, сказано только о его появлении там «по причинам эндогенным, характерным именно для русской религиозно-культурной ситуации», сами же причины и условия, вызвавшие русское юродство Христа ради к жизни именно в тот момент, никак не обсуждались²⁷. Более того, предполагавшийся анализ житийных текстов, изолированный от попыток реконструкции стоящей за ними реальности, также ограничился уже традиционным изложением сведений жития Прокопия Устюжского, названного «первым в этом ряду», и последующей констатацией того, что пересказывать жития подавляющего большинства русских юродивых — «дело весьма неблагодарное: за немногими исключениями, они весьма однотипны и трудноразличимы»²⁸. Поэтому вместо того, чтобы разбирать тексты конкретных памятников, в общих чертах сообщается об образе жизни всех их героев. При этом было сделано исключительно важное наблюдение, что в подавляющем большинстве они не просто практиковали не монастырское, а городское юродство, а при этом вообще не были монахами²⁹, что резко отделяло русскую версию феномена от византийской. Там же приводится уже известный по трудам Ковалевского, Кузнецова и Федотова хронологический перечень святых юродивых, а за дополнительными сведениями о них читатели отсылаются к книге Ковалевского, впервые вышедшей столетием раньше³⁰.

В следующем крупном труде С.А. Иванова, центральной темой которого стало уже не византийское юродство, но юродство вообще, а часть, посвященная его бытованию в России, заметно выросла, взгляды исследователя на складывание русского извода данного феномена претерпевают серьезное развитие, вызвавшее и определенную трансформацию предлагаемой схемы этого процесса³¹. В работе над этой книгой ученый уже обращается к имевшейся современной литературе по древнерусской аги-

ографии, в том числе к посвященным юродским житиям статья «Словаря книжников и книжности Древней Руси»³². Результатом стал важный шаг вперед в изучении, пользуясь выражением автора, процесса «русификации» юродства: предметом осмысления становится факт недостоверности житийной хронологии, поскольку пространное житие Прокопия, традиционно привлекавшееся при изучении юродства как главный источник данных об этом святом, оказывается, как было установлено исследователями русской средневековой литературы, чрезвычайно поздним, и при этом, как и ряд прочих житий, в содержательном отношении зависимым от жития Исидора Твердислова³³. Это, собственно, неизбежно поставило под сомнение и все предлагавшиеся ранее концепции формирования русского феномена юродства, и представление об его новгородских корнях. К этому добавляется убедительное предположение, по которому традиционная дата кончины Прокопия Устюжского (1303 г.) возникла в его житии путем простого прибавления тысячи к дате кончины соименного ему мученика Прокопия (303 г.), к дню памяти которого с самого начала было приурочено празднование устюжскому святому³⁴. Впрочем, от дальнейших самостоятельных изысканий в этом направлении С.А. Иванов отказывается. Было лишь заявлено, что строить какие бы то хронологические выводы на основании предложенных самими житиями сведений нельзя, при этом «датировать юродское житие историческими методами чаще всего невозможно», поэтому и «хронологию юродства» на имеющейся источниковой базе также «восстанавливать невозможно»³⁵.

Далее, однако, некие общие контуры этой хронологии на основании отдельных выводов литературоведов все же были предложены. Исаакий Печерский теперь определяется уже не как первый русский, а как «первый восточнославянский» юродивый, после которого новых юродивых «в южнорусских землях» не появлялось, хотя в целом опыты монашеского юродствования имели место и в дальнейшем. При этом, как вид святости, юродство быстро обретает на Руси «неожиданное признание», о чем, по мнению С.А. Иванова, свидетельствуют отражающие почитание святого Андрея Константинопольского списки древнерусского перевода его жития, а также появление в 60-е годы XII в. праздника Покрова Богородицы, «прочно связанного с культом царьградского святого»³⁶. Само же «русское *похабство* как самостоятельный агиографический

жанр» зарождается, согласно ученому, «не в XIII и даже не XIV в., а, скорее, в конце XV столетия»³⁷ и складывается «лишь к рубежу XV—XVI веков», ориентируясь на византийскую парадигму городского юродства, «конкретно — на житие Андрея Царьградского»³⁸. Предшествуя этому, «несколько раньше», на Руси возникают «местные легенды о нестандартных святых», ставших затем прототипами героев житий. Как можно понять, в число наиболее ранних из них автор включил Прокопия Устюжского, чей культ, на его взгляд, «прослеживается с середины XV в.», Максима Московского, о кончине которого в 1433 г. приведено летописное сообщение, относимых к XV в. Николая Кочанова и Иоанна Устюжского, и, собственно, Исидора Ростовского, скончавшегося «по одним данным в 1474 году, а по другим — в 1484 г.», с которого теперь и следует, согласно С.А. Иванову, «отсчитывать историю русского похабства»³⁹.

Первенство Исидора Твердислова основано на том, что именно его почитание раньше других получило агиографическое оформление: как отмечает опирающийся тут на работы О.В. Гладковой ученый, «основной корпус его Жития сложился в 80-х годах XV века, а полная редакция — к началу XVI века»⁴⁰. Автор жития ростовского святого, как уверен С.А. Иванов, позаимствовал целый ряд сюжетных ходов и литературных клише из жития Андрея Юродивого⁴¹. Житие Исидора сразу же получило широкое распространение, став образцом для многих последующих житий, в том числе Прокопия и Иоанна Устюжских, вошло в Великие Минеи Четьи, а сам Исидор между 1552 и 1563 г. «был причислен к общерусскому пантеону»⁴². Общая популярность юродства также нарастает шаг за шагом, оно быстро «становится модным подвизанием», а юродивые уже к середине XVI в. уравниваются в своем статусе с прочими святыми⁴³. Более того, даже подвижники, изначально не принадлежавшие к этому чину, начинают при редактировании их житий приобретать черты, характерные для героев собственно юродской агиографии. XVI столетие становится «апогеем похабства», и, не случайно сложившись как институт одновременно с самодержавием, оно в это время даже начинает восприниматься социумом как форма общественного контроля за властью⁴⁴.

Таким образом, в рамках предлагаемой модели юродство с XI в. знакомо русским монашеским практикам, более того, «было на Руси хорошо известно по византийским образцам» и даже обрело там неожиданно широкое признание, выражающееся в от-

четливо выраженном культе Андрея Константинопольского и Покрова⁴⁵. Впрочем, имен юродивых, помимо Исаакия и Авраамия Смоленского, «от раннего времени не сохранилось»⁴⁶ (как помним, они почитались в лике преподобных). Начиная возникать впоследствии, в XV в., местные *легенды* о необычных святых, в конце того же столетия получают агиографическую обработку в духе византийской юродской парадигмы, заимствованной из жития Андрея, и впервые это происходит в житии Исидора Твердислова. В результате на рубеже XV—XVI вв. юродство складывается как агиографический жанр и становится к середине XVI в. настолько популярным, что провоцирует появление новых юродивых в реальной жизни. При этом житийная обработка *легенд*, по мнению историка, была настолько *оглушительна*, что уничтожала почти все ранние детали и индивидуальные черты, делая их неразличимыми, — всерьез судить по ним о том, что было в реальности, почти невозможно, как и невозможно датировать появление конкретных житий. Предшествовавшие же житиям «легенды о нестандартных святых» появляются на Руси «как можно догадываться, по тем же самым причинам, по которым они появились тысячелетием ранее в Византии»⁴⁷.

Эта общая схема формирования русской юродской парадигмы, впервые предложенная С.А. Ивановым в 2005 г. («Блаженные похабы: культурная история юродства»), без серьезных изменений была воспроизведена и в последнем, исправленном и дополненном, издании его монографии 2019 г. Альтернативных вариантов или каких-то содержательных возражений по ее поводу за прошедшее время в историографии предложено не было. Новейшие работы, посвященные русскому юродству, выполнены в классической традиции восприятия его как целостного феномена, подвергая анализу топику юродских житий вообще и юродство как элемент поведенческой модели русских святых в его восприятии агиографами, но при этом не концентрируя внимания на динамике происходивших процессов и не предполагая рассмотрения аспектов юродства в хронологическом разрезе⁴⁸.

Отдавая должное научной ценности концепции С.А. Иванова, ставшей чрезвычайно значимым шагом вперед в более чем вековой истории изучения русского юродства, мы, однако, хотели бы попытаться внести в нее некоторые, кажущиеся нам значимыми, коррективы и уточнения, в значительной мере связанные с появ-

лением ряда новых работ и с продолжающимся исследованием и публикацией источников. В «древнерусской» главе своего труда ученый не разбирает тех условий и тех факторов, с которыми было связано появление «собственно русского *похабства*» и последовавшего процесса «*русификации* юродства», хотя именно исследование «непосредственного происхождения, а также оформления и бытования реального культурного феномена, который мог возникнуть лишь во вполне определенных исторических условиях», по-прежнему, как и в 1994 г., заявляется целью его работы⁴⁹. Применительно к причинам зарождения устной традиции о нестандартных святых и формирования парадигмы юродской святости на Руси в XV в., в данной работе, как сказано выше, высказывается лишь предположение, что эти причины были идентичны византийским, действовавшим тысячелетием ранее⁵⁰. По поводу же Византии говорится, что там «в V в. обычное подвижничество стало казаться уже недостаточным для святости и религиозное сознание требовало чего-то необыкновенного», следствием чего и стало появление юродства. В другом месте условием возникновения этого культурного феномена названо ощущение культурой «угрозы *заиливания*, когда христианство не подвергается гонениям, а христианское государство — угрозе со стороны иноверцев; когда жертвенность, мятежность, парадоксальность раннего христианства постепенно уступают место покладистости и компромиссу»⁵¹. Применительно к Коринфу — «стартовой площадке второго издания юродства» — рост города, ведущееся там строительство и развитие его экономики, на взгляд ученого, провоцируют и появление там юродивого — «непременного обвинителя благополучной христианской жизни»⁵². При этом общая позиция Иванова предполагает, что изначально юродивые — это лишь «литературные персонажи, появившиеся в ответ на внутреннюю духовную потребность общества, если за ними и стояли какие-то реальные прототипы, то они без остатка растворились в литературе»⁵³.

С подобным подходом, как видится, связан декларируемый С.А. Ивановым скепсис по отношению рассматриваемого как некий цельный массив всего объема русских юродских житий, которые с применением восходящей к В.О. Ключевскому и Г.П. Федотову историографической топики оцениваются ученым как основа, непригодная для надежных выводов, и как источниковая база, по которой невозможно восстанавливать хронологию юрод-

ства. Поскольку в рамках обсуждаемой концепции существовавшая когда-то реальность применительно к конкретным персонажам, ставшим впоследствии прототипами для создания образов юродивых, в процессе агиографического творчества оказывается невосполнимо искажена, подогнана формирующей и порождающей юродство культурой под юродскую культурную парадигму, постольку по отношению к житийным текстам заявлена сугубо скептическая позиция. Отметим все же, что те выводы, которые исследователь по поводу реальных обстоятельств появления и бытования рассматриваемого им в качестве культурного феномена юродства все-таки делает сам или воспринимает из историографии в качестве достоверных, сделаны именно на этой базе.

Мы не берем на себя задачи анализа культурных аспектов зарождения и бытования юродства, для нас оно интересно и важно как явление изменяющейся социальной реальности рубежа русского Средневековья и раннего Нового времени. Источники XVI в. убедительно фиксируют и относительную многочисленность людей, причисляемых тогда обществом к юродивым (при этом, как минимум, часть из них действительно осмысляла самих себя в рамках именно этой парадигмы), и значимое место данной группы в обществе, и реальность существования в нем же обуславливающих особый статус этой группы культов святых юродивых, почитание которых, с одной стороны, могло служить интегративным механизмом в пределах социума, а с другой могло, напротив, представлять собой важный элемент самоидентификации отдельных, почитающих их память, сообществ⁵⁴.

Соответственно, зарождение и формирование обсуждаемого социального феномена, резко отличавшего русское общество раннего Нового времени от современных ему, представляет для нас интерес именно в обнажающих механизмы этих процессов историческом и хронологическом аспектах. Таким образом, реконструкция хронологии складывания конкретных культов, а также появления и дальнейшего развития отражающих и развивающих эти культы агиографических текстов, формирующих русскую парадигму юродства, представляется по-прежнему актуальной задачей. На наш взгляд, постулируемая С.А. Ивановым невозможность датировать историческими методами конкретные житийные памятники все же преувеличена, особенно для ситуации середины XV — первой половины XVI в., когда источники уже более много-

численны и более разнообразны в сравнении с предшествующим древнерусским периодом, что позволяет сопоставлять агиографические данные между собой внутри различных редакций и с летописями, актами, богослужебными книгами, а также с датированным иконографическим материалом. Культ, в отличие от таких религиозных и культурных феноменов, как *святость* или *юродство*, представляет собой социальную реальность, объективацию коллективных представлений в конкретных формах *социальной памяти* — ритуалах, практиках, артефактах⁵⁵, оставляющую вполне материальные следы, не сводимые лишь к тексту жития. Исследование культов предполагает внимание не только к собственно житиям, но и ко всему отражающему реальное почитание комплексу источников, важную роль среди которых играют записи чудес святых⁵⁶, описания форм их почитания, указания об их памятниках, похвалы и службы им. Привлечение этого комплекса предоставляет новые возможности в получении информации из самих житийных текстов.

С учетом всего вышесказанного, предложим ряд видящихся нам значимыми наблюдений. При том, что юродство как подвиг некоторых из чтимых церковью святых и как аскетическая практика, вне сомнения, было известно на Руси в монашеских кругах, в среде искушенных в церковной книжности, нам сложно разделить мнение, что оно обрело и на протяжении XII—XIV вв. сохраняло на Руси сколь-нибудь широкое признание как самостоятельный вид святости. Приведенный в подтверждение этого С.А. Ивановым факт существования списков древнерусского перевода Жития Андрея Константинопольского вряд ли сам по себе может об этом убедительно свидетельствовать, и в подтверждение своей позиции ученый предлагает схему, по которой возникновение праздника Покрова на Руси «прочно связано» с особым почитанием там Андрея. Думается, все же куда более вероятно обратная связь: именно широчайшее почитание на Руси этого Богородичного праздника обеспечило появление новых списков жития святого, удостоенного видения Покрова Богородицы⁵⁷. В пользу подобного варианта, скорее, говорят приводимые исследователем данные иконографии: в период, когда, согласно С.А. Иванову, почитание Андрея свидетельствовало об известности на Руси юродства, тот изображается на иконах Покрова, подобно Иоанну Предтече — в милоти, не как юродивый, а как про-

рок. Собственно юродские же черты в его облике появляются лишь с конца XV и особенно ярко — только в XVI в., когда юродство на Руси уже действительно стало признанной и хорошо знакомой формой святости⁵⁸. Это позволяет предположить, скорее, влияние тогдашнего роста почитания юродства и на восприятие константинопольского святого, который теперь широко *узнается* уже именно в качестве юродивого⁵⁹.

Сам термин «похаб», применяемый С.А. Ивановым в отношении всех принадлежащих к русской парадигме юродства святых, в реальности, как было отмечено, в значении «юродивый» широко используется лишь в древнерусском переводе жития Андрея Константинопольского и в выдержках из него, вновь появляясь уже в текстуально зависящих от этого памятника более поздних житиях русских юродивых, написанных не ранее второй половины XVI—XVIII вв.⁶⁰ В жития же, создаваемые собственно в XV — первой половине XVI в., то есть как раз в то время, когда формируется русская агиографическая парадигма юродства, по мнению ученого, возникающая под воздействием прежде всего жития Андрея, данный термин не проникает, что плохо сочетается и с гипотезой об особой роли в этом процессе данного жития, и с уверенностью в широком почитании на Руси Андрея в XII—XIV вв. именно в качестве определяющего лица юродской святости.

Все это не позволяет разделить позицию С.А. Иванова, согласно которой благодаря широкой известности Андрея именно через посредство его жития русская агиография и русское юродство восприняли городскую юродскую парадигму. В доказательство этому приводится лишь увеличение числа списков жития Андрея в XVI и XVII вв. в сравнении с XV в.⁶¹, но это, как уже говорилось, с не меньшей вероятностью могло быть, напротив, спровоцировано тогдашним взлетом популярности юродства. Примеров же конкретных прямых заимствований оттуда именно в период формирования русского извода юродства исследователем не сообщается, за исключением пространного жития Прокония Устюжского (именно на это житие опирался и Г.П. Федотов, первым высказавший идею об определяющей роли жития Андрея Царьградского⁶²), однако данный памятник был создан, как в другом месте указывает и сам С.А. Иванов, лишь в середине XVII в.⁶³ С учетом этого возможное воздействие мотивов житий не одного только Андрея, но и Симеона Эмесского, Василия Но-

вого, а также таких, не входящих в число собственно юродивых святых, как Алексей человек Божий и Иоанн Кущник⁶⁴, в период формирования русского юродства в XV — начале XVI в. пока что видится ничуть не менее вероятным, и, возможно, не менее значимым. Само же юродство в качестве самостоятельного рода святости и выделенной им особой группы святых на протяжении XI—XIV вв., насколько можно судить, если в какой-то мере и присутствовало в религиозном сознании древнерусского общества, то где-то на его периферии, вне рамок возможного в современности и актуального, не оставив, во всяком случае, явных следов в имеющихся источниках. С этим, вероятнее всего, связан и тот факт, что отдельный лик юродивых или блаженных Христа ради при изображении всех святых в русской иконографии фиксируется не ранее второй четверти XVI в.⁶⁵

Еще одним элементом концепции появления русской юродской парадигмы в работах С.А. Иванова является положение о предшествовавших ей и бытовавших в XV в. за пределами *официальной агиографии* легенд о нестандартных святых, впоследствии подвергшихся агиографической обработке в юродском ключе, которая почти полностью уничтожила их индивидуальные черты. Применительно к интересующим нас ранним юродским культам в качестве свидетельств об этом, как можно судить, предлагаются наблюдения, по которым сам термин «юродивый» не всегда прилагался к героям некоторых собственно юродских житий. Так, сказано, что в основном тексте жития Исидор Ростовский еще «не называется юродивым, а именуется *блаженным* и превозносится за *Христа ради странствие и премногое терпение*», хотя «все же бегло упоминается, что он *яко юрод хождаше*»⁶⁶. Затрудняемся предположить, на какой список жития опирается такое утверждение, и как в конкретных пассажах текста возможно различить степень их беглости, но укажем, что в весьма краткой Основной редакции жития Исидора, стабильность текста которой и во всех последующих ранних редакциях особо отмечена исследователями⁶⁷, помимо ее собственного заглавия юродство применительно к этому святому в различных контекстах упомянуто еще шесть раз: сказано, что он после ухода из дома «приемлет юродственное житіе», что он «яко юрод хождаше», что его «мняхоу яко юрода», что в Ростове он «весь день на юродство вдается» и «на улицах градскихъ юродство творяша», княжий приставник зовет

Исидора «юроде», и, наконец, сам святой, обращаясь к епископу, «яко юроднаа глаголеть»⁶⁸. Что касается эпитета *блаженный*, то он мог быть приложим к представителям различных чинов святости и с самого начала традиционно используется в отношении причисленных к лику юродивых⁶⁹.

Прокопий Устюжский тоже, считает С.А. Иванов, «изначально не мыслился как юродивый»: «ярлык *юродивый*» он получает «только в XVII веке»⁷⁰. В данном случае, однако, аргумент, что в первой редакции Устюжской летописи Прокопий поименован лишь «святым» и «праведным», вряд ли выглядит, на наш взгляд, достаточно весомым⁷¹, с учетом того, что уже в наиболее раннем агиографическом памятнике середины XVI в., посвященном Прокопию, «Повести о подвигах и чудесах Прокопия, Устюжского юродивого» и в заголовке, и затем в тексте этот святой назван именно юродивым («Быс некий муж уродивый Христа ради именем Прокопей, живяще в паперти у церкви святыя Богородица...»⁷²), и это не мешает агиографу далее называть его и праведным, и блаженным. Подобное предполагаемое отличие Прокопия от определяемого агиографической традицией как его последователя в юродстве Иоанна Устюжского служит С.А. Иванову основой еще и для гипотезы, что в реальности, напротив, на культ Прокопия мог воздействовать культ Иоанна, который в отличие от первого и изначально «воспринимался похабом», и изображался полюбощенным, и в «официальном описании города Устюга 1630 г.» именуется *юродивым*, в отличие от называемого там же *праведным* Прокопия⁷³. Более того, если «по житийному сюжету Иоанн пришел в Устюг из деревни, чтобы поселиться и юродствовать над гробницей своего предшественника Прокопия», то с точки зрения истории текста житие Иоанна, напротив, «появилось раньше Прокопиева, в 1554 г.», в то время как второе возникло, как указывает ученый, лишь в XVII в.⁷⁴ При этом житие Иоанна «сочинил устюжанин, сын местного священника», включивший в свое повествование многочисленные местные детали, т. е. эта житийная традиция еще и оценивается С.А. Ивановым как более достоверная.

Вынуждены уточнить тут, что еще по мнению В.О. Ключевского оба наиболее ранних агиографических текста об этих святых — и «Повесть о подвигах и чудесах Прокопия Устюжского», и житие Иоанна Устюжского — были написаны одновременно, в 1548—1552/3 гг., одним и тем же автором, сыном устюжского соборного

протопопа⁷⁵, причем эту позицию поддержали и все последующие исследователи⁷⁶. С учетом того, что оба юродивых жили и были погребены у стен этого собора, их агиограф находился в идеальном положении с точки зрения доступа к информации о них, и его взгляд на принадлежность обоих к юродивым и на их взаимную последовательность сложно ставить под сомнение. Более того, ей соответствует и то, что применительно к биографическим обстоятельствам Прокопия автору жития известен только факт его юродства у соборной паперти и последующей кончины и погребения там, сведения же об умершем в 1512 г.⁷⁷ Иоанне куда богаче. При этом входящие в житие посмертные чудеса Прокопия по упоминаемым в них историческим лицам и реалиям в большей своей части уверенно датируются 1510—1530-ми гг.⁷⁸ Все это вынуждает принять предложенную агиографией последовательность жизней реальных прототипов этих агиографических персонажей, сделав вывод о параллельном развитии этих двух культов в первой половине XVI в., и, таким образом, если какое-то их взаимовлияние тут и имело место, то оно явно должно было быть обоюдным. Следовательно, тезис об определяющем воздействии культа юродивого Иоанна на почитание «нестандартного святого» Прокопия не находит подтверждения.

По поводу мнения, что культ Прокопия прослеживается с середины XV в., и что «достоверно известно» о построении в Устюге церкви в его имя в 1458 г., впоследствии снесенной по распоряжению церковных властей, а также о сооружении новой по обету в 1471 г.⁷⁹, заметим, что эти подробности и точные даты происходят лишь из пространного жития Прокопия, которое появляется в середине XVII в. и содержит большое количество новых деталей, признаваемых поздними и не вызывающими доверия (приход из Немецкой земли в Новгород, встреча с Варлаамом Хутынским, сконструированная дата кончины юродивого, о чем пишет и сам С.А. Иванов, и т. п.). В случае достоверности этих сведений, отсутствие их у хорошо информированного устюжского агиографа середины XVI в. сложно объяснить, как и предположить, что их два столетия берегла устная традиция, обычно совершенно нечуткая к точным и ничего для нее не значащим датам⁸⁰. Не находит подтверждения и восходящее к В.О. Ключевскому мнение о написании службы Прокопию в XV в.⁸¹ С учетом всего этого известия о начале почитания Прокопия могут быть отнесены к концу XV в.⁸², дей-

ствительно же надежные данные о существовании культа и Прокопия, и Иоанна Устюжских датируются первой половиной XVI в.

Принять мнение С.А. Иванова о «довольно рано засвидетельствованном статусе *похаба* и факте поклонения» по поводу Максима Московского⁸³ также не представляется возможным: как заметил А.Г. Мельник, запись, относящая его кончину и погребение к 1433 г., отсутствует в летописании XV в., возникая лишь во Владимирском летописце первой четверти XVI в., где, судя по всему, носит характер вставки, реальные же данные о почитании первого московского юродивого (указание дня его памяти, а также запись о чуде от его мощей) появляются только на рубеже XV и XVI вв., 1520-ми гг. датируются и наиболее ранние рукописи, содержащие тропарь и кондак Максиму⁸⁴. Добавим тут, что в связи с датой кончины Николы Кочанова, дошедшей в посвященных ему текстах (6900, т.е 1392 г.), было высказано значимое наблюдение, по которому нередко таким образом (без указания числа десятков и единиц годов) книжники датировали те события, точная дата которых им была неизвестна (т.е. указано лишь на столетие между 1392 и 1491 гг., когда-то в котором, по мнению авторов первых посвященных этому святому агиографических памятников середины XVI в., скончался их герой)⁸⁵. При этом в сделанной в Новгороде, где тогда уже было известно вошедшее в Софийский список Великих Миней Четиех житие Исидора, записи двух чудес Николы, одно из них (о чуде на пиру) было заимствовано из жития ростовского святого⁸⁶. Таким образом, достоверные известия о почитании в качестве святых наиболее ранних юродивых, помимо Исидора Ростовского, относятся лишь к рубежу XV—XVI вв. и к первым десятилетиям XVI в.

В рамках гипотезы о бытовании в XV в. предшествовавших формированию собственно юродских культов легенд о нестандартных святых по поводу Прокопия Устюжского С.А. Ивановым предполагается, что его образ изначально был связан «с какими-то местными языческими представлениями» и только затем этот святой «наверстал свое юродство». Как уже сказано, мы не можем разделить мнение, что на раннем этапе формирования почитания устюжского святого он еще не мыслился юродивым, основанное лишь на том, что в источниках к нему прилагаются эпитеты *святой* и *блаженный*: подобные эпитеты постоянно применяются по отношению к представителям чина юродивых Христа ради,

и уже в наиболее ранних текстах Прокопий, наряду с этим, определяется как *юродивый*. Что касается «языческих представлений», то к их числу С.А. Иванов относит устойчивую норму его изображения с тремя кочергами в руке⁸⁷, а также традицию, согласно которой то, как именно юродивый держал эти кочерги, являло собой пророчество об ожидаемом урожае и запрет на кошение сена в день памяти Прокопия (иначе стогам угрожала молния)⁸⁸. Заметим, однако, что подобная интерпретация в духе сельскохозяйственной магии также появляется лишь в позднем пространном житии святого и вполне может быть вторична по отношению к иконографии; к поздним этнографическим свидетельствам относится и запрет на косьбу. Кочерги же, как визуальный атрибут святого, проще связать или с запомнившейся реальной деталью внешнего облика, не нашедшей житийной интерпретации, или с модификацией иконописцами посоха — неизменного атрибута нищих и странников⁸⁹, во всяком случае, мнение об изначально языческом характере этого атрибута не имеет подтверждений.

Таким образом, гипотеза о предшествовавшем формированию собственно юродской парадигмы распространении легенд о нестандартных святых, впоследствии ставших прототипами прославленных в чине юродивых Христа ради, применительно к позднему русскому средневековью не находит прямых подтверждений в источниках. Дошедшие свидетельства о зарождении и первоначальном бытовании культов первых святых юродивых не выходят явно за рамки этой парадигмы, более того, все подобные свидетельства, за исключением касающихся почитания наиболее раннего из этих святых — Исидора Ростовского, относятся к самому концу XV — первой половине XVI в.

Это неудивительно, если учесть некоторые дополнительные обстоятельства. Мифологизированное представление о Святой Руси как о пространстве, наполненном множеством святых и пронизанном их святостью, когда чудотворящая святость ожидается на каждом шагу и может проявиться в ком угодно и где угодно — в любом нищем, в монахе-отшельнике, в неведомом мертвом теле, принесенном рекой, в забытом погребении безвестного князя — применительно к реальным русским землям XIV — первой половины XV в. может выглядеть убедительным только в преломлении сквозь призму позднейшей действительности раннего Нового времени XVI—XVII вв., когда тщательный и целенаправ-

ленный «обыск» о «новых чудотворцах», предпринятый в 1540-х годах окружением митрополита Макария и их последующее массовое прославление, сопровождавшееся созданием служб и житий и установлением им празднований, отчасти зафиксировали, а отчасти сами сформировали новую ситуацию в данной сфере религиозного сознания и обусловленных им практик.

Реальность предшествующего периода, раннего и развитого русского Средневековья, однако, носила в этом смысле несколько иной характер, скорее, внутренне негативный в отношении к зарождению и распространению новых местных культов, к прославлению и последующему развитию почитания новых русских святых. Перечень тех из них, кто удостоился широкого почитания, выражающегося в установлении регулярного празднования, во внесении памятней им в Пролог и в посвящении им храмов, оказывается чрезвычайно краток. Борис и Глеб в этом смысле занимают недостижимую для других культов высоту, почитание прочих русских святых оказывается по большей мере локальным, при этом они еще и очень немногочисленны: Леонтий, Исая и Игнатий Ростовские, Феодосий Печерский, Варлаам Хутынский, князь Владимир и еще лишь несколько⁹⁰. Даже создание яркого житийного текста, как и высочайший статус при жизни, и действительно мученическая кончина не гарантировали ни интенсивности последующего почитания, ни вообще развития и распространения культа, как в случае с князем Михаилом Тверским, свидетельств реального почитания которого в качестве святого не обнаруживается вплоть до раннего Нового времени. И несомненное мученичество за веру, и появление ряда агиографических произведений, включенных в Прологи, и сооружение дочерью храма в его имя не обеспечило последующего устойчивого культа для святого князя Михаила Черниговского и боярина его Феодора: даже эта единственная церковь не сохранилась до XVI—XVII вв. Показательны в этом смысле известные сложности с выявлением убедительных следов раннего почитания князя Владимира и княгини Ольги⁹¹. То, с каким трудом и как медленно упоминания о праздновании нескольких памятней новых русских святых (митрополита Петра, Сергия Радонежского) на протяжении XV в. проникают в месяцесловы нового Иерусалимского устава⁹², как и малочисленность посвященных русским святым записей в Прологах⁹³, и минимальный уровень почитания большинства из них трудно интерпретировать иначе, как в каче-

стве свидетельств отсутствия какого-то мощного внутреннего запроса на появление и распространение новых культов, сдерживаемых и низкой интенсивностью социальных коммуникаций, и внутренним консерватизмом богослужбных и церковно-административных практик русского Средневековья. Эта действительность радикально отлична от реалий последующего периода второй половины XV—XVII вв., когда обретения мощей чудотворцев уже становятся нередким явлением, и свои, местные святые покровители начинают возникать практически повсеместно, сквозь призму которых теперь воспринимается русская средневековая святость. Следует иметь в виду, что большинство русских святых, воспринимаемых как средневековые, были прославлены как *новые чудотворцы* только лишь в раннее Новое время. Мнение, что задолго до того множество из них могло почитаться как святые на местном или епархиальном уровне⁹⁴, также не подтверждается: ни рукописи, ни иконы и фрески, ни иные источники XIII — начала XV в. не содержат убедительных свидетельств, позволяющих предположить даже минимальную распространенность бытования подобных локальных культов.

Применительно к возможности сколько-нибудь широкого зарождения местных легенд о нестандартных святых, в том числе и о юродской святости, в рассматриваемый период действовало еще одно серьезное ограничение: закрепившаяся на Руси традиция прославления святых в XI — начале XV в. молчаливо предполагала такую возможность и без того, как было показано, весьма редкую, лишь для тех, кто покоился в соборах, для представителей элиты: князей, архиереев, настоятелей монастырей⁹⁵. Важным условием формирования культа было наличие устойчивого и хорошо организованного, связанного с почитаемым и воспринимающего его как своего патрона сообщества: епископской кафедры с соборным клиром или братии монастыря. В этом отношении практическая применимость византийской юродской парадигмы из русской перспективы неизбежно должна была восприниматься как вряд ли возможная в действительности.

Более того, даже в самой тогдашней Византии, несмотря на сохраняющееся почитание Симеона Эмесского и Андрея Константинопольского, юродство не мыслилось как находящееся в ряду магистральных путей, ведущих к святости, а отношение к реальным его представителям со стороны церковных иерархов было

как минимум прохладным и настоженным⁹⁶. При этом необходимо иметь в виду, что русская церковь вплоть до середины XV в. пребывала под властью константинопольского патриархата, бытующие в Византии нормы и практики в значительной мере определяли ее внутреннюю жизнь, а во главе ее большую часть рассматриваемого периода стояли греческие митрополиты. С учетом того, что ни окружение Киприана, ни Фотия никак не выказывало какой-то приверженности к *нестандартной* или к юродской святости, трудно предположить для первой половины XV в. возможность значимого всплеска интереса к подобной религиозной экзотике в русском общецерковном сознании. К тому же заметим, что историческая реальность Северо-Восточной Руси этого времени, насколько она известна, мало способствует тому, чтобы предполагать там реальную угрозу *заиливания* христианской культуры, вызванную политической стабильностью и экономическим благополучием, о которой, как об условии появления легенд о необычных святых и начала складывания юродской парадигмы, пишет С.А. Иванов. Масштабные военные столкновения с татарами, Литвой и Новгородом, частые пожары, набеги и разорения даже крупнейших городов, вспышки эпидемий и голода, дополненные вспыхнувшим династическим кризисом и длительной междоусобной войной, вряд ли сочетаются с предполагаемым назреванием в обществе внутренней необходимости юродской провокации для обличения слишком благополучной жизни.

С учетом этого укажем на одно весьма значимое, на наш взгляд, хронологическое обстоятельство. Имеется в виду заметный временной разрыв между становлением почитания Исидора Твердислова и возникновением культов прочих ранних святых юродивых. Его житие с описанием его погребения и с чудом «о презвитере», случившимся «многым оубо лѣтѣм пришедшым» после кончины Исидора, известно уже в списке 1470-х годов⁹⁷; память «святаго блаженнаго Исидора иже Христа ради уродиваго, нарицаемого Твердислова ростовского чудотворца», упомянута уже в рукописи 1487 г.⁹⁸, а в самом конце XV — начале XVI в. уже наличествует в виде реальных дошедших списков его полностью сформировавшаяся агиографическая традиция — житие, похвала, два блока посмертных чудес, служба святому, уже давно существуют его образ, канон ему и церковь, сооруженная у места его погребения⁹⁹. Более того, церковная и следующая ей научная тра-

диции, относившие его кончину к 1474 г., основаны на неверной дате, появляющейся лишь в XVII в., исторические реалии же, сохраняющиеся в житии Исидора (титулатура ростовского архиепископа, упоминание правящего митрополита как служащего в Киеве, актуальность для ростовцев орденского происхождения святого), вынуждают отнести появление жития и начало формирования культа к середине — началу второй половины XV в., а самую деятельность его героя — к предшествующему периоду¹⁰⁰. При этом, как убедительно показывают исследования, в первые десятилетия XVI в. известность Исидора уже шагнула далеко за пределы Ростовской земли и даже обширной Ростовской епархии: вопреки мнению об «объявлении Исидора общерусским святым между 1552 и 1563 г.» тот не был прославлен на Макарьевских соборах середины XVI в. именно потому, что к тому времени воспринимался как давно уже прославленный святой¹⁰¹.

В сравнении с почитанием Исидора культы других юродивых явно следуют за ним, уступая ему в динамике: первые единичные свидетельства о почитании Прокопия Устюжского и Максима Московского, как говорилось, относятся только к самому концу XV в. и к рубежу XV—XVI вв., становление же их культов и культа Иоанна Устюжского происходит уже на протяжении первых десятилетий XVI в. При этом посвященные им и добавившемуся к ним Николаю Кочанову житийные тексты появляются только лишь в середине столетия (за исключением Максима, так и не получившего тогда жития), т. е. более чем на полвека позже, чем житие Исидора. Складывающаяся картина позволяет выдвинуть осторожное предположение, что именно появление жития Исидора, ярко продемонстрировавшее саму возможность интерпретации биографии известного горожанам маргинала как жития святого в рамках византийской юродской парадигмы, спровоцировало появление этих последующих культов. В данном смысле мы абсолютно солидарны с С.А. Ивановым, считающим, что с этого ростовского святого и следует отсчитывать историю русского юродства.

В то же время, нам трудно согласиться с мнением, что в сообщении жития, по которому Исидора погребают «нѣци богобоязниви моужіе, иже вѣроу имоуще к блаженному», присутствует редкое указание на прорывающуюся «затекстовую реальность», где существовали как «имущие веру» к святому, так и не упомянутые никак в житии ростовцы, напротив, ему осознанно

и убежденно не верившие, при этом последние еще и «сомневались не в его безумии, а в его соответствии хорошо известному юродскому стандарту»¹⁰². Вряд ли, однако, это вполне традиционное описание погребения блаженного теми, с кем он был близок при жизни, выдержанное в рамках обычной житийной топики, дает надежную почву для столь далеко идущих выводов о широкой известности в тогдашнем Ростове нормы юродского поведения и о подозрениях со стороны части ростовцев по отношению к Исидору в лжеюродстве. Если тут и есть почва для реконструкции *затекстовой реальности*, проще предположить в «имевших веру» к считавшемуся полубезумным нищему и взявших на себя его похороны тех, кто, следуя традиции, принимал на себя непосредственную заботу о нем при жизни, веря в действенность его ответной прижизненной и посмертной молитвы за благодетелей, и связать с ними же зарождение его посмертного почитания¹⁰⁵.

Отношение к городским нищим и сумасшедшим в русском средневековом социуме не было связано с юродской парадигмой, оно было сформировано в рамках общехристианской парадигмы нищелюбия и заботы об убогих. Слепцы, хромцы, больные, калки, странники и нищие, обитающие при храмах, наравне с монашествующими включались тогдашним правом в число *церковных людей*. Милость к нищим входила в число предписываемых обществом благодетелей, особенно важных для представителей социальной элиты. Заметим здесь, что та социальная группа, к которой с точки зрения социума принадлежали и все, кто оказался в числе прототипов будущих героев первых житий святых юродивых, в средневековой Руси вплоть до появления там собственной юродской парадигмы не воспринималась как хотя бы в минимальной степени возможный источник появления кандидатов на прославление в качестве святых чудотворцев.

По поводу причин, способствовавших зарождению почитания Исидора в прежде не существовавшем на Руси лике святости, мы ранее уже высказывали предположение, связывающее этот феномен с современным ему шоком от развернувшейся деконструкции политико-социальных основ устройства ростовского социума в процессе поэтапной утраты власти местным княжеским домом, дополненного в ходе династических конфликтов между московскими князьями еще и военными столкновениями, от которых долгое время сильно страдал ставший беззащитным тогда

город¹⁰⁴. В ситуации 1430—1440-х годов горожане явно ощущали себя лишенными привычного покровительства и защиты со стороны как прежних реальных (княжеский дом и епископская кафедра), так и сакральных (связываемые с этой кафедрой святые ростовские епископы) патронов Ростова, что могло способствовать зарождению там совершенно нового культа¹⁰⁵. Лишившаяся контроля со стороны Константинополя русская церковная организация уже почувствовала себя достаточно свободно, видимо, даже и для того, чтобы допустить подобные новации. При этом стоит заметить, что получившая от заинтересованного в ее поддержке поставленного русскими епископами митрополита Ионы статус архиепископии ростовская кафедра в XV в. оказывается наиболее влиятельной в Северо-Восточной Руси. Напомним, что именно с благословения своего епископа ростовцы, согласно житию, сооружают церковь у места погребения Исидора, и, как резонно указал А.Г. Мельник, само зарождение и развитие почитания святого, покоящегося в нескольких сотнях метров от епископской резиденции¹⁰⁶, неизбежно предполагает лояльность *официальной церкви* к новому культу.

Наличие в Ростове середины XV в. развитой культурной среды, квалифицированных агиографов и книжного наследия, сумевшего пережить катаклизмы XIII—XIV вв.¹⁰⁷, позволило создать не носящий вторичного характера по отношению к какому-то из предшествующих памятников житийный текст, корректно адаптирующий юродскую топику к реальным условиям Руси. При этом выдвинутая в качестве возможной версия происхождения из рода великого магистра снимала препятствие к восприятию Исидора как святого в виде низкого социального статуса.

Ростовский агиологический опыт в ситуации второй половины — конца XV в., когда число вновь прославляемых чудотворцев начинает расти и свои святые появляются все в новых центрах (что не могло не провоцировать поиска святых покровителей в тех из них, где таких еще не было), оказывается замечен и спустя некоторое время востребован. Насколько можно судить, раньше всего почитание следующих новых представителей этого вида святости начинает складываться в Устюге, и тут нельзя не отметить, что Устюг издавна подчинен ростовским владыкам, входя в их епархию. Как представляется, помимо ориентации на архиепископскую кафедру, зарождению подобного культа там мог спо-

собствовать и еще один фактор: для клира устюжского собора, где не было ни епископских, ни княжеских погребений, только почитание памяти юродивого могло обеспечить храм и его сообщество, как и весь являвшийся тогда весьма крупным город, собственным святым патроном. Исходя из этого, те обстоятельства, что, судя по всему, записи чудес начинают вестись именно при соборе и что в качестве персонажей этих чудес фигурируют два соборных священника, Григорий и Доментиан, и что жития Прокопия и Иоанна в итоге создает сын постригшегося (судя по всему, после кончины супруги, как того требовала тогдашняя норма) соборного протопопа, приобретают общий для них всех контекст.

Территориальная и политическая близость Ростова и его кафедры к Москве, учитывая, что значительную часть своего времени ростовские владыки пребывали в их московской резиденции¹⁰⁸, а московские государи, напротив, регулярно посещали Ростов, становящийся важным пунктом их поездок на богомолье¹⁰⁹, вкпе с быстрым распространением известности святого Исидора Твердислова в крупных монастырских центрах, включая Троице-Сергиев монастырь, позволяют предположить различные пути проникновения выработанной ростовскими книжниками агиологической модели в религиозное сознание москвичей, вскоре нашедшей, как видится, свое выражение в почитании памяти Максима Нагоходца.

Именно предложенный в Ростове вариант, при котором прославленным чудотворениями святым оказывается тот, кто воспринимался городским социумом как нищий и безумец, становится определяющим в русской юродской парадигме, и именно применительно к Исидору, который «приемлет... wt Бога дарь прозорливы», впервые проявляется тема юродского пророчествования, столь значимая впоследствии для русского юродства. При этом и в житии Исидора, и в других ранних юродских житиях не акцентируется тема юродской провокации, которую С.А. Иванов считает принципиально значимой для феномена юродства, что вынуждает предположить, по крайней мере, минимальность значения этой темы на первом этапе формирования русской юродской парадигмы¹¹⁰.

Использованный при создании жития Исидора Ростовского городской вариант византийской парадигмы юродства, как представляется, оказался весьма продуктивен, поскольку предостав-

лял возможность обретения собственных святых покровителей для крупных городских сообществ, утрачивающих свои привычные прежние символы социальной и политической идентичности в виде княжеских домов с их главами и крайне значимых для русских средневековых городов боярских структур. Заметим, что новый тип святости в своем житейском, повседневном измерении оказывается тесно связан с массами населения крупных городских центров Московского государства, и в этом смысле его *демократизм* коррелирует с этой выходящей на политическую арену в раннее Новое время новой социальной группой¹¹¹.

Подводя итоги, со всей неизбежностью приходится отметить предварительный характер части сделанных выводов. Необходимым условием полноценного анализа формирования и зарождения и становления русской парадигмы юродства и соответствующей ей агиологической модели юродской святости остается тщательное исследование рукописной традиции ранних агиографических и гимнографических памятников, посвященных первым русским юродивым, сопровождающееся их полноценной научной публикацией и исследованием их взаимосвязей, что применительно к рассматриваемой группе ранних юродских культов еще далеко от завершения. Вместе с тем, основные выводы настоящей работы, в число которых мы включаем отсутствие до середины XV в. в русском религиозном сознании юродства как отдельного типа святости и особое место в формировании представления о нем жития Исидора Твердислова, сыгравшего значительную роль на начальном этапе становления русской юродской парадигмы и оказавшего серьезное провоцирующее воздействие на зарождение последующих подобных культов, которые сделали русское юродство важной характерной чертой русской социальной реальности Нового времени, как нам представляется, могут быть использованы в дальнейших исследованиях этого феномена.

¹ Основную библиографию см.: *Иванов С.А.* Блаженные похабы: культурная история юродства. Изд. 2-е, испр. и дополн. М., 2019. С. 403—447.

² *Иоанн (Ковалевский), священник.* Юродство о Христе и Христа ради юродивые восточной и русской церкви. М., 1902 (1-е изд. М., 1895); *Алексий (Кузнецов), иером.* Юродство и столпничество: Религиозно-психологическое исследование. СПб., 1913.

³ *Алексий (Кузнецов), иером.* Юродство... С. 18.

- 4 *Иоанн (Ковалевский), свящ.* Юродство... С. 163—273; *Алексий (Кузнецов), иером.* Юродство... С. 52.
- 5 *Алексий (Кузнецов), иером.* Юродство... С. 47—51.
- 6 *Федотов Г.П.* Русская религиозность. Ч. 2: Средние века. XIII—XV вв. // *Федотов Г.П.* Собр. соч. В 12 т. М., 2004. Т. 11. С. 296.
- 7 Там же. С. 297.
- 8 Там же. С. 298. У В.О. Ключевского, на работу которого ссылается Г.П. Федотов, однако, сказано только лишь о том, что предания о Прокопии и его чудеса начали записывать во второй половине XV в., само же житие отнесено к середине XVI в., а по поводу периода жизни святого указывается на разновременные детали в житии: события XII в. соседствуют с прижизненным предсказанием Прокопия, датируемым 1478 г., при этом его кончина там же отнесена не к 1302, а к 1303 г. (*Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. [репр. изд.: М., 1988]. С. 277—278; С. 277, прим. 1).
- 9 *Федотов Г.П.* Русская религиозность... С. 300.
- 10 Там же. С. 303—304.
- 11 Там же. С. 171.
- 12 Там же. С. 304.
- 13 Там же. С. 310.
- 14 *Федотов Г.П.* Святые древней Руси // *Федотов Г.П.* Собр. соч. В 12 т. М., 2000. Т. 8. С. 171; Ср.: *Он же.* Русская религиозность... С. 310. Решительно не понимаем, почему обнаруживший отсутствие этой хрестоматийной цитаты у Герберштейна С.А. Иванов даже в последнем, исправленном и дополненном издании своей монографии продолжает приписывать ее Станиславу Немоевскому (*Иванов С.А.* Блаженные похабы... С. 377. Прим. 48).
- 15 *Федотов Г.П.* Русская религиозность... С. 209.
- 16 Вначале Г.П. Федотов даже относит прекращение канонизаций уже к XVI в., но впоследствии исправляет эту резко противоречащую источникам дату на XVII в.
- 17 *Федотов Г.П.* Русская религиозность... С. 311.
- 18 *Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырко Н.В.* Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 72—153.
- 19 Там же. С. 81.
- 20 Там же. С. 72. Прим. 1.
- 21 Там же. С. 81.
- 22 *Kobets Svitlana.* The Russian paradigm of iurodstvo and its genesis in Novgorod // *Russian Literature.* Vol. XLVIII. 2000 (4). P. 367—388.
- 23 *Иванов С.А.* Византийское юродство. М., 1994.
- 24 Там же. С. 140—149.
- 25 Там же. С. 5.
- 26 Там же. С. 6—11. Нам не вполне ясно, каким образом возможно судить об исторических условиях возникновения и существования рассматриваемого феномена, предварительно отказавшись анализировать реальность, стоящую за агиографическими текстами. Впрочем, и сам С.А. Иванов, вопреки заявленному им принципу, в своих работах после-

довательно ищет в текстах житий «жизнеподобные детали», позволяющие именно «заглянуть в затекстовую реальность» (Иванов С.А. Блаженные похабы... С. 201, 203).

27 Иванов С.А. Византийское юродство... С. 142.

28 Там же. С. 143—144. Ср.: «Русские жития канонизированных юродивых, в основном, малосодержательны ... удручающе невыразительны и заполнены шаблонной риторикой» (Федотов Г.П. Русская религиозность... С. 290).

29 Иванов С.А. Византийское юродство... С. 144.

30 Там же. С. 146. Прим. 42.

31 Иванов С.А. Блаженные похабы...

32 СККДР. Вторая половина XIV—XVI в. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1.

33 Белоброва О.А., Власов А.Н. Житие Прокопия Устюжского // СККДР. Вып. 2. Ч. 1. С. 322—324; Каган М.Д. Житие Исидора Твердислова // СККДР. Вып. 2. Ч. 1. С. 284.

34 Иванов С.А. Блаженные похабы... С. 197. Указанное предположение было сделано В.М. Сорокатым (Сорокатый В.М. Образ Прокопия Устюжского в иконе // Житие св. прав. Прокопия, Христа ради юродивого, Устюжского чудотворца / Ред.-сост. С.В. Завадская. М., 2003. С. 145).

35 Там же. С. 197—198.

36 Там же. С. 196.

37 Там же. С. 198—199.

38 Там же. С. 199.

39 Там же. С. 198—204.

40 Там же. С. 200—201.

41 Там же. С. 201.

42 Там же. С. 202—203.

43 Там же. С. 204, 210.

44 Там же. С. 214.

45 Там же. С. 195—196.

46 Там же. С. 195.

47 Там же. С. 199.

48 Руди Т.Р. О топике житий юродивых // ТОДРЛ. СПб., 2007. Т. 58. С. 443—484; Она же. Об аскезе юродивых (из истории агиографической топике) // Slověne. 2015. Vol. 4. № 1. С. 455—473; Сукина Л.Б. Юродство как элемент общей поведенческой модели святых русской церкви глазами агиографов XVI — начала XVIII века // Европа святых: Социальные, политические и культурные аспекты святости в Средние века. СПб., 2018. Цель последней из работ сформулирована следующим образом: «Выделить типические черты, которые позволят рассуждать об общем подходе агиографов» (Сукина Л.Б. Юродство... С. 126).

Иванов С.А. Блаженные похабы... С. 22—23.

50 Там же. С. 199.

51 Там же. С. 103.

52 Там же. С. 109.

53 Там же. С. 112.

- 54 *Assman J. Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München, 1992. О репрезентации групп в культе святого-патрона см.: Арнаутова Ю.Е. Формы идентичности в мемория социальных групп // Социальная идентичность средневекового человека. М., 2007. С. 70—72, 87.*
- 55 *См.: Assman J. Kollektives Gedächtnis und kulturelle Identität // Kultur und Gedächtnis / Ed.J. Assmann und T. Hölscher. Frankfurt, 1988. S. 9—19.*
- 56 *Напомним, что выдающуюся надежность сведений о чудесах отмечал еще В.О. Ключевский (Ключевский В.О. Древнерусские жития святых... С. 438).*
- 57 *Заметим также, что в отличие от прочно вошедшей в богослужебный обиход службы Покрову (см.: Лукашевич А.А. Покров // ПЭ. Т. 56. М., 2020. С. 55—56), служба Андрею Константинопольскому вплоть до XVI в. известна лишь в единственном списке (Юсов И.Е. Службы Андрею юродивому и Покрову Пресвятой Богородицы: историко-культурные и межтекстовые связи // ДРВМ. М., 2008. № 2 (32). С. 85—90). Добавим здесь, что в Хождении дьяка Александра в Царьград конца XIV в. упоминание о «святюм Андрее» (ПСРЛ. Т. 4. Ч. I. С. 377), как показал С.Н. Кистерев, также демонстрирует знакомство автора не с Житием Андрея Юродивого, а с проложным Словом на Покров или со Службой Покрову в том виде, который она имела в XIV — начале XV в. (Кистерев С.Н. «Цари царствующие в Константинополе» в русской книжности XV века // Летописи и хроники: Новые исследования. 2015—2016. СПб., 2017. С. 295—296).*
- 58 *Преображенский А.С. Иконография Василия Блаженного: некоторые аспекты изучения // Юродивые в русской культуре. М., 2013. С. 50.*
- 59 *Собственно, и сам С.А. Иванов в другом месте своей работы предполагает именно такой вариант: Андрей «из пророка... превратился в юродивого» (Иванов С.А. Блаженные похабы... С. 200).*
- 60 *Бобрик М.А. К истории понятия юродства: «похабь» и «похабный» на грани церковнославянского и русского // Die Welt der Slaven. LX (2015). N. 2. S. 337—342.*
- 61 *Иванов С.А. Блаженные похабы... С. 199.*
- 62 *Федотов Г.П. Русская религиозность... С. 300.*
- 63 *Белоброва О.А., Власов А.Н. Житие Прокопия Устюжского... С. 323; Иванов С.А. Блаженные похабы... С. 197.*
- 64 *Заметим лишь здесь, что особо отмеченное агиографом погребение Исидора именно на месте его хижины, где тот преставился, находит прямую параллель в житии Иоанна Кущника.*
- 65 *Впервые, как указал А.С. Преображенский (Преображенский А.С. Иконография Василия Блаженного... С. 64), этот лик выделен на иконе «Шестоднев» второй четверти XVI в. из собрания И.С. Остроухова (ГТГ) // Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог древнерусской живописи XI — начала XVIII вв. М., 1963. С. 343; Лазарев В.Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI века. М., 2000. С. 372.*
- 66 *Иванов С.А. Блаженные похабы... С. 201.*
- 67 *Гладкова О.В. Древнерусский святой, пришедший с Запада (о малоизученном «Житии Исидора Твердислова, ростовского юродивого») // Древ-*

нерусская литература: тема Запада в XIII—XV вв. и повествовательное творчество. М., 2002. С. 168. Именно на публикацию жития Исидора в данной работе ссылается С.А. Иванов.

68 *Гладкова О.В.* Древнерусский святой, пришедший с Запада... С. 183—188.

69 *Живов В.М.* Блаженный // *Живов В.М.* Святость: Краткий словарь агиографических терминов. М., 1994; *Андроник, игум. (Трубачев).* Блаженный // ПЭ. Т. 5. С. 352.

70 *Иванов С.А.* Блаженные похабы... С. 198.

71 Даже не принимая во внимание факта, что устюжское летописание дошло до нас в поздних списках XVII—XVIII вв.

72 НИОР РГБ. Ф. 178. Д. 1365. Л. 1, 4.

73 *Иванов С.А.* Блаженные похабы... С. 204.

74 Там же. С. 197, 202.

75 Приняв постриг, его отец стал игуменом Сольвычегодского Борисоглебского монастыря Дионисием, в бытность же главой устюжского белого духовенства, как мы можем предположить с учетом дошедшего устюжского акта, судя по всему, носил имя Дементий, с тем же, видимо, «иереем Доментианом» связано и одно из ранних посмертных чудес Прокопия в Повести о подвигах и чудесах.

76 *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых... С. 278; *Сироткина И.Д.* Сольвычегодская редакция «Жития Прокопия Устюжского» и ее автор // Вестник МГУ. Сер. 9 (Филология). 1990. № 1. С. 52—53; *Белоброва О.А., Власов А.Н.* Житие Иоанна, Устюжского юродивого // СККДР. Вып. 2. Ч. 1. С. 268; *Власов А.Н.* Житийные повести и сказания о святых юродивых Прокопии и Иоанне Устюжских. СПб., 2010. С. 475.

77 *Власов А.Н.* Житийные повести и сказания... С. 283. Заметим, что публикатор жития без комментариев изменяет указание его текста о кончине святого «в лета седмыя тысячи двадцатого» на 7002 (1495) г., видимо, чтобы согласовать дату с Устюжской летописью, датирующей это событие 7003 г., но в известии жития еще и приведены имена великого князя Василия Ивановича (1505—1533) и архиепископа Вассиана (1506—1515), к тому же, в прижизненном чуде Иоанна упомянут прот. Григорий, фигурирующий в акте 1508 г.

78 См.: *Власов А.Н.* Житийные повести и сказания... С. 47—51. Лишь применительно к одному из чудес (о наместнике Симеоне Борисовиче) в случае отождествления его не с Семеном Борисовичем Брюхо Морозовым, а с князем Семеном Борисовичем Суздальским имеется возможность отнесения его к середине 1490-х годов.

79 *Иванов С.А.* Блаженные похабы... С. 197.

80 Добавим также, что построение в 1458 г. без ведома местных церковных властей неким пришедшим нищим часовни в самом центре города на соборной земле и ее последующий снос выглядят чрезвычайно маловероятными. Поход же устюжан в Нижний Новгород в 1471 г., с возвращением из которого в позднем житии связывается постройка второй церкви Прокопия, был просто невозможен из-за развернувшейся тогда войны с Новгородом в Заволочье, сковавшей все устюжские силы.

- 81 В.О. Ключевский ссылается на чудо о боярине Владимире из Повести, относя описанные события ко времени Ивана III, но в тексте сказано, что Владимир служил при великом князе Василии Ивановиче, а затем при Иване Васильевиче и речь, разумеется, идет уже о начале времени Ивана Грозного (*Ключевский В.О. Древнерусские жития святых... С. 277—278; Власов А.Н. Житийные повести и сказания... С. 47*).
- 82 Если верить сообщению под 1495 г. Устюжской летописи, которая, однако, к тому же году относит и кончину Иоанна Устюжского, уверенно датированную в его раннем житии 1512 г. (*Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950. С. 99—100*).
- 83 *Иванов С.А. Блаженные похабы... С. 200.*
- 84 *Мельник А.Г. Становление культа юродивого Максима Московского // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 2. Т. I (Гуманитарные науки). С. 14—15.*
- 85 *Печников М.В. Иулиания // ПЭ. Т. 28. М., 2012. С. 543—544.*
- 86 *Иванов С.А. Блаженные похабы... С. 202—203; Городилин С.В. Между «немецкой землей» и Ростовом: исторические реалии в Житии Исидора Твердислова // Slověne. 2018. Vol. 8. № 2. С. 425.*
- 87 Ее фиксирует уже наиболее раннее из известных изображение святого на иконе Николы с избранными святыми на полях первой трети XVI в., происходящее из Великого Устюга (*Рыбаков А.А. Вологодская икона: Центры художественной культуры земли Вологодской XIII—XVIII веков. М., 1995. Илл. 233*).
- 88 *Иванов С.А. Блаженные похабы... С. 206.*
- 89 К выводу о подобной возможности пришел и А.С. Преображенский (*Преображенский А.С. Иконография / Прокопий Устюжский // ПЭ. М., 2020. Т. 58. С. 351—361*). Приносим автору искреннюю благодарность за возможность ознакомиться с текстом статьи.
- 90 *Ключевский В.О. Древнерусские жития святых... С. 48—49; см. также: Лосева О.В. Русские месяцесловы XI—XIV веков. М., 2001. С. 87—119; Она же. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV веков. М., 2009.*
- 91 См. также: *Лосева О.В. Русские месяцесловы XI—XIV веков. С. 115.*
- 92 См.: *Грицевская И.М. Иерусалимский Устав 67 глав («Око церковное») и его месяцеслов: распространение и развитие на Руси в XV в. // ДРВМ. М., 2020. № 1(79). С. 143—155.*
- 93 См.: *Лосева О.В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов... См. также: Ключевский В.О. Древнерусские жития святых... С. 48, 394.*
- 94 Для исследователей XIX в. такое предположение, возникавшее по умолчанию, просто не требовало доказательств: *Макарий (Булгаков), митр. История русской церкви. СПб., 1866. Т. 4. С. 256—260; см. также: Ключевский В.О. Древнерусские жития святых... С. 49.*
- 95 В этом смысле показательно особое внимание, которое Епифаний Премудрый уделяет происхождению Сергия Радонежского, приводя обстоятельства, оправдывавшие утрату боярского статуса родом преподобного.
- 96 *Иванов С.А. Блаженные похабы... С. 152—184.*

- ⁹⁷ Духанина А.В., Карбасова Т.Б., Башинин Н.В. Агиографический сборник 70-х годов XV в. СПбИИ РАН, кол. Н.П. Лихачева. № 161: история создания // ДРВМ. 2020. № 3(81). С. 143—167.
- ⁹⁸ НИОР РГБ. Троицкое собрание. № 761. Л. 279; опубл.: Макарий (Булгаков), митр. История русской церкви. СПб., 1877. Т. 8. Кн. 2. Ч. 3. С. 42. Прим. 56.
- ⁹⁹ Мельник А.Г. Становление культа юродивого Исидора Ростовского... С. 32—33; Городилин С.В. Между «немецкой землей» и Ростовом... С. 417—427.
- ¹⁰⁰ Подробнее см.: Городилин С.В. Между «немецкой землей» и Ростовом... С. 427—434, 440.
- ¹⁰¹ Каган М.Д. Житие Исидора Твердислова... С. 283; ср.: Мельник А.Г. Становление культа юродивого Исидора Ростовского... С. 32—33.
- ¹⁰² Иванов С.А. Блаженные похабы... С. 203. Заметим, что такое указание отсутствует в ред. А (по классификации З.Н. Исидоровой), к которой принадлежит и ранний список 1470-х годов, появляясь только в ред. Б и В (Исидорова З.Н. О редакциях Жития св. Исидора Твердислова // Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность. СПб., 2001. Вып. 4. С. 98).
- ¹⁰³ Об отношениях взаимного дарения между благодетелями и молящимися за них, сохраняющих свою значимость и после смерти, см.: Эксле О.Г. Memoria и мемориальная традиция в раннее Средневековье // Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья. М., 2007. С. 258—260 и далее; Арнаутова Ю.Е. Memoria: «тотальный социальный феномен» и объект исследования // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003. С. 24—25.
- ¹⁰⁴ См.: Городилин С.В. Между «немецкой землей» и Ростовом... С. 440—442.
- ¹⁰⁵ Заметим тут, что предложивший политическую стабильность, отсутствие внешней угрозы христианству и экономическое благополучие в качестве общих факторов, провоцирующих распространение юродства, С.А. Иванов в конкретном случае Павла Коринфского, тем не менее, связывает рост его популярности со страхом перед арабским нашествием, а появление стихотворного канона этому юродивому — с осадой врагами его родного города (Иванов С.А. Блаженные похабы... С. 110). Для сопоставления укажем на особую роль Исидора, к которому в ранней службе этому святому ростовцы обращают особое моление о пребывании «граду твоему» непоколебиму и безмятежну «wt наветь вражиихъ и wt поганьскаго нашѣствя» (Мельник А.Г. Становление культа юродивого Исидора Ростовского... С. 30—31; Городилин С.В. Между «немецкой землей» и Ростовом... С. 442. Прим. 44). Следует упомянуть и Прокопия, главное прижизненное чудо которого связано именно со спасением города от грозившей катастрофы, а актуализация культа Прокопия и Иоанна в Смутное время — с защитой Устюга от нашествия «литвы и черкас».
- ¹⁰⁶ Мельник А.Г. Становление культа юродивого Исидора Ростовского... С. 32.
- ¹⁰⁷ См.: Турилов А.А. К истории ростовского владычного скриптория XIII в.: старые факты и новые данные // Хризограф. М., 2009. Вып. 3. С. 238—252; Лосева О.В. Жития русских святых в составе древнерусских Проло-

- гов XII — первой трети XV веков... С. 251; *Вершинин К.В.* Мерило Праведное в истории древнерусской книжности и права. М.; СПб, 2019. С. 228, 262; Житие св. Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым / Под ред. В.Г. Дружинина. СПб., 1897.
- ¹⁰⁸ См.: *Городилин С.В.* Московская вотчина ростовских епископов: к вопросу о ранней истории Дорогомилова // Археология русского города: Материалы научно-практического семинара 2019 года / Труды столичного археологического бюро. М., 2020. Т. 4. (В печати).
- ¹⁰⁹ Постоянное посещение ими Ростова фиксируется уже начиная с великого княжения Василия Васильевича. См. также: *Мельник А.Г.* Московский великий князь Василий III и культы русских святых // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 4. Т. I (Гуманитарные науки). С. 7—12.
- ¹¹⁰ Мнение, что чудо Исидора о князе, когда святому, пришедшему в княжии палаты, где готовился пир с епископом, слуга не дал напиться, после чего вдруг иссякли все запасы питий для пира, вновь появившиеся лишь после того, как прогнанный юродивый вернулся и благословил епископа чудесной просфорой, является единственным примером такой провокации, и что Исидор тут «задирается первым делом к власть имущим» (*Иванов С.А.* Блаженные похабы... С. 202—203), кажется все же менее вероятным, чем интерпретация эпизода в рамках парадигмы нищелюбия, предполагающего для князя обязанность милостыни, а для нищего — право о ней просить. Норма, по которой княжеские пиры должны сопровождаться угощением нищих, оказалась грубо нарушена: просящему не дали даже воды, и для восстановления должного хода вещей была задействована медиативная функция чуда.
- ¹¹¹ См. также: *Преображенский А.С.* Иконография Василия Блаженного... С. 66.

Уваровская редакция Жития Лазаря Муромского и начальный процесс сакрализации Обонежья в середине XIV в.

Лазарь Муромский († 1391 г.) — загадочная фигура русского Средневековья. Уроженец Рима и выходец из Византии, он основал монастырь на юго-востоке Онежского озера на прибрежном Муромском острове (или Муч-острове) примерно в середине XIV в.

Фактически единственным источником о жизни Лазаря Муромского является его Житие. Несмотря на то, что в науке принято называть этот памятник «житием», он совмещает в себе традиции нескольких жанров: духовных грамот, житий святых, сказаний об основании монастырей и апокрифических легенд¹. Также в нем используется редкая форма автобиографического повествования.

Житие сохранилось в трех редакциях. Известны две Пространные редакции середины XVII в., дошедшие в единичных списках: Ундольского (РГБ. Ф. 310. № 146) и Уваровская редакция (ГИМ. Увар. № 542)², на которой и сосредоточено внимание в данной работе. Краткая редакция дошла в 13 списках XVIII—XIX вв.³. Н.К. Литвинова и Н.Н. Барминская относят возникновение памятника к рубежу XV—XVI вв., предполагая, что первоначальный текст отразился в редакции Ундольского⁴. Однако такая датировка никак не обоснована. А.В. Пигин приводит убедительные доказательства того, что Житие было создано гораздо позднее — в первой трети XVII в. В частности, самые ранние списки памятника датируются 1640—1650-ми годами, имя прп. Лазаря не упоминается ни в описях монастыря 1583—1645 гг., ни во владельческих записях рукописей из Муромского монастыря XV—XVI вв., ни в царской грамоте монастырю 1650 года⁵.

Памятник содержит множество любопытных свидетельств о взаимоотношениях отшельника с окрестным языческим населе-

нием. Житие наполнено хронологическими неточностями и большим количеством сомнительных известий. Например, сообщается, что прп. Лазарь похоронил некоего египетского митрополита Макария, сам он был византийским выходцем и учеником некоего кессарийского архиепископа Василия, а также что он крестил жителей всего Поморья, о чем еще будет сказано позднее⁶. Кроме того, автор Жития поместил в текст памятника переработанную Повесть о белом клобуке и даже связал некоторые события Повести с жизнью самого прп. Лазаря⁷. Значительную часть Краткой редакции Жития составляет грамота посадника Ивана Фомина прп. Лазарю, достоверность которой стала предметом научной дискуссии⁸.

Как справедливо заметил А.В. Пигин, Житие Лазаря Муромского представляет интерес как результат длительной филиации исторических преданий о святом⁹. В связи с этим привлекают внимание многочисленные описания взаимодействий прп. Лазаря с язычниками и чудесных явлений, свидетельствовавших о богоизбранности Муромского острова и сакрализации пространства. Поэтому предпринимается попытка рассмотреть несколько ярких эпизодов из Уваровской редакции Жития Лазаря Муромского, повествующих об освящении Муромского острова.

В Средневековье широко было распространено представление о язычниках как о беспоклонниках. В поисках особо напряженной духовной брани отдельные подвижники специально селились по соседству с язычниками или с очень суеверными людьми, чтобы своим духовным подвигом освятить данное место и тем самым очистить от следов язычества и бесовских культов¹⁰. В данном контексте особое место занимает островное подвижничество, поскольку семантика острова также связана с нечистым. Острова олицетворяли хтоническое пространство, языческий центр иного мира, мира мертвых, они были неотъемлемой частью языческого погребального культа¹¹. Ближайшими современниками Лазаря Муромского с подобным видением духовного подвига отшельника были Арсений Коневский, Сергей Валаамский, Савватий, Зосима и Герман Соловецкие¹². Примечательно, что среди этих подвижников Лазарь Муромский стал первым иноком, который начал вести духовную брань на острове в середине XIV в.

Житие Лазаря, описывая приход святого на Муромский остров, сообщает, что он был необитаем, но поблизости у озера жили

язычники — лопари и чудь¹³. Недавно было высказано предположение, что под чудью в Житии могут пониматься вепсы, обитавшие на юго-востоке Обонежья¹⁴. Нет возможности четко локализовать все языческие поселения. Житие упоминает, что старейшина лопарей «жительство имел на Ранде озере»¹⁵, которое удается отождествить с Рандозером, находящимся более чем в 10 км на юго-восток от Муромской обители.

Прп. Лазарь по прибытии на остров поставил там крест, хижину и часовню¹⁶. Эти объекты представляют собой важные элементы начальной сакрализации пространства. По классификации Н.М. Терехихина, следующим сакральным объектом на месте духовного подвига святого должен стать храм, который окончательно освящает окружающую местность совершающейся в нем литургией¹⁷. В случае с Уваровской редакцией Жития именно начальный процесс освящения места будущего монастыря описан необычайно подробно.

Житие повествует, что между Лазарем и местными поселенцами не было мира. Сначала какая-то часть переселилась ближе к острову с женщинами и детьми, желая подтолкнуть подвижника к уходу с этого места. Они неоднократно избивали его, прогоняли с острова, сожгли его хижину, хотели убить святого: «И многажды немилостивии они сыроядцы бивше и претяху ми, во еже сожещи тѣло мое и въ ядь себѣ сотворити»¹⁸. Причем в Уваровской редакции последний сюжет раскрыт наиболее полно по сравнению с распространенной Краткой редакцией. Когда язычники пришли на остров убить прп. Лазаря, он сам находился в отхожей пещере: «Гора Тетеревеча, от острова вдалии по поприща»¹⁹. Это было действительно недалеко — он видел, как язычники пытались найти его и в результате сожгли хижину. Можно провести аналогии со схожими эпизодами из Жития Трифона Печенгского о нападении язычников на святого²⁰. Вероятно, они связаны с влиянием Жития прп. Лазаря на Житие прп. Трифона, текст которого окончательно оформляется только в конце XVII в.²¹

Согласно Житию прп. Лазаря, все эти злодеяния язычники делали «по научению бѣсовскому» или «по дьяволу научению»²². Агиограф снабжает описание данного сюжета негативно окрашенной этноконфессиональной лексикой²³: «лопьяне и чудь, страшивые сыроядцы», «неблагодарные иноязычницы», «зверообразные мужи», «окаяннии» (дважды), «сыроядцы», «окаяннии сыроядцы»,

«злочестивии сыроядцы», также упоминает их как «злых чело-
век»²⁴. Все эти понятия происходят из летописных описаний языч-
ников и полностью укладываются в средневековую картину пред-
ставлений о них.

Как минимум, с эпохи Ивана Грозного лопари прослыли
страшными и могучими колдунами, которые действовали с помо-
щью сил мира иного. Позднее поморы более других своих соседей
опасались именно лопарей²⁵. Неизвестно, каким именно стерео-
типом было обусловлено описание действий прп. Лазаря в Житии,
но текст памятника содержит явный след данных представлений.
Агиограф, очевидно, до конца не понимает, кто же соседствовал
со святым: лопари (саамы), чужь или же самоеды, упоминаемые
в разных фрагментах Жития. Стоит полагать, что таким образом
автор Жития усиливает переживание страхов Лазаря Муромского
и возносит его подвиг.

После разорения пустыни прп. Лазаря Уваровская редакция
Жития сообщает дополнительные известия. Лазарь Муромский
стал горько печалиться, что ему не суждено создать монастырь
на этом острове и что вместе с хижинной сгорела икона Божией
Матери, которую он принес с собой на это место. Житие вырази-
тельно описывает момент отчаяния прп. Лазаря. Однако на месте
своей хижины он обрел ту самую икону, которая повисла в воз-
духе неподалеку от одного из деревьев. Лазарь стал коленопре-
клоненно молиться у иконы, и тогда услышал голос: «Яко призрю
на смиренныя рабы своя и на мѣсто сие и не оставлю е во вѣки.
Повелѣваю ти да воздвигнеши церковь на мѣсте семъ во имя
Успения Пречистыя Богородицы Печерския»²⁶. После этого икона
сошла на руки Лазаря. Он забрал ее в отхожую пещеру, где продол-
жил молитву. Это первое сверхъестественное вмешательство Бого-
родицы в процесс духовного освоения пространства Муромского
острова, которое воодушевило прп. Лазаря остаться на этом месте.
Также описание этого видения объясняет посвящение соборного
храма монастыря.

Во время другого противостояния с язычниками прп. Ла-
зарь скрывался от них и всю ночь молился Богу и Богородице, пел
Псалтырь и каноны. Судя по всему, агиограф намеренно указал,
что Лазарь усиленно молился на протяжении ночи, так как именно
после этого ему было явлено видение: «Видех на сем острове свет
велий сияющ, и по нем хождаху множество мужей благообраз-

ных, согласующая друг ко другу. А инии обхожаху остров сей. Посреди же острова, идеже первые богородична икона стояше на воздухъ, видев жену столпну во свѣте». По свидетельству Жития, мужи молились и кланялись этой жене как раз на том месте, где позднее была поставлена церковь во имя Успения Божией Матери²⁷.

Этот фрагмент композиционно близок распространенному топосу «глас-свет», приводившемуся в житиях при описании знаменней, говорящих о появлении обители²⁸. Однако содержание этого фрагмента все-таки уникально — на данный момент не удалось обнаружить похожие подробные описания такого видения. Также в представлении создателя Жития это явление не только пророчествовало о будущем монастыре, но и в действительности очистило место от нападков язычников, поскольку оно открыло прп. Лазарю истинное видение поклонения Богоматери, которое иконоически он сам начал совершать ранее. Именно поэтому прп. Лазарь совершенно спокойно вернулся туда, поставил к дереву упомянутую икону, помолился, а затем снова поставил крест, келью и часовню²⁹. Таким образом, видимые элементы освящения Муромского острова были восстановлены, и духовный подвиг прп. Лазаря продолжался.

После возвращения прп. Лазаря на место подвигов, согласно Житию, наблюдается нормализация отношений с финно-угорским населением и смена этноконфессиональной лексики.

Старейшина лопарей дважды приходил к прп. Лазарю с просьбой исцелить от слепоты ребенка, то есть с благими намерениями. В этом случае старейшина назван «лопянином» и «мужем» (трижды)³⁰. Нейтральное именование предводителя язычников обусловлено не только тем, что впоследствии он с сыновьями принял крещение. Это касается всего населения в целом, поскольку оно более не поддавалось бесовским наваждениям и не вредило подвижнику. После исцеления ребенка в Житии приводится эпизод о начале вытеснения язычников из окрестностей Муромского острова. Описание этого эпизода представляет собой обработанный вариант схожего сюжета из Жития Зосимы и Савватия Соловецких. В источнике говорится, что когда Лазарь молился в келье и вышел покадить крест, то услышал крики. Впоследствии выяснилось, что язычникам явился ангел и стал их избивать и прогонять с этого места:

<p>Житие Лазаря Муромского (Уваровская редакция)</p>	<p>Житие Зосимы и Савватия Соловецких (I Дополненная редакция)</p>
<p>«В полунощи бяшу ми и молящуся Господеви, таже начах пѣти утреню. Идушу покадити животворящии крестъ Господень и чудотворьный образ Пречистыя Богородицы, слышах на десной странѣ плачь и вопль многъ неутѣшно плачущи. И по скончании утрени приидох на место, на нем же плач слышах. И уже не слышано бысть плачущаго, ни кричащаго. Последи о сем да явлено бысть ангелом Божиим, немилостивно биющем сыроядцы и отсылающее от мѣста сего»³¹.</p>	<p>«Прилучися же въ день воскресения, дни свитающу, святому же поющу заутреню. И во время исшедшу ему ис келия покадити честный крест, иже бѣ подружилъ близъ келия своея поклонения ради, и слыша гласъ и вопль великъ, вопиющъ моляся... Пришедшу же ему (Герману. — А.Н.), обрѣте жену лежащу и плачущу съ воплемъ... Она же со многымъ восклицаниемъ начатъ повѣдати, сице глаголющи: „Господине отче, идушу ми на ездѣро къ мужу своему, и сретоста мя два юноши, страшна образомъ свѣтла зѣло, и начаста мя бити дубци, глаголюще: Изыдета скоро от острова сего!...“»³².</p>

Вернемся к эпизоду с сыном лопаря. В Краткой редакции говорится только, что прп. Лазарь крестил этого ребенка и он прозрел³³. В Уваровской редакции представлен более полноценный рассказ. Лазарь Муромский помолился об исцелении ребенка, сотворил крестное знамение на нем, окропил святой водой и приложил к иконам Спасителя и Богородицы, после чего ребенок прозрел. Затем лопарь побегал с острова к родным, и только тогда Лазарь решился крестить ребенка. В этот момент ему явился ангел. Согласно Житию, Лазарь вместе с ангелом начал крестить ребенка, и ангел повелел назвать ребенка Ананием. Сначала они вместе освятили воду, затем Лазарь тоекратно стал погружать в нее ребенка, а ангел стоял над купелью и осенял ее крестным знамением. После крещения «ангел благослови мѣсто сие и мене и отрока и взятся на небо яко молния». В данном случае агиограф снова обращается к теме освящения Муромского острова, согласующейся с предыдущими сюжетами. Выявленные выше факты Жития не говорят о цели просвещения языческого населения и о распространении христианской проповеди Лазаря Муромского за пределами его контактов со старейшиной лопарей. Об этом также не свидетельствует и Краткая редакция памятника.

Однако дальнейшие события в Уваровской редакции быстро развиваются, и ситуация меняется коренным образом. Житие сообщает, что язычники со всего Обонежья стали стекаться к прп. Лазарю и принимать от него крещение: «...иногда же приидоша во един день болѣ трех сот мужей з женами из дѣтми...». Учитывая автобиографический характер повествования Жития, прп. Лазарь делает нескромное заявление: «...и благодатию Христовою крестися от мене вся страна Поморская, самоадцы отбѣгоша в предѣлы акияна моря», а многие крестившиеся стали монахами его обители³⁴. В конце Жития прп. Лазарь снова характеризуется как просветитель Поморья: «Сей великии инокъ Лазарь всей Поморской странѣ первыи учитель»³⁵. Возможно, из-за наличия явно гиперболизированных известий данный вариант описываемого эпизода не вошел в состав Краткой редакции памятника и не получил широкого распространения в русской книжности.

Тем не менее, эти известия представляют необычайный интерес в контексте представлений агиографа о сакрализации Обонежья. Согласно Житию, начальное освящение той местности и крещение местных язычников стало возможным только благодаря духовному подвигу Лазаря Муромского, сопровождавшемуся постоянными чудесными явлениями ангелов, святых и Богородицы, дававших свое благословение на иноческую жизнь на Муромском острове.

¹ *Пигин А.В.* Известия о новгородском архиепископе Василии Калике в Житии Лазаря Муромского // *Древняя Русь* ^ Вопросы медиевистики. М., 2018. № 3 (73). С. 110.

² Уваровская редакция издана с незначительными ошибками // *Барминская Н.Н.* Повесть о Муромском острове // *Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера.* Сыктывкар, 1989. С. 129—149.

³ *Пигин А.В.* Известия о новгородском архиепископе... С. 111.

⁴ *Литвинова Н.К., Прохоров Г.М.* Житие Лазаря Муромского // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 290; *Барминская Н.Н.* Повесть... С. 129—130.

⁵ *Пигин А.В.* Житие Лазаря Муромского // *Новый Олонецкий патерик.* СПб., 2013. С. 42; *Он же.* Известия о новгородском архиепископе... С. 111, 115.

⁶ *Пигин А.В.* Известия о новгородском архиепископе... С. 110.

⁷ *Розов Н.Н.* Повесть о новгородском белом клубуке как памятник общерусской публицистики XV века // *ТОДРЛ.* М.; Л., 1953. Т. 9. С. 200—201.

- 8 *Валк С.Н.* Начальная история древнерусского частного акта // *Вспомогательные исторические дисциплины.* М.; Л., 1937. С. 301—303; *Мусин А.Е.* К проблеме подлинности данной грамоты посадника Ивана Фомина преподобному Лазарю Муромскому // *Новгород и Новгородская земля: история и археология (материалы научной конференции).* Новгород, 25—27 января 2000 г. Великий Новгород, 2000. Вып. 14. С. 319—324.
- 9 *Пигин А.В.* Известия о новгородском архиепископе... С. 112.
- 10 *Гальковский Н.М.* Борьба Христианства с остатками язычества в древней Руси. Харьков, 1916. Т. 1. С. 112—114; *Петрухин В.Я.* Древняя Русь. Народ. Князь. Религия // *Из истории русской культуры.* М., 2000. Т. 1. С. 314; *Лаушкин А.В.* Преподобный Савватий и пятисотлетняя традиция соловецкого отшельничества // *Соловецкое море: Историко-литературный альманах.* Архангельск; М., 2009. Вып. 8. С. 68.
- 11 *Теребихин Н.М.* Сакральная география Русского Севера. Архангельск, 1993. С. 32—34.
- 12 *Носов А.В.* Основатели монастырей и практики сакрализации пространства Русского Севера в конце XIV — первой четверти XV вв. // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время.* М., 2019. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21—22 ноября 2019 г. С. 55—59.
- 13 ОР ГИМ. Уваров. № 542. Л. 536.
- 14 *Чибицов Б.И.* Этнический состав населения южного Обонежья в конце XV в. // *Финно-угорский мир.* Саранск, 2019. № 2. Т. 11. С. 200.
- 15 ОР ГИМ. Уваров. № 542. Л. 546.
- 16 Там же. Л. 536; *Рыжова Е.А.* Сюжетный мотив «поставление креста на месте основания монастыря» в агиографической традиции Русского Севера // *От Средневековья к Новому времени: сборник статей в честь Ольги Андреевны Белобровой.* М., 2006. С. 45.
- 17 *Теребихин Н.М.* Сакральная география... С. 57—58.
- 18 ОР ГИМ. Уваров. № 542. Л. 536 об.
- 19 Там же. Л. 536 об.
- 20 *Калугин В.В.* Житие Трифона Печенгского, просветителя саамов в России и Норвегии. М., 2009. С. 184—187.
- 21 Там же. С. 46, 51.
- 22 ОР ГИМ. Уваров. № 542. Л. 536.
- 23 *Лаушкин А.В.* К вопросу о развитии этнического самосознания древнерусской народности (хрестейни и хрестьяньскии в памятниках летописания XI—XIII вв.) // *Средневековая Русь.* М., 2006. Т. 6. С. 29—65.
- 24 ОР ГИМ. Уваров. № 542. Л. 536—537 об.
- 25 *Теребихин Н.М.* Сакральная география... С. 10—11.
- 26 ОР ГИМ. Уваров. № 542. Л. 537 об. —538.
- 27 Там же. Л. 539—539 об.
- 28 *Рыжова Е.А.* Сюжетный мотив «выбор места для основания монастыря с помощью чудесных знамений» в севернорусской агиографии («глас-

свет») // Книжные центры Древней Руси: Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 2008. С. 439.

29 ОР ГИМ. Уваров. № 542. Л. 539 об.

30 Там же. Л. 542 об. — 543.

31 Там же. Л. 544 об. — 545.

32 Житие Зосимы и Савватия Соловецких // *Минеева С.В.* Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI—XVIII вв.). М., 2001. Т. II. С. 154.

33 Житие Лазаря Муромского // *История российской иерархии.* СПб., 1813. С. 121—122.

34 ОР ГИМ. Уваров. № 542. Л. 546—546 об.

35 Там же. Л. 550.

Л.Н. Савина

К вопросу о судьбе иконостаса трапезного Сергиевского храма Свято-Троицкой Сергиевой Лавры

«Церковь во имя Преподобного Сергия с трапезою» находится на южной стороне Троице-Сергиева монастыря (рис. 1). Она была построена в 1686—1692 гг. «повелением царей Иоанна и Петра Алексеевичей»¹. Наиболее ранние сведения об иконостасе трапезной церкви содержатся уже в первом историческом описании Лавры, которое было создано ее наместником – иеромонахом Павлом (Пономаревым) в конце XVIII в. В нем, в частности, говорится: «Оная церковь с алтарем, трапезою и сенями украшена внутри и расписана превосходною живописью; в ней иконостас позлащенный и местами по серебру прикрытой голубою краскою, сделан вновь, и святые иконы, кроме нижних местных образов, написаны вновь наилучшею живописною работою... все внутреннее украшение сделано в 1778 и 1780 годах, тщанием Преосвященного Митрополита Платона...»².

Известно, что во второй половине XVIII в. при митрополите Платоне (Левшине)

Рис. 1. Церковь во имя Преподобного Сергия Радонежского с трапезной (1686—1692). Троице-Сергиева Лавра. 2013 г.

Рис. 2. Церковь во имя Преподобного Сергия Радонежского с трапезной (1686—1692).
Троице-Сергиева Лавра. 1920-е годы

в Лавре были проведены большие работы по «возобновлению» храмов, и в церкви во имя преподобного Сергия в это время был устроен новый иконостас⁵.

Исследуя ранее вопрос об иконостасе трапезного Сергиевского храма в конце XIX — начале XX в., мы пришли к выводу, что со времени митрополита Платона до 1908 г. иконостас не претерпел каких-либо кардинальных изменений⁴. Он был двухъярусным. Местный ряд могли составлять иконы конца XVII в., второй ярус — иконы двенадцати апостолов с иконой «Воскресение Христово» в центре ряда (над царскими вратами). Гипотетически к началу XX столетия в иконостасе были и древние иконы, вероятно, современные постройке церкви, и новые, написанные в XVIII в. Если бы этот иконостас сохранился, то, наверное, он представлял бы определенный художественный интерес для исследователей. Однако он не дожил до нашего времени — канул в Лету в лихолетье послереволюционного времени, когда в жизни Троице-Сергиевой обители начался нелегкий период⁵ (рис. 2).

После того как закрыли Лавру, иконостасы многих храмов разобрали. Так, в академическом Покровском храме был утрачен иконостас XIX в. (ныне там установлен иконостас из московского храма Преподобного Харитона Исповедника). Не дошел до нас иконостас церкви Смоленской иконы Божией Матери, созданный в XVIII в. (сейчас в храме находится иконостас из церкви Мученицы Параскевы, стоявшей некогда в Москве на Пятницкой улице и разрушенной в 1930-е годы)⁶. Были утрачены иконостасы и других церквей Лавры.

Обратившись к доступным на сегодняшний день документальным источникам по истории Лавры, мы попытались составить «летопись» иконостаса трапезного Сергиевского храма после 1917 г., чтобы выяснить, как и когда он был разобран⁷.

Одним из важных первоисточников в исследовании вопроса стала последняя полная лаврская Опись, составленная в 1908 г.⁸ В ней, во-первых, содержится подробное описание иконостаса, стоявшего в храме преподобного Сергия еще в начале XX в.⁹; во-вторых, на страницах Описи сохранились очень важные записи первых послереволюционных лет. Одна из них свидетельствует о том, что 10 августа 1917 г. Опись была заверена представителями Лавры — последним ее наместником архимандритом Кронидом, казначеем архимандритом Досифеем, экклезиархом архимандритом Аполлосом и др.¹⁰ Другая запись свидетельствует, что 19 ноября того же 1917 г. Опись была скреплена подписью председателя революционного Комитета Никольского¹¹. Отсюда следует вывод, что Сергиевский храм вместе с иконостасом новая власть приняла от служителей Церкви в ноябре 1917 г., согласно упомянутой Описи.

События послереволюционных лет нарастали с огромной скоростью. В январе 1918 г. вступил в силу Декрет СНК об отделении Церкви от государства. Осенью вышло постановление СНК о национализации обители и создании Комиссии по охране памятников старины и искусства Троице-Сергиевой Лавры.

В СПИХМЗ сохранился фонд документов Комиссии по охране памятников искусства и старины ТСЛ (далее — Комиссия) за 1918—1925 гг.¹² Содержание протоколов некоторых заседаний Комиссии за 1918 г. хоть и косвенно, но проливает свет на судьбу иконостаса трапезного храма в это время. Так, например, в октябре и декабре 1918 г. на заседаниях Комиссии неоднократно рассматривался во-

прос о местоположении библиотеки Лавры. Члены Комиссии предполагали, что «в трапезной будет обозреваться перенесенная туда библиотека»¹³. На одном из заседаний 28 октября 1918 г. Ю.А. Олсуфьев (член Комиссии) напомнил присутствующим об иконостасе трапезной, который, по его словам, «может быть подвержен переделке, что может помешать хранению книг...»¹⁴. Это замечание позволяет говорить о том, что в октябре 1918 г. иконостас трапезной церкви еще не был разобран и находился в храме.

Непростым выдался в жизни Лавры и 1919 год. В течение всего года шла острая и напряженная борьба за сохранение обители. Несмотря на протесты архимандрита Кронида, верующих и сочувствующих Православной Церкви людей во всех уголках России, один за другим закрывались лаврские храмы, ограничивался доступ в обитель богомольцев. Наконец, весной 1919 г. были вскрыты мощи преподобного Сергия.

Понимая всю сложность обстановки, именно в 1919 г. члены Комиссии первого состава, в которую вошли люди, сопереживавшие трагедии Русской Православной Церкви, развернули большую работу по спасению памятников Лавры. Одним из них был Юрий Александрович Олсуфьев (1878—1938) — искусствовед, реставратор, выдающийся специалист в области древнерусского искусства. Ю.А. Олсуфьев занялся в это время изучением иконописных памятников Лавры и начал свою работу с составления научной описи икон, с первичной их систематизации и датировок¹⁵. В 1919 г. он подготовил «Опись икон Троице-Сергиевой лавры до XVIII века и наиболее типичных XVIII и XIX веков»¹⁶. В составе «Описи...» есть раздел «Иконы трапезной церкви преподобного Сергия», где Ю.А. Олсуфьев привел перечень икон, находившихся в местном ряду иконостаса трапезного храма¹⁷. Характеризуя иконостас в целом, он писал: «Иконостас конца XVIII столетия. Иконы местные значатся в описи 1759 г. (л. 91а-93); они, по-видимому, конца XVII века, иначе говоря, современны постройке церкви»¹⁸.

Ю.А. Олсуфьевым был также написан очерк «Иконопись» для путеводителя, который подготовила Комиссия в том же 1919 г.¹⁹ К несчастью, этот сборник-путеводитель навлек на Комиссию и ее председателя «неистовую критику с далеко идущими печальными последствиями»²⁰ и в итоге не был издан²¹. Он увидел свет только в 2007 г.²²

В очерке «Иконопись» Ю.А. Олсуфьев также не преминул обратить внимание на иконы из иконостаса трапезного храма. В частности, он писал: «Что касается других древних церквей лавры, то в них, к сожалению, почти все старые иконы заменены иконами XVIII века или XIX (за исключением прекрасных царских врат XV—XVI века и нескольких икон в церкви Зосимы и Савватия, и местных икон конца XVII столетия в трапезной церкви во имя преподобного Сергия)»²³.

Для того же путеводителя другим членом Комиссии, И.Е. Бондаренко²⁴, был написан очерк «Художественный облик Лавры»²⁵. Автор отметил, что в трапезной «восхищаешься красотой всей эпохи барокко, так отлично здесь выраженной...». Вместе с тем, И.Е. Бондаренко указал на «плохой» иконостас трапезного храма, который, по его мнению, был «начала XIX в., переделанный и испорченный позолотой...»²⁶.

На наш взгляд, столь яркие характеристики иконостаса трапезного храма могли быть даны Ю.А. Олсуфьевым и И.Е. Бондаренко только в том случае, если авторы очерков могли видеть иконостас воочию — то есть находящимся в храме²⁷.

Осенью 1919 г. была прекращена деятельность первого состава Комиссии, а исполком Сергиевского уезда принял окончательное решение о закрытии Лавры. В январе 1920 г. началась инвентаризация имущества Лавры «ликвидационной комиссией»²⁸. А вскоре, 20 апреля, вступил в силу подписанный В.И. Лениным Декрет СНК «Об обращении в музей историко-художественных ценностей Троице-Сергиевой Лавры». Наконец, в 1920 г. произошел раздел имущества Лавры между созданным на ее территории музеем и городскими властями²⁹. Все эти события не могли не отразиться как на судьбе лаврских храмов, так и на их убранстве.

На основании постановления Междуправительственной Комиссии (от 30 апреля 1920 г.) и постановления Совнаркома (от 15 июня 1920 г.) «здание трапезной во всем его объеме» передавалось в ведение Наркомпроса³⁰. В пользование Сергиевского исполкома в числе зданий Лавры, которые были признаны «имеющими историко-художественное значение, но могущие быть использованными... без ущерба для историко-художественного значения»³¹, было передано «помещение Сергиевской церкви при трапезной с перечисленным в... описи имуществом, за исключением всех богослужебных и священных предметов, передаваемых в ведение Наркомпроса...»³².

В ЦГАМО сохранилась «Опись имущества церкви при трапезной, передаваемых Наркомпросу (дополнение к пункту 11 Акта)». В этом списке, среди прочего, указано: «...иконостас — 1». Документ датирован 19 июля 1920 г.³³ Таким образом, в июле 1920 г., судя по данным упомянутых документов, иконостас еще находился в храме.

Между тем, в том же «Деле о ликвидации Троице-Сергиевой Лавры...» в ЦГАМО сохранился документ от 22 июля 1920 г. за подписью Н.М. Щекотова³⁴, где говорится, что «...для склада церковного имущества... необходимо помещение трапезной церкви»³⁵. Необходимо заметить, что в качестве склада для хранения икон и частей разобранных иконостасов трапезная и церковь не раз упоминаются в документах в 1920 г.³⁶, а затем и в 1922 г.³⁷

Каких-либо сведений об иконостасе трапезного храма за 1921 г. пока не удалось найти. В судьбе Лавры этот год был также весьма нелегким. По существу, он стал преддверием тяжелейших испытаний, выпавших на долю Троице-Сергиевой Лавры в следующем, 1922 г., когда высшим органом власти РСФСР — ВЦИК — было принято решение о принудительном изъятии веками собиравшихся в Лавре ценностей³⁸. Работа по изъятию «церковной старины» была начата экспертной Комиссией 29 марта 1922 г. Проведена она была и в трапезной церкви, согласно документам, — 2 апреля 1922 г.³⁹ По Акту экспертной Комиссии, из «церкви в трапезе во имя Сергия» подлежали изъятию и передаче в Гохран ризы икон из местного ряда иконостаса. Отметим, что, согласно Описи 1908 г., на всех этих иконах были ризы и «венцы среброзолоченные чеканные»⁴⁰, которые экспертная Комиссия определила как «работу Овчинникова»⁴¹. Именно они подлежали передаче в Гохран. В Акте экспертной Комиссии названы все восемь икон, которые находились в местном ряду иконостаса трапезного храма⁴². Поскольку на момент работы Комиссии (март — апрель 1922 г.) иконы числились в составе иконостаса, то напрашивается вывод: несмотря на все сложности бытия Лавры в 1918—1922 гг., иконостас Сергиевской церкви в этот период мог находиться в храме⁴³. Вместе с тем, в СПИХМЗ в фонде Комиссии сохранились документы за 1922 г., свидетельствующие о том, что трапезную церковь использовали летом того года для хранения «икон и частей разобранных церквей...»⁴⁴; в мае — июне в здании трапезной устраивали балы и произошли какие-то поломки⁴⁵.

Как сложилась судьба иконостаса после 1922 г. — неизвестно, так как никаких сведений о нем, относящихся ко второй половине 20-х годов, выявить пока не удалось. Заметим, однако, что в 1925 г. был издан путеводитель «Сергиевский историко-художественный музей (Бывшая Троицкая Лавра)» под редакцией А.Н. Свирина. Автор отметил, что «трапезная является типичным памятником эпохи московского барокко», но при этом ни словом не обмолвился о храмовом иконостасе⁴⁶. Не исключено, что иконостас к этому времени уже разобрали. Возможно, это произошло вскоре после того, как с икон были сняты драгоценные уборы для передачи их в Гохран.

Вопрос о последних днях пребывания иконостаса в Сергиевском трапезном храме пока остается открытым. Отметим лишь, что в СПИХМЗ в фонде Комиссии за 1929 г. нами обнаружен один интересный документ за подписью зав. музеем Федина следующего содержания: «В Обл. М.О.Н.О. 29/Х — 29 г. № 114. Препровождается копия акта о передаче Хоз-части ОГПУ позолоты с изломанных частей иконостасов для сведения»⁴⁷. Нельзя исключить, что в числе этих «изломанных частей» могли быть и фрагменты иконостаса трапезной Сергиевской церкви.

К сожалению, ничего неизвестно и о судьбе икон разобранного иконостаса этого храма, где местный ряд, по мнению Ю.А. Олсуфьева, могли составлять иконы конца XVII в. Не исключено, что некоторые из них поступили в 1920-е годы в Сергиевский историко-художественный музей (ныне СПИХМЗ). Однако этот вопрос требует специального изучения⁴⁸.

Надеемся, что дальнейшая работа по выявлению и изучению архивных источников позволит дополнить новыми данными «летопись» иконостаса Сергиевского храма.

¹ Краткое историческое описание Святотроицкия Сергиевы лавры. С приложением знатных происшествий, случившихся в оной. Сочиненное оныя Лавры наместником иеромонахом Павлом. СПб., 1782. С. 16.

² Там же. С. 16.

³ Древний иконостас, современный постройке трапезной и церкви, по мнению советских исследователей, не сохранился // Трофимов И.В. Памятники архитектуры Троице-Сергиевой Лавры: Исследования и комментарии. М., 1961. С. 240.

⁴ Доклад «К вопросу об иконостасе трапезного Сергиевского храма в конце XIX — начале XX в.» прозвучал на XI Международной научной конфе-

- ренции «Троице-Сергиева Лавра в истории, культуре и духовной жизни России», состоявшейся 3—4 октября 2018 г. в Сергиево-Посадском государственном историко-художественном музее-заповеднике (сборник статей находится в печати). В докладе шла речь о возможных этапах сложения дореволюционного иконостаса Сергиевской церкви, о том, каким он мог быть по своему составу и, коротко, — о его судьбе.
- 5 *Андроник (Трубачев), игум.* Закрытие Троице-Сергиевой Лавры и судьба мощей преподобного Сергия Радонежского в 1918—1946 гг. М., 2008.
- 6 «Древняя иконопись недосыгаема по глубине духовного восприятия». Беседа с архимандритом Лукой (Головковым), заведующим иконописной школой при Московской духовной академии. URL: https://ortox.ru/news/2014_07_30_drevnyaya_ikonopis_nedosyagaema_po_glubine_dухovного_vospriyatiya/ (дата обращения 10.02.2020 г.).
- 7 С 2019 г. фонд документальных источников по истории Троице-Сергиевой Лавры (ТСЛ) в ЦГАМО закрыт на оцифровку и недоступен для изучения. Возможно, фонд содержит дополнительные сведения по этому вопросу. Написать полную историю иконостаса этого периода времени можно, только прибегнув к комплексному изучению документальных источников по истории ТСЛ, хранящихся в различных архивах.
- 8 Опись церковей Свято-Троицкия Сергиевы Лавры, составленная в 1908 г. Кн. 1—2. // ОР СПИХМЗ. Рук. № 805—806.
- 9 Опись церковей... Кн. 1: Соборы и трапезный храм. Предалтарный иконостас // ОР СПИХМЗ. Рук. № 805. Л. 418—421.
- 10 Там же. Л. 418.
- 11 Там же.
- 12 ОУ СПИХМЗ. Народный комиссариат по просвещению РСФСР. Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями. Отдел по делам музеев. Комиссия по охране памятников старины и искусства Троице-Сергиевой Лавры. Оп. 1. Дела постоянного хранения за 1918—1925 годы (далее — Фонд Комиссии).
- 13 Протокол от 28 октября 1918 г. (ОУ СПИХМЗ. Фонд Комиссии. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 об.); Протокол 6-го заседания ... от 3 декабря 1918 г. (Там же. Л. 17 об.).
- 14 Там же. Л. 3 об.
- 15 *Николаева Т.В.* Древнерусская живопись Загорского музея М., 1977. С. 18.
- 16 [Олсуфьев Ю.А.] Опись икон Троице-Сергиевой лавры до XVIII века и наиболее типичных XVIII и XIX веков. Сергиев, Московская губ.: Комис. по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, 1920.
- 17 [Олсуфьев Ю.А.] Опись икон... С. 70—71.
- 18 Там же. С. 70.
- 19 Олсуфьев Ю.А. Иконопись / Комиссия по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, 1919 // *Андроник (Трубачев), игум.* Закрытие Троице-Сергиевой Лавры... Приложение.
- 20 *Смирнова Т.В.* Создатели музея в Троице-Сергиевой лавре // *Кадашевские чтения: Сборник докладов конференции.* М., 2010. Вып. VI. С. 255.

- 21 17 апреля 1920 г. был опечатан тираж утвержденного Госиздатом сборника Комиссии по охране Лавры «Троице-Сергиева лавра» (Сергиев, 1919) // *Андроник (Трубачев), игум.* Закрытие Троице-Сергиевой Лавры... С. 95; *Копылова О.Н.* Источники по истории Троице-Сергиевой Лавры в Московской духовной академии и фондах ГАРФ (XIX—XX вв.). URL: <http://old.mpda.ru/pub/avtor/1925089.html> (дата обращения 10.02.2020 г.).
- 22 *Смирнова Т.В.* Создатели музея... С. 255.
- 23 *Олсуфьев Ю.А.* Иконопись... С. 352.
- 24 Илья Евграфович Бондаренко — искусствовед, архитектор, с октября 1918 г. по апрель 1920 г. являлся председателем Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры.
- 25 *Бондаренко И.Е.* Художественный облик Лавры. Троице-Сергиева лавра, 1919 // *Андроник (Трубачев), игум.* Закрытие Троице-Сергиевой Лавры... Приложение.
- 26 Там же. С. 340.
- 27 В связи с рассматриваемым вопросом интересен еще один эпизод из жизни Лавры того времени. 24 марта 1919 г. Комиссией было принято Постановление «о передаче церковью Лавры ответственным верующим гражданам...» (ОУ СПИХМЗ. Фонд Комиссии. Оп. 1. Д. 12. Л. 5). 4 октября состоялась передача прихожанам лаврских церквей: Троицкого собора, церкви преподобного Никона, церкви Сошествия Святого Духа, Филаретовской церкви и церкви Смоленской иконы Божией Матери; остальные храмы были, как сказано в документе, «закрыты и опечатаны» (*Андроник (Трубачев), игум.* Закрытие Троице-Сергиевой Лавры... С. 155; ОУ СПИХМЗ. Фонд Комиссии. Оп. 1. Д. 12. Л. 13, 14). К сожалению, неизвестно, была ли в это время трапезная церковь закрыта или оставалась действующей.
- 28 *Сергий (Голубцов), протодиакон.* Троице-Сергиева Лавра за последние столет. М., 1998. С. 88.
- 29 Там же. С. 95.
- 30 ОУ СПИХМЗ. Фонд Комиссии. Оп. 1. Д. 15. Л. 3, 15, 16; Д. 16. Л. 14; *Андроник (Трубачев), игум.* Закрытие Троице-Сергиевой лавры... С. 100—101.
- 31 Акт № 2. От 19 июля 1920 г. (ОУ СПИХМЗ. Фонд Комиссии. Оп. 1. Д. 16. Л. 14—14 об., 15). Сохранена орфография источника.
- 32 Там же. Л. 14—14 об., 15. Сохранена орфография источника.
- 33 Приложение к Акту № 2. Описи помещений трапезной (ЦГАМО. Ф. 663. Оп. 1. Д. 10. Дело о ликвидации Троице-Сергиевой Лавры, Покровского монастыря. 298 л. Март 1919 — декабрь 1922. Л. 150); Приложение к Акту № 2. Опись имущества церкви при трапезной, передаваемых Наркомпросу (дополнение к пункту 11) (Там же. Л. 150 об.). Копия этого документа есть также в СПИХМЗ (ОУ СПИХМЗ — Фонд Комиссии. Оп. 1. Д. 16. Л. 14, 15—15 об.).
- 34 В 1920 г. по решению Музейного отдела Наркомпроса Н.М. Щекотов был направлен официальным представителем комитета в Комиссию по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры.

- 35 ЦГАМО. Ф. 663. Оп. 1. Д. 10. Л. 88.
- 36 Протокол заседания ... от 02.08.1920 (ОУ СПИХМЗ. Фонд Комиссии. Оп. 1. Д. 14. Л. 21—23).
- 37 Протокол заседания Комиссии по охране пам. иск. и старины бывшей Троице-Сергиевой Лавры от 1 января 1922 года (ОУ СПИХМЗ. Оп. 2. Д. 36. Л. 3 об.); Акт от 10 марта 1922 г. (ОУ СПИХМЗ. Фонд Комиссии. Оп. 1. Д. 41. Л. 4).
- 38 *Одинцов М.И.* Русские патриархи XX века: Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999. С. 59—60.
- 39 ОУ СПИХМЗ. Фонд Комиссии. Оп. 1. Д. 37. Л. 13 об.
- 40 В Описи 1908 г. даны очень подробные сведения о драгоценных уборах икон, указаны количество содержащихся в них серебра и золота и их стоимость на 1908 г. Оклады и некоторые детали убранства икон, по данным Описи, были выполнены в XIX — начале XX в. (Опись церквей... Кн. 1: Соборы и трапезный храм. Предалтарный иконостас — ОР СПИХМЗ. Рук. № 805. Л. 418—421).
- 41 Предприятие «П.А. Овчинников» существовало в России с 1851 по 1917 г. По словам о. Андроника (Трубачева), «в Гохран были выделены предметы конца XVIII—XX вв., как правило, менее художественные, но массивные. Всего из Троице-Сергиевой лавры за 1920—1922 гг. в Гохран было выделено 500 бриллиантов и 150 пудов серебра, но главные святыни, исторические и художественные памятники были спасены» // *Андроник (Трубачев), игум.* Закрытие Троице-Сергиевой Лавры... С. 102.
- 42 ОУ СПИХМЗ. Фонд Комиссии. Оп. 1. Д. 37. Л. 28.
- 43 В конце 1980-х годов мне довелось встретиться с Сергеем Михайловичем Боскиным (1907—1992) — старожилом г. Сергиева Посада, сыном известного художника М.В. Боскина, входившего в Комиссию по охране памятников искусства и старины ТСЛ. Сергей Михайлович помнил Лавру послереволюционного времени, хотя и был еще молод. В 1920-е годы он работал в Лавре художником-реставратором. При встрече с ним была затронута тема о дореволюционном иконостасе Сергиевского храма. По словам Сергея Михайловича, иконостас трапезной церкви, как и иконостасы других храмов Лавры, был разобран сразу после революции.
- 44 Протокол заседания Комиссии по охране пам. иск. и старины бывшей Троице-Сергиевой Лавры от 1 января 1922 года (ОУ СПИХМЗ. Оп. 2. Д. 36. Л. 3 об.); Акт от 10 марта 1922 г. (ОУ СПИХМЗ. Фонд Комиссии. Оп. 1. Д. 41. Л. 4).
- 45 Протокол совещания Уполномоченного Главмузея Н.Н. Померанцева с членами Комиссии по охране памятников искусства и старины б. Троице-Сергиевой Лавры. 2 июня 1922 г.: «...Слушали о поломках... в трапезной и о мерах и охране ее...». Постановили: «Не допускать использования трапезной ни для каких обиходных надобностей и использовать ее лишь для прямого музейного назначения...» (ОУ СПИХМЗ. Фонд Комиссии. Оп. 1. Д. 36. Л. 19). Это решение, к сожалению, часто нарушалось. См.: Протокол заседания Комиссии от 29 сентября 1922 г.: «Объявление

культкома Техникума об устройстве бала 1 октября в здании б. Трапезной». Постановили: «Бал разрешить». (Возразил А.Н. Свириин) (ОУ СПИХМЗ. Фонд Комиссии. Оп. 1. Д. 36. Л. 19).

⁴⁶ Свириин А.Н. Сергиевский историко-художественный музей. Б. Троицкая Лавра. Путеводитель. Серия «Подмосковные музеи». М.; Л., 1925. С. 21.

⁴⁷ ОУ СПИХМЗ. Оп. 2. Д. 12. Л. 15 (сохранена орфография источника).

⁴⁸ В 1980-е годы нами были просмотрены в Отделе учета музея Книги поступлений икон в музейное собрание за 1922 г. Было обнаружено несколько икон, названия которых соответствовали указанным в Описи 1908 г. в составе иконостаса Сергиевского храма. Однако записи в Книге поступлений очень краткие; зачастую, кроме названия икон и даты поступления, других данных нет, поэтому установить происхождение икон невозможно.

М.А. Власникова

Изменение функциональной типологии Воскресенского Смольного собора в XX — начале XXI в. в контексте его сохранения

Воскресенский Смольный собор — выдающийся памятник церковной архитектуры Санкт-Петербурга XVIII—XIX вв. Строительство храма осуществлялось в 1748—1754 гг. по проекту архитектора Ф.Б. Растрелли, который спроектировал ансамбль Смольного монастыря, однако зодчий не успел завершить интерьеры собора. Окончательную отделку храма и ремонт, потребовавшийся после длительного периода запустения собора, произвел в 1832—1835 гг. архитектор В.П. Стасов. Так строительство храма растянулось почти на столетие.

В 1922 г. Смольный собор был закрыт, а после 1931 г. в нем был организован склад, существовавший до 1950-х годов. Архитектурно-художественная ценность Смольного собора была осознана уже в 1920-х годах — храм поставили на государственную охрану, но его закрытие и дальнейшее использование под склад способствовали разрушению памятника. История Смольного собора в последующие десятилетия демонстрирует попытки открытия доступа в храм для ознакомления с его интерьерами.

В 1934 г. ввиду того, что Смольный собор был недоступен для посещения, архитектор П.А. Всеволожский предложил проект его приспособления для современного использования как «Дома науки»: планетария с возможностью демонстрации модели Солнечной системы, маятника Фуко, физических опытов, размещения библиотеки или выставок. В рамках проекта предполагалось перекрытие основного объема здания на несколько ярусов и использование подвала под книгохранилище, научно-показательные кабинеты, диорамы. Архитектор предполагал, что проект позволит сделать выдающийся памятник «доступным для обозрения экскурсий и интуристов», оставив «внутреннюю поздней-

шую стасовскую обработку <...> в своих главных частях ненарушенной»¹.

Спустя три года после предложения П.А. Всеволожского, в 1937 г. архитектор А.И. Гегелло создал проект реконструкции Смоленского собора под планетарий и музей². По замыслу Гегелло, в соборе устанавливалось железобетонное перекрытие, разделяющее основной объем здания на два этажа. В центре первого этажа устраивался зал планетария с полусферическим куполом, по бокам от планетария проектировалось фойе для проведения выставок. Предполагалось второй этаж занять кинолекторием и залами музея мироведения, барабан центрального купола разделить спиралевидным перекрытием на пять ярусов с обустройством в них выставочного пространства³. Реконструкция Смоленского собора по данному проекту не состоялась. При его реализации могла быть нарушена сохранность и целостность интерьеров храма. Существовала опасность не только искажения восприятия интерьеров, но и их разрушения в ходе реконструкции. Проект Гегелло напоминал проект приспособления Никольской единоверческой церкви в 1934—1936 гг. архитектора Сивкова⁴.

В послевоенные годы в Смоленском соборе размещался склад стройматериалов, однако в 1951 г. в результате обследования ансамбля Смоленского монастыря делается заключение о недопустимости использования памятника в качестве склада и вновь звучит мысль о необходимости открытия интерьеров для посещения. Тогда впервые была зафиксирована идея организации в Смоленском соборе строительной выставки⁵.

Следующие обнаруженные сведения относятся уже к 1960-м годам. Вплоть до этого времени интерьер собора оставался недоступным для осмотра. В 1960-е годы происходит подъем общественного интереса к историко-культурному наследию, развивается туризм. В связи с этим возвращаются к идее использования храма под культурно-просветительское учреждение.

В 1965 г. Ленинградское отделение Союза советских архитекторов выдвинуло предложение об использовании Смоленского собора под постоянно действующую выставку «Макет Генерального плана развития Ленинграда» «в целях обсуждения на этом макете градостроительных вопросов с широкими массами трудящихся»⁶. Как и тремя десятилетиями ранее, для более рационального использования площадей пространство храма, включая алтарную

часть, предполагалось разделить на несколько ярусов. Проект, разработанный архитекторами института «Ленпроект» Г.А. Байковым и В.К. Якоби (мастерская № 1) в 1968 г., предполагал создание трех ярусов в западной части и в центральном алтаре. По сторонам располагались вертикальные щиты с перегородками. Согласно другому проекту этих же архитекторов, в соборе размещались по бокам и в центральной части щиты, в центре также устраивалась круглая лестница, ведущая на второй ярус, который обустроивался в центральном алтаре. В соборе планировали разместить экспозиционный центр Музея истории Ленинграда, посвященный генеральному плану развития города⁷. Кроме того, в 1969—1971 гг. был подготовлен проект другого архитектора «Ленпроекта» — А.В. Кука (мастерская № 3), который после некоторых переделок и был утвержден⁸. В 1970 г. Смольный собор вошел в состав Государственного музея истории Ленинграда⁹.

В 1970 г. идея выставки, раскрывающей перспективы развития Ленинграда на следующие 15—20 лет, описывалась следующим образом: «Будут представлены и наглядные графические планшеты — планы, фасады зданий, развертки и перспективы будущих ансамблей, макеты и объемные модели. Статичную экспозицию предполагается дополнить современными проекционными средствами показа на экранах диапозитивов и фильмов. Составные части экспозиции явятся внесенными экспонатами, расположенными в роскошном обрамлении внутренней архитектуры здания, созданной некогда зодчим В.П. Стасовым»¹⁰.

Реставрация Смольного собора с интерьерами продолжалась всю первую половину 1970-х годов. В храм были проведены теплотрасса, водопровод, канализация и вентиляционное оборудование для воздушного отопления¹¹. Одновременно с этим проектировалась экспозиция «Строительство и благоустройство Ленинграда по генеральному плану 1966 г.». Эскизный проект экспозиции подготовил институт «Ленпроект» в 1970 г., исполнением проекта занимались художники Комбината живописно-оформительского искусства, а за «Ленпроектом» оставался консультационно-авторский надзор. В ходе работ, согласно Акту от 2 октября 1972 г.¹², был разобран и вывезен из собора исторический резной иконостас¹³. В письме Государственного музея истории Ленинграда в Государственную инспекцию по охране памятников сообщалось: «В связи с окончательным согласованием с «Ленпроектом» рабочих

чертежей на конструкцию экспозиционной эспланады выставки генерального плана в здании б. Смольного собора, дирекция Государственного музея истории Ленинграда подтверждает необходимость разборки иконостаса согласно утвержденному проекту»¹⁴.

Срок открытия выставки все время сдвигался: первоначально запланированная к открытию 1 ноября 1971 г., затем — к 25 декабря 1972 г., выставка была открыта только в мае 1974 г. Связано это было с недостаточной эффективностью проводившихся работ: так, в январе 1973 г. произошла авария с отоплением, в результате чего оказался залит подвал, а к середине 1973 г. собор, вместо проведения в нем ремонтно-реставрационных работ, оказался занят раздевалками для рабочих, выполнявших работу на других объектах; кроме того, сроки отодвигались в связи с задержками изготовления выставочного оборудования на заводах Ленинграда¹⁵.

Экспозицию «Ленинград сегодня и завтра» намеренно создавали на контрасте с архитектурой Смольного собора. Ее строили по круговому принципу. Использовались электрифицированные круговые стенды с плоскостными макетами, настроенными на воспроизведение показа в течение 10 минут с 20-минутным интервалом; показ имел звуковое сопровождение. На плоскостную основу устанавливали объемные макеты отдельных архитектурных ансамблей, комплексов и зданий, а также скульптуры, характеризующие архитектурный облик «старого и нового Ленинграда». Освещение должно было имитировать время суток. Осмотр экспозиции осуществляли с эспланады, которую первоначально планировали сделать на уровне 2-го яруса, однако впоследствии решили поднять на уровень цоколя и пилонов «с учетом сохранения пропорций архитектуры интерьера Смольного собора»¹⁶. Содержательная сторона экспозиции предполагала показ тем, посвященных росту территории Ленинграда, планировочной структуре города, «существующее и предлагаемое районирование города в соответствии с планировочной структурой генерального плана, новую систему общественных центров», развитию учреждений, проекту развития центра города, размещению жилищного строительства, инженерным работам по подготовки территорий для строительства, развитию зеленых насаждений, ленинградского транспорта, метрополитена, сельского хозяйства. Чердачные и подвальные помещения планировали занять кафе, кинозалом, приемными для посетителей и комнатами сотрудников¹⁷. Экспо-

зиция должна была носить пропагандистский характер, раскрывая «вопросы строительства, благоустройства Ленинграда, борьбу ленинградцев за повышение благосостояния в ответ на решения XXIV съезда партии»¹⁸.

Итак, экспозиция была открыта в мае 1974 г. Открытие выставки впервые дало возможность ознакомления с интерьерами выдающегося творения архитекторов Ф.Б. Растрелли и В.П. Стасова; в 1974—1975 гг. собор посетило свыше 110 000 человек, экскурсий по экспозиции было проведено 2 900¹⁹. Характерно, однако, что в экспозиции не было отведено места для рассказа об истории и архитектуре самого Смольного собора и монастыря в целом.

Экспозицию периодически дополняли новыми темами и материалами. В 1982 г. рассматривали возможность дополнения экспозиции разделами «Наука» и «Сельское хозяйство». Также была открыта выставка, посвященная культуре и искусству Ленинграда в предшествующие годы, большая часть которой была посвящена Театру оперы и балета им. С.М. Кирова. В экспозиции демонстрировали эскизы декораций, костюмов, фотографии, грамоты, переданные на временное хранение из театра, а также костюмы, выкупленные Музеем истории Ленинграда²⁰. Впоследствии в Смольном соборе была открыта самостоятельная выставка «Интенсификация-90»²¹.

До 1987 г. выставку посещало свыше 100 000 человек ежегодно. Однако к 1987 г. была осознана инородность выставки по отношению к Смольному собору: «Экспозиция, размещенная в соборе, не соответствует ни градостроительной роли памятника в окружающей застройке, ни специфике его интерьера, ни той социокультурной функции, которую потенциально способно выполнять это уникальное сооружение. Тематическая направленность экспозиции находится в резком противоречии с архитектурно-пространственной средой памятника»²². Было осознано, что любая экспозиция разрушает архитектурно-художественную среду памятника, и для минимизации негативного влияния экспозиции необходимо совпадение ее тематики с характером помещения и его типом. Особенно это касается экспозиции, посвященной современности, так как она требует аудиовизуальных средств, «„второй каркас“ здания из щитов, перегородок, подвесных потолков, создающих необходимый фон для экспозиции и искажающих исторические интерьеры», в результате чего «музей и памятник противостоят друг другу»²³. Ввиду этого представлялось целесо-

образным «с точки зрения интересов музея и с позиций сохранения памятника архитектуры» вынесение выставки «Ленинград сегодня и завтра» из Смольного собора²⁴. Именно тогда была впервые предложена идея создания в Смольном соборе концертного зала, в котором проводились бы концерты классической и современной музыки, вечера поэзии, театрализованные представления и т. д., что способствовало бы «пропаганде отечественной музыкальной культуры и поэзии»²⁵. Одновременно с тем, в Смольном соборе планировали проводить выставки, которые усиливали бы эмоционально-художественное воздействие концертов. Театрально-концертный зал считался подходящим под «зрелищную функцию», которая, по мнению авторов концепции, присуща храмовой архитектуре, и потому он будет соответствовать историческому интерьеру, в котором лишь появится необходимая мебель и оборудование. Алтарную часть предполагали занять под вспомогательные помещения.

Весной 1988 г. в Смольном соборе был произведен демонтаж выставки «Ленинград сегодня и завтра». Идея преобразования Смольного собора в самостоятельный объект показа, т. е. его полноценная музеефикация, не была реализована. Концертно-выставочный зал признавали наиболее рациональным способом использования Смольного собора, так как «любая форма утилитарной эксплуатации собора для нужд какого-либо иного учреждения культуры будет свидетельствовать о снижении его социального статуса»²⁶.

Также в эти годы возникает концепция многофункционального центра культуры, который обеспечит «синтез архитектуры, живописи, скульптуры, музыки и театрального действия, ради которого и было возведено это уникальное сооружение» и позволит преобразовать Смольный собор в «истинный храм искусств, материализующий идею античного Музейона <...>. Вся деятельность такого центра должна быть определена значимостью Смольного собора как уникального явления русской культуры, в котором в легко доступной для восприятия форме сконцентрирована сама история»²⁷. Считалось, что такой центр станет образцом новой динамической концепции музея взамен «изжившему себя традиционно замкнутому музею»²⁸. Концепция интерпретировала пространство и назначение храма в соответствии со сложившимися подходами к популяризации религиозного искусства: подчерки-

валось, что богослужение — это театральное действие, а основная функция храма — зрелищная. В рамках концепции одной из возможных форм многофункционального центра культуры рассматривался музейно-концертный комплекс²⁹.

В это время впервые предлагается размещение в Смольном соборе постоянной экспозиции, посвященной истории и архитектуре Смольного собора и творчеству Ф.Б. Растрелли и В.П. Стасова. Темы других выставок, предполагавшихся к размещению в соборе, были посвящены разнообразным историческим и историко-бытовым темам: мебели XVIII — первой половины XIX в., русскому фарфору и костюму XVIII — начала XX в., агитационному фарфору 1920—1930-х годов и др. Отмечалось, что современное выставочное оборудование должно позволить максимально обозревать интерьер храма; подчеркивалось, что акустика Смольного собора «предназначена для естественного звучания человеческого голоса, хоровой музыки в камерном исполнении»³⁰. Храм должен был стать музеем в дневное время и концертной площадкой в вечернее. Это считалось наиболее эффективным использованием собора, которое должно было отвечать требованиям общественности и художественных организаций, критиковавших экспозицию «Ленинград сегодня и завтра».

На сентябрь 1988 г. было запланировано открытие концертного зала, на июль 1989 г. — многофункционального концертного комплекса, рассматриваемого как эксперимент. Однако была обнаружена необходимость проведения реставрационных работ, которые отодвигали открытие концертного зала на ноябрь 1988 г.³¹ В новом концертном зале была развернута выставочная деятельность, проводились творческие мероприятия. Среди выставок по различным тематикам, в том числе оружия, выделялась запланированная на май — сентябрь 1990 г. выставка, посвященная 270-летию Ленинградской епархии. Однако стилистическое решение оборудования концертного зала вызвало критику. Так, 835 посадочных мест были обеспечены банкетками из разных материалов разных цветов³².

В 1989—1990 гг. возникает концепция преобразования всего комплекса Смольного монастыря под Центр русской национальной культуры, так как помещения монастыря занимали более 100 различных организаций, что отрицательно сказывалось на сохранности памятника. Концепция Центра русской националь-

ной культуры основывалась на идее русских монастырей, которые «являлись центрами науки, культуры, ремесла, искусства»³³. Соединение в монастырском ансамбле музейной, выставочной, концертной деятельности, библиотеки по русскому искусству, художественной и музыкальной школы, по мнению авторов концепции, должно было «возродить первоначально значение памятника, но в качественно ином значении (так в тексте. — М.В.)»³⁴. Основой Центра должен был стать Смольный собор, к которому планировалось присоединить остальные монастырские корпуса. Новый Центр должен был создать возможности для активного участия в самом процессе культуры и искусства. Важно, что концепция предполагала экспонирование православных икон и утвари, которые находились в запасниках Музея истории религии и атеизма и требовали реставрации. Таким образом, наблюдалось концептуальное движение в сторону создания «живого музея». Концепция была поддержана Ленинградским правительством, однако не была реализована. Часть помещений Смольного монастыря передали Ленинградскому государственному университету, что вызвало широкую волну протестов: петицию против передачи зданий монастыря ЛГУ подписали 10000 человек³⁵.

Вместе с тем, концертно-выставочный комплекс «Смольный собор», где в 1991 г. был создан хор, также требовал расширения и не поддержал передачу зданий ЛГУ³⁶. В середине 1991 г. был подготовлен проект решения Исполкома Ленинградского городского совета народных депутатов о передаче всех зданий Смольного монастыря Государственному центру классической культуры и искусства с присвоением ансамблю статуса историко-художественного и архитектурного заповедника³⁷. Согласно проекту Государственного центра классической культуры и искусства, здания должны были занять хоровое училище, оркестр, хор Смольного собора, репетиционные залы и музыкальные классы, музей современного искусства, музыкальные салоны, постоянные экспозиции художественных промыслов и выставочные залы, два концертных зала, а также постоянная экспозиция, посвященная истории строительства Смольного монастыря и института, творчеству Ф.Б. Растрелли, а также гостиница на 500 мест. Данная концепция получила поддержку многих общественных организаций, деятелей культуры и искусства, однако проект подписан не был.

Необходимо отметить, что конец 1980-х — начало 1990-х годов стали периодом борьбы за комплекс Смольного монастыря между различными организациями, соревновавшихся в концепциях использования зданий ансамбля. Кроме двух указанных концепций, была создана третья, принадлежавшая Ленинградскому государственному университету. Данная концепция подразумевала создание многоцелевого гуманитарного комплекса, сочетающего общедоступный образовательный гуманитарный центр для взрослых, молодежный клуб и театр-студию, гуманитарную библиотеку, факультет социологии и центр русского языка и культуры, а также выставки, организованные музеем ЛГУ³⁸. Августом 1991 г. датированы последние обнаруженные архивные документы государственного концертно-выставочного комплекса «Смольный собор» с просьбой поддержать именно их проект и не передавать весь монастырский комплекс ЛГУ. Вероятно, общественно-политические события последующих лет приостановили борьбу за комплекс; по крайней мере, в итоге некоторые здания были переданы ЛГУ, а другие вновь заняли различные организации. Таким образом, музеефикация Смольного монастыря и создание на его базе историко-архитектурного и художественного заповедника не состоялась, а Смольный собор остался концертно-выставочным комплексом.

В концертно-выставочном комплексе «Смольный собор» проводились не только хоровые и вокальные, но и симфонические, балетные, фольклорные концерты, фестивали. Выставочная деятельность была ограничена, что было обусловлено отсутствием фондов, кадров, финансирования, а также утвержденной концепции. Приоритетным направлением стали межмузейные выставки. Из документов 1997 г. выясняется, что использовали выставочное оборудование, оставшееся от экспозиции «Ленинград сегодня и завтра», а выставка, занимавшая половину экспозиции и посвященная истории Смольного монастыря, была построена исключительно на фотографиях³⁹. К 2000 г. выставочная деятельность сосредоточилась в основном на художественной тематике.

В 2004 г. Смольный собор вновь вошел в состав государственного музея, на этот раз Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор», по-прежнему со статусом концертно-выставочного зала. Усилиями ГМП «Исаакиевский собор» проводились масштабные реставрации, осуществлялась профессиональная экскурсионная деятельность и контроль музейных специалистов

за состоянием сохранности памятника. Смольный собор получил широкую известность как концертный зал и стал одним из символов Санкт-Петербурга. Тем не менее, степень вмешательства в интерьеры с целью создания современного комфортабельного концертного зала была достаточно высока, что затрудняло обзор интерьеров и снижало возможности раскрытия историко-культурной ценности памятника.

С 2009 г. Смольный собор, кроме концертной функции, стал выполнять также религиозную. В 2016 г. он был передан Русской Православной Церкви, что открыло новый этап существования Смольного собора как действующего храма. Сегодня Смольный собор — это православный храм, однако в нем проводятся экскурсии историко-культурного характера, в подклете проектируется музей, продолжают реставрационные работы и осуществляется реконструкция исторического иконостаса. В Смольном соборе действуют детская воскресная школа, уникальный культурно-просветительский проект для детей — Школа смолянок и Пажеский корпус, проходят репетиции студентов — членов межвузовской ассоциации «Покров». Таким образом, развиваются различные направления социокультурной деятельности.

Итак, история Смольного собора во второй половине XX — начале XXI в. показала стремление актуализировать и использовать ценный памятник, создав в нем учреждение культуры. Благодаря открытию выставки «Ленинград сегодня и завтра» удалось остановить разрушение памятника, происходившее в результате запустения, а затем эксплуатации здания в качестве склада. Кроме того, памятник удалось включить в культурную жизнь города. Однако рассмотренные проекты показывают невозможность комплексного раскрытия историко-культурной ценности памятника без учета его самоценности. В настоящее время Смольный собор обладает потенциалом для становления центром культуры и искусства, идеи которого развивались в начале 1990-х годов, но уже в качестве действующего храма, обеспечивающего сохранение материального и духовного культурного наследия.

¹ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 15. Д. 50. Л. 5. Цит. по: *Погребская А.А. Об использовании церквей Ленинграда, закрытых в 1930-е годы // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2010. № 2. С. 320.*

- 2 Проекты атрибутировала зав. сектором научного отдела хранения архитектурно-графических фондов XX–XXI вв. Музея архитектуры им. Щусева искусствовед И.Е. Финская. Они были представлены на выставке «Александр Гегелло: между классикой и конструктивизмом» (Государственный музей архитектуры им. А.В. Щусева, 19 апреля — 11 августа 2019 г.).
- 3 ГНИМА. Научный отдел хранения архитектурно-графических фондов XX–XXI вв. Па 7964/6, Па 7964/4.
- 4 Официальный сайт Российского музея Арктики и Антарктики: История. URL: <http://www.polarmuseum.ru/history/history.html> (дата обращения: 28.11.2019 г.).
- 5 ЦГАЛИ СПб. Ф. 341. Оп. 1. Д. 285. Л. 44, 52.
- 6 Там же. Д. 691. Л. 15.
- 7 *Пилявский В.И.* Смольный. Л., 1970. С. 97–98.
- 8 НИА ГМИ СПб. Ф. 1. Оп. 3. Д. 29. Л. 26–27.
- 9 Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 177. Л. 1.
- 10 *Пилявский В.И.* Смольный. С. 98, 102.
- 11 НИА ГМИ СПб. Ф. 1. Оп. 3. Д. 177. Л. 1.
- 12 Архив КГИОП. Акт ГИОП от 26 сентября 1972 г. См.: *Самусенко С.В., Катаев Р.С.* Разработка проектной документации на реставрацию интерьеров собора Воскресения Словущего, входящего в состав объекта культурного наследия федерального значения «Смольный собор». Раздел 2. Комплексные научные исследования. Ч. 1. Историко-архивные и библиографические исследования. Шифр: ПД-23–16 КНИ-1 (ЗАО «СПб-ПРОЕКТ». СПб., 2016. С. 78).
- 13 Разборка деревянного резного золоченого иконостаса М. Месмахера утверждалась Управлением Комитета по охране памятников при президиуме ВЦИКа в 1935 г. и Инспекцией по охране памятников Ленинграда в 1952 г. (*Пилявский В.И.* Смольный. С. 52, 65).
- 14 Архив КГИОП. Письмо Государственного музея истории Ленинграда № 1385 от 27 сентября 1972 г. Цит. по: *Самусенко С.В., Катаев Р.С.* Разработка проектной документации на реставрацию интерьеров собора Воскресения Словущего... С. 78.
- 15 НИА ГМИ СПб. Ф. 1. Оп. 3. Д. 157. Л. 1, 5; Д. 239.
- 16 Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 177. Л. 3, 27, 55, 56, 61; Д. 31. Л. 1.
- 17 Там же. Д. 31. Л. 61–66.
- 18 ЦГАЛИ СПб. Ф. 105. Оп. 2. Д. 801. Л. 45.
- 19 НИА ГМИ СПб. Ф. 1. Оп. 3. Д. 313. Л. 1.
- 20 Там же. Д. 633. Л. 6.
- 21 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 249. Д. 427. Л. 1.
- 22 ЦГАЛИ СПб. Ф. 105. Оп. 6. Д. 178. Л. 6.
- 23 Там же. Л. 7.
- 24 Там же.
- 25 Там же.
- 26 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 240. Д. 80. Л. 14.

- 27 Там же. Л. 15.
28 Там же. Л. 16.
29 Там же. Л. 17.
30 Там же. Оп. 247. Ч. 4. Д. 1442. Л. 2.
31 Там же. Оп. 249. Д. 427. Л. 2—4.
32 ЦГАЛИ СПб. Ф. 105. Оп. 6. Д. 178. Л. 22.
33 ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 247. Ч. 4. Д. 1442. Л. 17, 19.
34 Там же. Л. 21.
35 Там же. Л. 28.
36 Там же. Оп. 251. Д. 345. Л. 34.
37 ЦГАЛИ СПб. Ф. 105. Оп. 6. Д. 178. Л. 62—63.
38 Там же. Л. 85—86.
39 Там же. Оп. 7. Д. 382. Л. 3.

Реконструкция исторического интерьера Воскресенского Смольного собора

В 2020 г. исполняется 185 лет со дня завершения строительства и освящения Воскресенского Смольного собора. Выдающийся памятник архитектуры, один из самых известных храмов Санкт-Петербурга был окончен и освящен по повелению императора Николая I в 1835 г., спустя 87 лет с момента закладки, совершенной изволением императрицы Елизаветы Петровны в 1748 г.¹

Ансамбль Смольного монастыря был создан Ф.Б. Растрелли в 1748—1754 гг. Однако в силу разных обстоятельств архитектор не завершил свое творение². Смольный собор остался без внутренней отделки и длительное время простоял без всякого использования. Автор проекта завершения храма — Василий Петрович Стасов — мастер эпохи классицизма, создал интерьер, диссонирующий с барочным экстерьером. Попытки исправить ситуацию привели к переделкам конца XIX в., выполненным по проекту М. Месмахера³.

Собор являлся действующим православным храмом до 1922 г. После закрытия он использовался как складское помещение, что привело к утратам значительной части интерьера. В 1974 г. в соборе открыли первую музейную экспозицию, в начале 1990-х годов собор становится концертно-выставочным залом, вошедшим в 2004 г. в состав Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор». Значительные ремонтно-восстановительные работы привели к созданию современного концертного зала с пространством для проведения выставок⁴.

25 января 2016 г. Смольный собор был торжественно передан Русской Православной Церкви. Сразу же была поставлена задача создания церковного интерьера. Единственно возможным вариантом решения вопроса настоятелем собора после консультаций

с профессиональным сообществом была признана реконструкция исторического интерьера, сформировавшегося в течение нескольких столетий.

Нереализованный замысел архитектора Ф.Б. Растрелли остался известен по скудным источникам⁵, в частности, по раздвижной модели собора, созданной под руководством знаменитого зодчего в середине XVIII в. и хранящейся ныне в Научно-исследовательском музее Российской академии художеств. Следующий проект интерьера был выполнен В.П. Стасовым в 1830-е годы. Он стал первым реализованным проектом. Созданный в классицистической стилистике, строгий, простой, величественный внутренний вид собора резко контрастировал с пышным барочным экстерьером⁶, что смущало профессионалов уже во второй половине XIX в.⁷ По общему мнению, было решено сделать новые иконостасы в барочной стилистике. С задачей успешно справился М. Месмахер. В 1870—1880-е годы им были созданы иконостасы главного и боковых приделов⁸. Наиболее полными оказались исторические данные по последним иконостасам⁹, просуществовавшим в своей целостности до 1920-х годов (каркас главного иконостаса был разобран в 1970-е годы). Было решено реконструировать эти иконостасы, а также другие элементы интерьера собора, существовавшие в начале XX в. Проект реконструкции иконостасов выполнен проектной организацией ЗАО «СПб-Проект» под руководством С.В. Самусенко¹⁰.

Работы начала осуществлять реставрационно-строительная компания АО «РЕМФАСАД». Первым этапом начавшейся реконструкции интерьера стал демонтаж оборудования концертного зала, в том числе сцены, занавесов и их конструкций, стойки ресепшн, драпировки окон и фальшпола. Следующей задачей стала реконструкция пола, состоящего из крупноразмерных блоков «ревельской лещадной плиты», то есть известняка, привезенного с территории современной Эстонии. Выяснилось, что историческое покрытие сохранилось не на всей площади храма. Исторические плиты из известняка имели одинаковый размер: около 1400×1400 мм. При этом в некоторых местах полностью утраченная историческая плита была заменена цементно-песчаной стяжкой. На поверхность исторических плит был нанесен выравнивающий слой известково-песчаного раствора, заполнивший изъяны поверхности камня. В отдельных случаях выравнивающая стяжка была выполнена из раствора на цементном вяжущем веществе.

Другими этапами работ стали: реставрация мраморных плит покрытия и ступеней солеи северного и южного приделов; реставрация облицовки колонн и подиумов из искусственного мрамора, отделки стен, сводов, лепного декора и профилированных элементов интерьера.

Главной задачей осталась реконструкция иконостасов главного объема и двух боковых приделов. Выполнение работ осуществляла группа художников ООО «Колорит-СПб» — опытные мастера, члены Союза художников России (Ивановское отделение) Вениамин Цветков и Вячеслав Алексин, а также диакон Алексей Матвеев. Фрагменты убранства врат были прорисованы со всеми деталями на графических эскизах. Они стали основой для создания моделей из пластилина. Мастера провели большую работу — все детали были вылеплены в натуральную величину. Несмотря на то, что этот этап по характеру являлся подготовительной частью работы, он был очень важен, предваряя воплощение непосредственно в материале.

Вылепленные модели утверждал авторитетный совет курирующей работу организации. На данный момент начато изготовление из дерева Царских врат иконостаса северного придела. Художественной особенностью врат стало сочетание в декоре растительных и антропоморфных (головы ангелов) мотивов, текучесть причудливых линий, сложность светотеневой игры объемов, создаваемая лепкой, общая живописность пластических масс.

Срок исполнения работ по реконструкции всех трех иконостасов не установлен ввиду сложности и многоплановости работ. Отдельным этапом станет реконструкция живописи иконостасов.

Кроме иконостасов, планируется восстановление иных малых архитектурных форм: Царского места, кафедры проповедника, мраморной доски в память императрицы Марии Федоровны, а также хрустальной балюстрады главного и боковых алтарей.

Несмотря на существующие сложности, первые результаты ремонтно-восстановительных работ позволяют говорить об определенных успехах реконструкции исторического интерьера собора, выполненного выдающимися мастерами XIX в. — В.П. Стасовым и М. Месмахером.

¹ Жерихина Е.И. Смоленый: История зданий и учреждений. СПб., 2013. С. 36.

² Малиновский К.В. Бартоломео и Франческо Растрелли. СПб., 2017. С. 179, 187.

- ³ Хайретдинова М.Е. Интерьер Смольного собора: проектирование, создание, изменения // Кафедра. Мат. науч.-практ. конф. «Сей храм наименован собором всех учебных заведений». СПб., 2010. С. 293.
- ⁴ Квятковский А.В., Хайретдинова М.Е. Смольный собор сегодня и завтра (хроника современной жизни) // Кафедра. Мат. науч.-практ. конф. «Сей храм наименован собором всех учебных заведений». СПб., 2010. С. 189.
- ⁵ Батовский З. Архитектор Ф.-Б. Растрелли своих творениях. СПб., 2000.
- ⁶ Краткое сведение о начатии и докончании собора всех учебных заведений и о бывшем в оном торжестве 22 июля 1835 года (РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 830. Дело по составлению записки о начатии и докончании собора всех учебных заведений. Л. 30—42); Тыхтенко Т.Е. Василий Стасов. Л., 1990.
- ⁷ О возобновлении собора всех учебных заведений (РГИА. Ф. 758. Оп. 14. Д. 239. Л. 24—49).
- ⁸ Об устройстве иконостаса в соборе всех учебных заведений (РГИА. Ф. 759. Оп. 33. Д. 207); Об устройстве иконостасов в боковых приделах (РГИА. Ф. 759. Оп. 33. Д. 1160); Дело о ремонтных работах в здании собора всех учебных заведений (РГИА. Ф. 759. Оп. 80. Д. 108); По отношению управляющего собором всех учебных заведений о рассмотрении составленного академиком Месмахером рисунка иконостаса (РГИА. Ф. 789. Оп. 9. Д. 81); Тыхтенко Т.Е. Максимилиан Месмахер. Л., 1984.
- ⁹ Хайретдинова М.Е. Интерьер Смольного собора... С. 297.
- ¹⁰ Самусенко С.В., Катаев Р.С. Разработка проектной документации на реставрацию интерьеров собора Воскресения Словущего, входящего в состав объекта культурного наследия федерального значения «Смольный собор». Раздел 2. Комплексные научные исследования. Ч. 1. Историко-архивные и библиографические исследования. Шифр: ПД-23—16 КНИ-1 (ЗАО «СПБ-ПРОЕКТ». СПб., 2016. С. 3).

И.А. Мирлас

«В лаптях, но со своим народом»

К 116-летию со дня рождения и к 40-летию со дня кончины схимонахини Иоанны (Анны Сергеевны Патрикеевой, 22 августа (4 сентября) 1904 г., Москва — 21 июля 1980 г., Дмитров)

Родиться в сказочно богатой семье, получить блестящее светское образование и земли в приданое на месте гостиницы «Москва», пережить смерть любимого отца, революцию. Бросить все богатства, не уехать за границу и остаться в России, чтобы родиться заново, став духовной дочерью ссыльного епископа; сопровождать его, а затем посвятить свою жизнь служению Богу — такой была яркая и трагическая жизнь московской барышни Аннеты Патрикеевой, которую мир больше знает, как схимонахиню Иоанну.

1904-й год. Царский Дом и Россия в ожидании рождения наследника, предсказанного во время прославления преподобного Серафима Саровского. Богатый купец Сергей Патрикеев тоже в ожидании рождения сына, пятого ребенка, как и в царской семье. В царском дворце родился цесаревич Алексей. У Сергея Павловича Патрикеева, спустя полтора месяца, в Москве родилась девочка. «Она вас утешит», — сказала опечаленному отцу теща — Александра Игнатьевна Осипова (рис. 1).

Будущая схимонахиня происходила из купеческой семьи, имеющей глубокие корни в российской истории. Солидное состояние, связи с высшим светом, недвижимость в Москве и Петербурге, усадьба в Химках. Семья была глубоко верующей. В их доме бывали старец Варнава, отец Иоанн Кронштадтский, владыка Арсений Жадановский и архимандрит Серафим Звездинский¹.

Дедушка Анны — Павел Васильевич Патрикеев, почетный потомственный гражданин, меценат, часто общался с митрополитом Московским Филаретом, искал у него помощи и утешения в жизненных невзгодах. Пришедший в запустение храм Святого Владимира в Старых Садах с приделами Кирика и Иулиты и Бориса и Глеба, об-

Рис. 1. С.П. Патрикеев с маленькой Анной. 1905 г.

новил внутри; выстроил на нужды церкви и причта двухэтажный каменный дом. Сергей Павлович продолжил дело отца: нанял лучших певчих, обновлял квартиры в церковных домах (рис. 2).

Бабушка — Александра Игнатъевна Осипова — построила новую трапезную для братии Киево-Печерской лавры; в Тихоновой пустыни близ Калуги возвела храм. Принимала большое участие в создании храма в Черниговском скиту лавры преподобного Сергия.

Рис. 2. Павел, Мария, Александра, Ольга и Анна Патрикеевы. 1907 г.

В 1912 г. Патрикеевы получили дворянство (рис. 3). Через два года началась Первая мировая война, а 26 ноября 1914 г. скончался Сергей Павлович. Есть основания предполагать, что по избрании на пост городским головой он был отравлен представителями новой, надвигающейся политической формации за истинно русские убеждения. Любовь к России была основополагающей в его деятельности. Обращаясь к своим детям, Сергей Павлович призывал их хранить преданность воспитавшей их земле. Предчувствуя трагическое будущее страны, предупреждал: «Наступают дни страшных испытаний для Отечества. Но я говорю вам: если и потеряете материальные блага, все равно оставайтесь в России. В лаптях, но со своим народом...».

С уходом отца все богатства померкли и казались Анне ненужной мишурой. Все ее устремления теперь были направлены к Богу. Маленькими и большими случаями Он указывал Анне ее истинное предназначение.

В день памяти преподобного Тихона Калужского дети с няней поехали в его пустынь. Когда Анна прикладывалась к святыням, инок спросил ее:

Рис. 3. Родители Анны А.А. Патрикеева и С.П. Патрикеев

- Девочка, откуда ты?
- Из Химок.
- С Химок — схимница, — трижды ласково повторил старец.

Анна училась в гимназии Арсеньевой на Пречистенке, где ранее учились и ее старшие сестры (рис. 4). Перед началом занятий дежурные ученицы читали в актовом зале Евангелие и молитвы. Девочки просили ее: «Патрикеша, почитай молитвы! Ты их знаешь, а мы нет»².

Рис. 4. Анна Патрикеева — ученица гимназии (пятая слева в верхнем ряду)

11 января, на рождественских святках, дома устроили праздник, дети кружились в вальсе, танцевала и Анна. Вдруг ее взгляд упал на образ Спасителя. Она почувствовала, что Он смотрит на нее, и потом долго плакала и молилась, чтобы Он помог ей оставить все земное, — в результате, занятия по вокалу в Московской консерватории были оставлены навсегда. Единственное пение, которое она позволит себе, будут песнопения.

Однажды девушке приснилось, что стоит она перед образом Всеблагой Скоропослушницы, рядом — инок, которому Богородица и вручает Анну. В иноке она узнала друга своего папы, Чудовского архимандрита Серафима.

В 1917 г. грянула революция. 21 ноября (4 декабря) в день Введения во храм Пресвятой Богородицы в Успенском соборе Кремля совершилась интронизация святейшего патриарха Тихона, а 4 июля 1918 г. солдаты стреляли в кресты Чудова монастыря. Детские годы Анны прошли у раки чудотворца, митрополита Алексия, отверзшего очи слепой Тайдулы. Стоя у распятия, она шептала: «Господи, от Креста Твоего никогда бы я не отошла».

В 1920 г. Анна окончила гимназию. Ей шел семнадцатый год. Именно в это время Бог послал ей искушение, чтобы окончательно укрепить ее веру. Летом с девушкой познакомился молодой чело-

век — преподаватель гимназии. Увидев у Анны склонность к книгам религиозного содержания, заговорил с ней на духовные темы. Рассказал о себе, как, покинув веру, заболел тифом и чудом выжил: «Теперь я томлюсь, ищущу спасения и очень рад, что встретил человека, который может мне указать путь к Богу и помочь встать на этот путь».

Его грустное лицо, задушевность и откровенность привлекли Анну. Вскоре они стали проводить много времени вместе — подолгу беседовали, он находил ее в Храме Христа Спасителя, провозжал. Она чувствовала, что привыкает к нему, очень переживала, искала совета у епископа Серафима.

Владыка, выслушав ее, взял со стола ручку, положил ее на палец и спросил: «В какую же сторону у тебя перевес в этом деле? Апостол Павел не запрещает выходить замуж, но говорит: „Таковые будут иметь скорби по плоти“, а мне вас жаль».

Анна не раз задумывалась: «Если бы это имело вечность, тогда можно было бы решиться, но смерть все разрушает. Нет, лучше искать вечного союза...».

По благословиению владыки Арсения и игумении Серафимо-Знаменского скита Фамари Анна учится на курсах во втором мединституте по специальности «фельдшер», чтобы в ссылках оказывать священству и всем нуждающимся неотложную помощь. Во время учебы Анна с матерью живет в квартире фамильного дома в Старосадском переулке. Вскоре их оттуда выселили, и Анна договорилась снимать комнату во флигеле химкинского особняка (уже не принадлежавшего им) с условием выполнения садовых работ.

16 июля 1922 г. Анна закончила медицинские курсы. После назначения преосвященного Серафима епископом Дмитровским юная Анна Патрикеева проводит жизнь в послушании владыке Серафиму. По благословиению схиигумении Фамари (Марджановой) и владыки Арсения (Жадановского), Анна сопровождает епископа Серафима в ссылках. В 1923 г. владыка официально удочеряет Анну, поскольку лишь в случае близкого родства возможно сопровождение ссыльного.

28 сентября 1924 г. в Зырянском крае владыка одел Анну в рясу и апостольник. В ссылках она исполняла обязанности келейницы, псаломщицы и фельдшера, украшала и готовила домовые храмы владыки. Вместе со схиигуменией Фамарью, настоятельницей Серафимо-Знаменского скита, к которому Анна

была заочно приписана с 1920 г., владыка благословил Анну готовиться к постригу в рясофор. Ее же снова мучил туберкулез легких, сопровождаемый высокой температурой. Анна боялась и радовалась одновременно.

Но принять постриг Анна смогла только по освобождению. В ночь на праздник Благовещения 25 марта 1928 г. в Меленках, что во Владимирской области, владыка совершил постриг, облачив Анну в иноческое одеяние. Она сутки молилась за завесой в алтаре домово́й церкви и только в ночь на 26 марта смогла снять одеяние и отдохнуть.

Бог привел Анну исповедовать Его своей жизнью. 15 апреля 1932 г., в среду Страстной седмицы, инокиня Анна отправилась в заключение в Иваново-Вознесенск. Владыку, как больного, оставили дома. На прощание он сказал: «Нюра, я даю тебе с собой Святые Тайны».

Они хранили Анну в страшные минуты. Ее заперли в камере. Ночью не давали спать: двенадцать раз ее допрашивал главный следователь комиссар Мельников, сын протоирея, а затем — начальник тюрьмы:

- Помогите нам строить счастливую жизнь на земле.
- С Богом ли?
- Нет, конечно, без Бога.
- Без Бога счастья не может быть нигде, — ответила Анна.
- Вам будет хуже смерти. Смерти вы не получите!

Силой сняли с нее апостольник и в наказание заставили мыть уборную. Канализацию прорвало, и Анне приходилось убирать руками. От жары и грязи воспалились руки, температура поднялась до 40 градусов. Военный хирург думал, что придется делать ампутацию мизинца, но нарыв лопнул и гной ушел.

- Святая душа, — ласково сказал он.
- Не так легко стать святой, — возразила Анна³.

Действительно, Бог судил ей перенести еще много страданий. По этапу владыка, Анна и инокиня Клавдия прошли и проехали тысячи километров.

В Омске на узловой станции Анна и Клавдия ждали заключенных.

— Вот и началась моя схима... Как я буду скучать о всех, уж очень вас всех люблю, — сказал владыка и дал Анне платок, мокрый от слез.

С 15 июля по 22 октября 1937 г. Анна находится у стен омской тюрьмы. Передач не брали, на вопросы ответов не было. Анна ходила в прокуратуру, в Красный Крест и была в полном неведении о судьбе своего духовного отца владыки Серафима. Ждала, разыскивала, надеялась...

«Ты, дорога, увезла сердце, полное пламенной, нежной, непрестающей любви к нам, грешным чадам его... Где и кого согревают теперь животворящие лучи всепрощающей христианской любви?», — писала в дневниках Анна.

Вернувшись в Москву, она поселилась близ Волоколамска в поселке станции Чисмена. В Москве работала художницей и вышивальщицей в художественной артели. Вставала в три часа ночи, ехала почти сто километров поездом — вечером так же обратно. За трудолюбие и гражданское сознание ее награждают медалью «За доблестный труд». 14 сентября 1939 г., в праздник Черниговской иконы Божией Матери, поезд, в котором Анна ехала на работу в Москву, потерпел страшное крушение у станции Снегири. Мгновенно погибло около сотни человек. Вагон, в котором ехала Анна, был разбит, колеса оторваны. В дверях тамбура, вперемешку с мертвыми, лежали раненые; Анна одна осталась невредима. Смерть, казалось, заглянула ей в глаза. В этот момент Анна вспомнила владыку и тихо сказала, обращаясь к нему: «Прости, дорогой владыка, я умираю и никогда больше не увижу тебя на земле». Вдруг хруст ломающихся железных балок стих. Все утихло, вагон повис, накренившись набок. Анна спустилась на землю. Ни ступенек, ни дверей, все оторвано. На груди у нее были Святые Дары...⁴

18 марта 1942 г. в Ильинском храме Загорска, куда переехала Анна, отец Александр (тайный монах архимандрит Сергей) постриг Анну в мантию, а через две недели — в схиму с именем Иоанна (рис. 5).

С 5 сентября 1942 г. она поселяется в Дмитрове, в Заречье, стремясь во всем держаться устава, заведенного владыкой. Редкий день к матушке не приходили люди, которых звало ее открытое для всех христианское сердце. Поскольку среди посетителей были почитатели архиепископа Серафима, то утешением для всех были воспоминания о днях молитвенного общения с архипастырем. Часто приходили с просьбой оказать материальную помощь.

Матушка никогда не имела денег, но по ее просьбе живущие в достатке всегда приходили на помощь просителю. К ней при-

Рис. 5. Схимонахиня Анна в палисаднике дома в Поддубках

езжали мириться супруги, просили благословения на вступление в брак и с прочими нуждами.

В 1963 г. Иоанна была вынуждена уехать из Заречья: после переезда духовника в Москву сосед начал донимать ее, желая заполучить дом. Ехать было некуда, и ее духовник — отец Борис Гузняков вместе с прихожанами и почитателями матушки собрал деньги на покупку дома с небольшим участком земли за 600 руб. С 13 сентября 1963 г. по 1977 г. схимонахиня жила в селе Поддубки в четырех км от Дмитрова (рис. 6). В 1977 г. началось строительство проселочной дороги, часть которой проходила через дом матушки. Ее спешно выселили, дав комнату в коммунальной квартире поселка ремонтно-технической станции, включенного в черту города.

Умерла матушка в день глубоко чтимой ею Казанской иконы Божией Матери — 21 июля 1980 г., за несколько дней предсказав свою кончину. Похоронена в городе Дмитрове на Красной горке.

Ее духовная дочь Антонина Шадеева вспоминает: «На сороковой день снится мне сон: на берегу моря стоит огромный Животво-

Рис. 6. Схимонахиня Анна в келье. Конец 1970-х годов

рящий Крест. Идет наша матушка мимо и входит в море, а на берегу все камни... наклоняется она и достает небольшой сундучок из воды и несет к Кресту: „Вот мое сокровище. Им я вас и себя защищать буду“. А там, в сундучке, лежат рукописи владыки и ее».

Благодаря схимонахине Иоанне в ее сундучке, который путешествовал с ней везде на этапах, были сохранены письма духовных чад к владыке, его проповеди, беседы, документы канцелярии епископа. Матушка составила три варианта жизнеописаний

ладыки, жизнеописания епископов и священников, с которыми она встречалась на этапах. Ее воспоминания, написанные ярким, образным языком, проникнутые искренностью, простодушием и смирением, читаются с неослабевающим интересом.

Одной из главных своих забот схимонахиня Иоанна считала сохранение памяти о епископе Серафиме, духовная связь с которым никогда у нее не прерывалась. Она считала бесценным наследие архипастыря, шла на многие жертвы и лишения, чтобы сбереечь его и сделать достоянием Церкви.

¹ *Ануфриева-Мирлас Т.С.* Молю о тех, кого Ты дал мне. М., 1999.

² Личный архив Т.С. Ануфриевой. С. 25.

³ Личный архив Т.С. Ануфриевой. С. 99.

⁴ *Ануфриева-Мирлас Т.С.* Оставляю Вам Анну. М., 2006. С. 256.

Р.А. Майоров

К биографии священника Иоанна Тимофеевича Верховского

Иерей Иоанн Верховский (1818—1891) являлся лидером так называемого соединенческого направления единоверия. В отличие от «миссионерского единоверия» архимандрита Павла Прусского, «соединенцы» считали, что их цель — воссоздать единство Русской Церкви, а не подчинить старообрядцев Синодальной Церкви.

Священник Иоанн Тимофеевич Верховский родился в 1818 г. в семье диакона Троицкого третьеклассного единоверческого девичьего монастыря Черниговской губернии. Позже его отец стал благочинным единоверческих приходов Черниговской епархии, а с 5 марта 1827 г., по приглашению петербургских единоверцев храма святителя Николы на Грязной улице (ныне занят музеем Арктики и Антарктики на ул. Марата), был переведен священником в этот храм и перебрался с семьей в столицу.

В 1832—1834 гг. отец Иоанн обучался в Саратовском духовном училище, а затем — в Иркутской и Пермской семинариях. Возвратившись в дом отца, Верховский по собственному желанию, указом Санкт-Петербургской Духовной Консистории, был определен на должность дьячка при Николо-Мировской церкви — старейшем единоверческом приходе Санкт-Петербурга, устроенном в 1799 г., согласно указу императора Павла I, в доме купца И.И. Милова¹. С 1827 г. по 15 марта 1844 г. эта церковь была приписной к крупнейшему единоверческому храму столицы — святителя Николы на Грязной улице, где много лет служил протоиерей Тимофей Верховский. В соответствии с единоверческой традицией, стихарный Иоанн Верховский был выбран прихожанами кандидатом в священный сан и по указу Святейшего Синода 20 июня 1844 г. рукоположен в диаконы преосвященным Вениамином, бывшим архиепископом Олонецким, а 27 августа того же года поставлен викарием

Санкт-Петербургской епархии епископом Ревельским Иустином² в священники Николо-Миловской церкви. Таким образом, иерей Иоанн стал первым священником этой церкви после восстановления ее самостоятельности.

До 1846 г. Николо-Миловский храм не имел представительного (то есть соборного) управления, характерного для единоверческих приходов, им управляли потомки купца Милова, однако благодаря поддержке отца Иоанна прихожанам удалось восстановить соборное управление в приходе.

Сразу после рукоположения молодой пастырь, по его словам, «встретился с двумя обрядовыми исключительностями: одна — господственно-искоренительная, называющая себя православием, другая, искореняемая, под общим именем Старообрядчества, чАстнее Единоверия. Самые имена „Православие“ и „Единоверие“ и самое стремление первого искоренить последнее уже свидетельствуют и о несправедливости, и о недобросовестности этого так называемого „православия“»³. В Рождество 1845 г. во время Часов отцу Иоанну было сделано предложение перейти на новый обряд, однако он не согласился бросить своих духовных детей, и «Православие» сделало его «своим противником»⁴. Верховский был поражен, что священноначалие рассматривало священника на единоверческом приходе как миссионера в не вполне православной среде. Для него такой подход был неприемлем: «Если уже святительское рукоположение навеки соединило меня с моими духовными детьми, то я не властен оставить их, я должен до конца остаться с ними и все принять за них»⁵.

Первым открытым выступлением за права единоверцев стала «Всеподаннейшая записка об уничтожении средостений между двумя Обрядами в Российской Церкви, поданная лично Государю Императору Александру Николаевичу в Царском Селе 2 мая 1859 г. крестьянином Костромской губернии Мироном Фроловым»⁶. После этого Верховский не раз выступал против церковных беззаконий.

В 1872 г. было создано петербургское отделение Общества любителей духовного просвещения. Его председателем стал Великий князь Константин Николаевич. На заседании Общества его участники должны были свободно обсуждать насущные церковные вопросы. В начале 1873 г. состоялись три диспута, известные под общим названием «Чтения о нуждах единоверия». Основным

докладчиком стал будущий государственный контролер Российской империи, неославянофил Третий Иванович Филиппов. Его оппонентами выступили профессора И.В. Чистович, И.В. Чельцов и И.Ф. Нильский. Т.И. Филиппов ратовал за восстановление духа соборности в Русской Церкви, считал необходимым воссоздание института патриаршества. Поскольку проблема возвращения к каноническому устройству церкви была теснейшим образом связана с решением старообрядческого вопроса, то он обратил внимание на то, что «Пункты» митрополита Платона находятся в противоречии с учением церкви о свободе обряда. На большом историческом материале Филиппов доказывал, что в древней церкви различие в обрядах не было причиной для церковных расколов. Главное противоречие в существовании единоверия он видел в том, что проклятия Большого Московского Собора 1667 г. никто не отменял, и, таким образом, единоверцы оказывались под соборными клятвами. Кратко воззрения Т.И. Филиппова можно сформулировать следующим образом: в учреждении единоверия в том виде, в каком оно было установлено «Правилами» от 27 октября 1800 г., есть противоречие с учением Православной Церкви об обряде. Эти правила не согласуются с постановлением Собора 1667 г., так как синодальное постановление не может отменить соборно наложенных клятв. Для разрешения противоречий необходим созыв нового Собора для снятия клятв со старого обряда.

Дискуссия затянулась на несколько лет. Выступления Т.И. Филиппова публиковались в газете «Гражданин», редактором которой в 1873—1874 гг. был член Общества любителей духовного просвещения Ф.М. Достоевский, явно сочувствовавший взглядам докладчика, с которым он состоял в переписке. «Мы, по ближайшем ознакомлении с источниками, не колеблясь, скажем, что в этом собственно вопросе г-ну Нильскому устоять против доводов его противника нет, по нашему убеждению, никакой возможности», — отмечал великий писатель. Вступив в Общество любителей духовного просвещения 25 февраля 1873 г., Верховский принял активное участие в его деятельности⁷. Заседания, на которых выступали протоиерей Иосиф Васильев и профессора духовной академии Нильский и Чельцов, он считал «пропавшими зря» из-за празднословия. И даже готовившийся ответ Т.И. Филиппова, по его мнению, не был бы удовлетворительным, так как Верховский предполагал, что последний сосредоточится только на показании не-

верных положений отца Иосифа. Таким образом, получался замкнутый круг: возражения снова вызовут возражения и так далее... Иерей Иоанн предложил Обществу избрать комиссию, которая бы наблюдала, чтобы полемические материалы не предлагались на заседания в «сыром», необработанном виде. Эта комиссия не должна была заниматься решением вопросов, поставленных перед Обществом, а лишь выполнять техническую работу для дальнейшего облегчения его деятельности. Верховский подал секретарю Общества — генералу А.А. Кирееву специально составленный по случаю Чтений «Свод церковно-государственных практических истин по преодолению раскола»⁸. Если остальные полемисты в центр своих докладов ставили вопрос о выяснении того, на ком же лежат клятвы Большого Московского Собора, то иерей Иоанн подходил к проблеме положения единоверцев совершенно иначе. Для него неравноправие единоверцев — прямое следствие неканонического устройства Русской Церкви, и решение старообрядческого вопроса было невозможным без понимания того, каким образом должна быть устроена жизнь Вселенской Церкви. Взяв за основу положение «обряд не догмат», автор путем ряда логических выводов приводит читателя к заключению о праве старого обряда на «равночестность» и «равноправность» в Русской Церкви.

Он считает, что «Св. Церковь чужда обрядовых соперничеств и распрь». Иерей Иоанн утверждает, что если обряд не служит выражением чего-либо несогласного с догматическим вероучением Церкви, он не должен быть поводом к разделению. Священник показывает, что как древность, так и «усовершенствованность» обряда не может служить причиной для его исключительности. И раз различие в обряде не может служить причиной отторжения одной из частей Церкви от Вселенского Православия, то и старообрядчество должно быть неотъемлемой частью Русской поместной церкви и дониконовский обряд должен быть равноправным.

Характерной чертой общества второй половины XIX в. было увлечение журналами. Иерей Иоанн не только подробно изучал церковные и общественные издания, но и сам много писал для них. Статьи Верховского можно найти в аксаковской «Руси», «Востоке» и т. д. Но наиболее интересные полемические статьи были опубликованы в «Церковно-общественном вестнике» и «Гражданине».

Особенно бурная полемика велась Верховским в «Церковно-общественном вестнике». Началась она в 1874 г., когда главный

редактор миссионерского журнала «Истина» псковский единоверческий священник Константин Голубов (ученик архимандрита Павла Прусского) опубликовал рассказ «казанского раскольника», утверждавшего, что отец Иоанн требует снятия со старообрядцев клятв Большого Московского Собора 1667 г., считая их тяготящими единоверцев. Однако отец Иоанн всегда считал, что клятвы нужно не «снимать» и не «разъяснять», а «упразднить». В связи с этим он писал, что единоверцы «клятв 1667 г. на себе лежащими не признавали и не признают, поэтому и о разрешении себя от этих клятв никогда не просили и не просят и просить об этом считают бессмыслицей»⁹. Мы не имеем возможности подробно изложить ход дискуссии, но отец Иоанн тут явно предвосхитил постановления знаменитого Собора 1971 г., на котором клятвы, наложенные на старообрядцев, были сняты «яко небывши». Более того, он требовал извинений, которые Московская Патриархия до сих пор не произнесла, а сделали лишь представители Русской Православной Церкви за рубежом (РПЦЗ) в 1974 г.

В 1880 г. иерей Иоанн обратился к министру внутренних дел с «Докладной запиской», в которой представил свои соображения о необходимости дарования старообрядцам полной религиозной свободы. 20 мая 1880 г. она вместе с пояснительной запиской была передана обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву¹⁰. Документ этот был внимательно изучен. Позже белокрыницкие старообрядцы издадут за границей одну из редакций «Докладной записки» отца Иоанна отдельной брошюрой под названием «Путь к решению старообрядческого вопроса»¹¹.

Старообрядчество, как доказывал Верховский в начале «Докладной записки», «не есть уклонение от православия», «не есть и раскол (можно ли назвать расколом то, что недвижимо стоит на месте?)». Старообрядчество, по Верховскому, — это «держание старого обряда — обряда безукоризненно православного, обряда древних наших государей и святителей», это «протест против безрассудств властного произвола», это «протест русского православного народа против внесения архиереями идей и дисциплины папизма в теорию и практику отечественной церкви», это «народный протест против посягательств чужеземности на русскую народность, так возмутительно обнаживших себя в „запретительной клятве“, продиктованной греческими мздоимцами и киевскими латинистами, господствовавшими тогда в Москве». Отец Иоанн

считал, что все шаги навстречу «русской народности и русской священной старине сделаны государями самодержавно», а Синод и архипастыри, напротив, всегда выступали против старообрядчества и не доводили до конца императорские инициативы. Для того, чтобы «до конца довести то, что логически содержится в мудрых предначертаниях благочестивейших Государей Екатерины и Павла», необходимо свободу выбора исповедания признать характерной чертой православия, отличающей его от папизма, и, следовательно, бесспорным и неотъемлемым правом всех в Российской империи. Всех старообрядцев, признающих семь Вселенских и девять Поместных соборов, необходимо признать православными. При этом восточное православие должно относиться ко всем «толкам» одинаково, осуждая ссоры и разделения из-за «обрядовых мелочей». Старообрядцам нужно разрешить открыто совершать богослужения, строить храмы и молитвенные дома, вести метрики, собираться на съезды и соборы, группироваться вокруг своих центров, устраивать учебные и благотворительные заведения разных уровней. Всех старообрядческих священнослужителей, включая епископов, отец Верховский предлагал принимать в сущем сане (в тексте докладной записки он указывал, что восточные патриархи дополняют хиротонии старообрядческих епископов, насколько это будет нужно, но не говорил, что для этого необходимо, видимо, считая это не очень существенным и отдавая решение этого вопроса восточному православию). После восстановления общения между восточными иерархами и старообрядческими епископами необходимо возродить патриаршество, патриарха подчинить Собору, а Собор — народному контролю, вернуть российской церкви соборность и канонически принадлежащее ее народу право выбирать, контролировать и удалять: каждой епархии — ее епископа и каждой общине — ее священнослужителя. По мысли отца Иоанна, разобравшись в ситуации, Православный Восток должен осудить синодальное православие за его «невежественный и беспощадный произвол». Он надеялся, что все это будет даровано русскому народу Высочайшим Манифестом.

Труды Верховского по отстаиванию идеалов старообрядчества не остались безответными. 14 июня 1876 г. делегация московских старообрядцев белокриницкого согласия поднесла отцу Иоанну благодарственное письмо, в котором отмечалось: «Положив в основание своей жизни и деятельности святые убеждения, свой-

ственные людям истинно верующим, Вы строго соблюдаете долг свой, возлагаемый на Вас Вашими дарованиями. Невзирая на различные опасности, всегда готовы (так в тексте. — Р.М.) встретить на каждом шагу Вашей жизни, Вы, как воин Христов, неустрашимо идете противу ученых обличителей старообрядчества, которые позволяют себе в этом деле непростительную хитрость и изворотливость в осуждении и гаждении соблюдающих святую старожительность, и побеждаете их своею нравственною силою, своим правым, сильным и могучим словом». Профессор Н.И. Субботин негодовал по поводу этого благодарственного адреса на страницах издававшегося им «Братского слова».

В феврале 1884 г. Верховский был вызван к обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву, и последний потребовал от него объяснений по поводу помощи старообрядцам. Заступиться за своего духовного отца пробовал композитор М.А. Балакирев. 9 апреля 1884 г. он обратил внимание Победоносцева на то, что во взглядах священника отсутствует что-либо противоречащее учению господствующей церкви, а извергнуть его из сана нельзя, так как это будет только на руку врагам официального православия¹². Верховский прекратил свои публикации и обещал не сотрудничать со старообрядцами.

Осенью 1884 г. Верховский нарушил свое обещание молчать, данное обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву, и отослал Собору епископов, собравшемуся в Киеве, «Обращение», в котором призвал архиереев к возрождению соборности и выборности в Церкви¹³. Раздосадованный композитор М.А. Балакирев, поручившийся за священника, писал, что это «может привести... (иерея Иоанна. — Р.М.) к единственному концу — к гибели»¹⁴. Впрочем, Верховский отнюдь не сожалел о содеянном, он был твердо уверен в правоте своей миссии и готов к любому повороту событий.

25 января 1885 г. в понедельник Масленичной недели отец Иоанн получил секретное сообщение «от одного всякой веры достойного лица», что в ближайшее время он будет арестован. Дочь Мария и зять убедили священника в необходимости бежать за границу, и 30 января он в сопровождении старообрядца П.А. Голубева отбыл вечерним поездом из Санкт-Петербурга. Прибыв в Москву, отец Иоанн посетил старообрядческого архиепископа Савватия и объявил ему о своем желании выехать за границу. В спешном порядке

из Владимира был вызван новопоставленный священноиннок Арсений (Швецов), будущий старообрядческий епископ Уральский, ныне святой Русской Православной старообрядческой Церкви (РПСЦ), в сопровождении которого отец Иоанн покинул Россию.

Последние шесть лет своей жизни отец Иоанн провел за границей. Около года пробыв у старообрядцев в Румынии и Австро-Венгрии, он решил поселиться в Пильнице в Саксонии. Тут Верховский сосредоточился на книгоиздательской деятельности. Собрание сочинений, изданное Верховским за границей, включило в себя три тома. Первый и третий были изданы в Лейпциге в типографии Ф.А. Брокгауза в 1886 г. и 1888 г. Второй том был напечатан в 1886 г. в Черновцах в типографии Германа Чоппа.

Получив в Германии в посольстве сообщение об извержении из сана, он собственноручно написал на нем, что не признает этого постановления и будет добиваться справедливости у Государя. О зарубежном периоде жизни Верховского опубликован ряд статей¹⁵. Отмечу лишь, что он получил от митрополита Белокрицкого Афанасия уникальное разрешение — молиться со старообрядцами без вступления в таинства. Отец Иоанн так и не смог добиться пересмотра своего дела. В 1890 г. его здоровье сильно ухудшилось. Тяжелая болезнь вынудила священника принести покаяние, чтобы иметь возможность умереть на родине. Дочери Марии удалось выхлопотать Верховскому право на возвращение в Россию. 17 января 1891 г. иерея Иоанна не стало¹⁶.

Отец Иоанн — один из ярчайших представителей единоверия XIX в. Его богословие явно повлияло на таких великих богословов XX в., как первый единоверческий епископ Симон (Шлеев) и архиепископ Андрей (Ухтомский). Учение о равночестности обрядов, принятое РПСЦ на Соборе 1971 г., этот великий романтик исповедовал более чем за сто лет до этого Собора. Для старообрядцев это учение в XX в. было уже неактуально, но для чада «официальной церкви» XIX в. такие взгляды были прогрессивными и даже радикальными.

¹ Исторические очерки единоверия. СПб., 1866. С. 101; ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 3003. Л. 33.

² ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 2005. Л. 101 об; Д. 1393. Л. 24 об. — 25 об.

³ ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 1552. Л. 58.

⁴ Там же. Л. 58 об.

- 5 Письмо к Г. Казанцеву (*Верховский И.Т.* Сочинения Иоанна Верховского. Лейпциг, 1888. Кн. 3. С. 205).
- 6 *Верховский И.Т.* Сочинения Иоанна Верховского. Лейпциг, 1886. Кн. 1. С. 54—89.
- 7 Переписка Верховского // Церковь. 1913. № 15. С. 357.
- 8 Свод церковно-государственных практических истин по преодолению раскола // *Верховский И.Т.* Сочинения Иоанна Верховского. Черновцы, 1886. Кн. 2. С. 105—148.
- 9 Объяснения свящ. И.Т. Верховского // Церковно-общественный вестник. 1874. № 37. С. 4—5.
- 10 ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 783.
- 11 *Верховский И.Т.* Путь к решению старообрядческого вопроса. Браила, 1901; переиздана в кн.: Защита старообрядчества. М., 2003.
- 12 ОР РНБ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 600. Л. 38—39.
- 13 Послание, поднесенное высокопреосвященному Платону, митрополиту Киевскому и Галицкому, председателю собора российских архипастырей в Киеве в сентябре 1884 года // *Верховский И.Т.* Сочинения Иоанна Верховского. Лейпциг, 1886. Кн. 1. С. 2—40.
- 14 ОР РНБ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 600. Л. 42.
- 15 *Майоров Р.А.* Единоверческий священник Иоанн Верховский в изгнании: деятельность и взгляды // Преподаватель — XXI век. М., 2007. № 3. С. 165—168; *Он же.* Новые материалы об отношении старообрядческих архиереев к делу единоверческого священника Иоанна Верховского // Липоване. Одесса; Измаил, 2011. Вып. VIII. С. 88—89.
- 16 *Вургафт С.Г., Ушаков И.А.* Старообрядчество: Лица, события, предметы и символы: Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. С. 62.

Музейные учреждения приходов Русской Православной Церкви начала XXI в.

Прежде всего, необходимо внести уточнение в некоторую терминологическую путаницу, связанную с рассматриваемой темой. Интернет-версия Российской музейной энциклопедии 2002 года именуется церковными музеями группу музеев, «создаваемых при церквях, монастырях, епархиях, которые являются их собственниками и учредителями»¹. Представляется, что это определение не вполне корректно. Согласно Уставу Русской Православной Церкви, епархии, как церковно-административные учреждения, а также монастыри регистрируются в соответствии с действующим российским законодательством в качестве религиозных организаций. Будучи юридическими лицами, они, в свою очередь, могут выступать учредителями и собственниками иных юридических лиц, в том числе музеев. Музеи, создаваемые «при церквях», правомернее именовать приходскими. Согласно Уставу РПЦ, «приходом является община православных христиан, состоящая из клира и мирян, объединенных при храме»², и именно такая община может быть зарегистрирована как юридическое лицо — религиозная организация.

Юридическое положение музейных учреждений, существующих в приходах Русской Православной Церкви, очень разнообразно. Они могут иметь статус самостоятельного юридического лица — частного учреждения культуры, являться структурным подразделением религиозной организации, однако большей частью не имеют никакого специального статуса. Если говорить о структурах, имеющих юридическое лицо, то их учредителями выступают либо сами религиозные организации (приходы), либо, много реже, священнослужители, обычно настоятели, как частные лица. Необходимо отметить, что, в целом, религиозные организации, имеющие собственные музейные институции, избегают

именовать их музеями, предпочитая иные термины: «церковно-археологический кабинет», «церковно-исторический кабинет», «музейная экспозиция», «музейная коллекция», «музейная выставка», «древлехранилище». Полагаю, что, рассматривая современные приходские музейные учреждения, правильнее говорить о них, как об учреждениях музейного типа.

Настоящая работа основана на опыте изучения 55 приходских музейных учреждений, находящихся в разных регионах России. Распределены они крайне неоднородно. Есть епархии, где таких учреждений несколько, есть и те, где они отсутствуют. Лидируют по численности Москва, Санкт-Петербург, Московская, Ленинградская, Ярославская, Екатеринбургская, Владимирская и Тверская области. При подсчете не учитывались музейные учреждения, которые, располагаясь в помещениях приходских храмов, имеют статус епархиальных музеев. Например, Музей Истории Православия на Камчатке, расположенный в стилобатной части кафедрального Троицкого собора г. Петропавловска-Камчатского, Музей Новомучеников и исповедников Касимовских в Троицком храме г. Касимова, епархиальный Музей истории православия на Южном Урале при Свято-Симеоновском кафедральном соборе г. Челябинска.

Информация о существующих в настоящее время приходских церковных музейных учреждениях разрозненна, какого-либо официального общецерковного перечня их нет. Православные приходы далеко не всегда располагают собственным сайтом или страницей в социальных сетях и еще реже на этом информационном ресурсе есть сведения о существовании музея. Все музейные учреждения, что мне удалось выявить, созданы после 1990 г., большинство — после 2010 г.

В настоящее время в сети Интернет практически ежемесячно появляется информация об открытии либо подготовке к открытию очередного церковного музея. Можно с уверенностью констатировать, что имеет место устойчивая тенденция музеефикации православного культурного наследия, осуществляемой силами самих религиозных организаций.

Инициаторами создания приходских музейных учреждений выступают либо священнослужители, либо прихожане. Чаще — именно духовные лица. При этом совсем не обязательно они имеют историческое, музееведческое или вообще гуманитарное образование. Это просто люди, которые хорошо осознают значи-

мость сохранения и популяризации отечественного культурного наследия. Особенностью церковных музейных структур является почти повсеместное отсутствие штатных сотрудников. Музейной работой официально занимаются приходские волонтеры, иногда сами священнослужители, которым могут помогать консультациями сотрудники местных музеев.

По своему профилю основная масса приходских церковных музейных учреждений принадлежит к историческим, научно-просветительным, коллекционного типа. Отдельную и пока небольшую их часть составляют мемориальные музеи.

Экспозиции приходских музейных учреждений формируются, в основном, из трех источников: личные собрания священнослужителей, археологические находки, включая предметы, связанные с локальной историей, чаще всего данного прихода или нескольких близлежащих храмов, а также пожертвования прихожан. Личные коллекции, особенно в семьях, принадлежащих к многопоколенным священническим династиям, обычно включают иконы, духовную литературу, в том числе церковную периодику, предметы богослужебного обихода. Иногда в таких семьях сохраняются вещи, связанные с деятельностью известных духовных лиц, ныне канонизированных. Например, в начале XX столетия известный православный подвижник протоиерей Иоанн Кронштадский, впоследствии канонизированный, много ездил по России и служил в храмах разных епархий, используя при богослужениях иерейское облачение из местных ризниц. Это священническое облачение затем разбиралось сослужившим ему духовенством и хранилось, как святыня, в священнических семьях. Такие предметы, уцелевшие в годы богоборчества, сейчас попадают в церковные музейные экспозиции, поскольку нынешние владельцы стремятся сделать реликвию доступной большему числу верующих. Пожертвования прихожан могут представлять собой семейные реликвии: иконы, книги, включая те, что были сохранены предками дарителей при закрытии и разорении храмов в годы богоборчества. Пожертвования также могут не иметь никакого отношения к церковной истории, но быть связанными с важными этапами истории страны. Такие дары позволяют создавать на базе церковных приходов уникальные собрания, о чем будет сказано далее.

Наименее распространенный вариант — передача для временного экспонирования в церковную музейную структуру музейного

предмета из фонда светского музея. Так, например, по соглашению, подписанному между Национальным музеем Республики Татарстан и Казанской епархией Русской Православной Церкви, некоторые музейные предметы переданы для экспонирования в музейное учреждение при храме преподобного Сергия Радонежского г. Казани.

Экспозиция церковного музейного учреждения может размещаться в одной или нескольких витринах, расположенных непосредственно в объеме храма или в крипте, либо в помещении, к нему примыкающем (на хорах, в одном из ярусов колокольни), а также на территории домов причта, приходских духовно-просветительских

Рис. 1. Мемориальный уголок схиигумении Фамари (Марджановой) в приходском музее Новомучеников Домодедовских с. Ям

центров или церковно-приходских воскресных школ. Иногда под нее выделяется отдельное помещение либо вообще отдельное здание.

В последнее время приходские музейные коллекции активно пополняются предметами и документами, связанными с подвигом новомучеников и исповедников Русской Церкви, чаще всего поступающими от родственников жертв репрессий. Иногда это позволяет создавать большие тематические экспозиции. Например, музей Новомучеников и исповедников Домодедовских при храме святых Флора и Лавра в с. Ям Домодедовского р-на Московской обл., который занимает пять залов в историческом здании церковно-приходской школы (рис. 1). Его экспозиция, помимо документов и предметов, связанных с репрессированными клириками храмов Домодедовского района, включает мемориальный уголок исповедницы схиигуменнии Фамари (Марджановой).

Отличительной особенностью церковных музеев XXI в. является широта экспозиционной тематики, которая подчас напрямую не связана с церковной историей и культурой. Большая часть подобных музейных учреждений имеет военно-исторический профиль и формируется за счет находок поисковых отрядов. В 2005 г.

Рис. 2. Музейная экспозиция в Благовещенском приделе Воскресенского собора г. Венева Тульской обл.

при Скорбященском храме Санкт-Петербургской епархии был открыт первый из них, посвященный Великой Отечественной войне и блокаде Ленинграда. В Воскресенском соборе г. Венева Тульской обл. непосредственно в Благовещенском приделе храма располагаются музейные витрины, где помещены предметы советской солдатской амуниции, фрагменты оружия и боеприпасов Первой Мировой и Великой Отечественной войн (рис. 2). Музейные предметы найдены на территории города, где в годы Отечественной войны шли ожесточенные бои, и подарены приходу членами местных поисковых отрядов. Истории Великой Отечественной войны отведена значительная часть музейной экспозиции храма в честь Владимирской иконы Пресвятой Богородицы на Семи ключах г. Екатеринбурга. Здесь представлены предметы, найденные за пять лет участия приходского поискового отряда «Орленок» в международной Вахте Памяти на территории Смоленской обл.

Другим источником возникновения нетипичных церковных музейных коллекций, являются фонды общественных — школьных, сельских, производственных — музеев, которые после их упразднения передаются приходским музейным учреждениям.

Как отмечалось выше, приходскими могут быть мемориальные музеи, которые можно отнести к четырем типам. Это могут быть музеефицированные кельи духовных лиц, обстановка в которых сохранилась относительно невредимой с момента их смерти. Так, например, произошло с домом протоиерея Николая Гурьянова на о-ве Залит Псковской обл. Музеефицирован дом-келья жившего в XIX столетии и очень почитаемого верующими православного подвижника преподобного Павла Таганрогского в г. Таганроге. Мемориальная келья находится в ведении прихода Никольского храма (рис. 3).

Мемориальные музеи второго типа представляют собой воссозданные интерьеры помещений, связанные с историческими личностями. Например, при храме Рождества Христова с. Филатово Истринского р-на Московской обл. мемориальный музей создан в доме, где некогда жил новомученик протоиерей Алексей Смирнов. Дом уцелел, его хозяева — дальние родственники священномученика — передали часть помещений приходу для создания экспозиции. Интерьер воссоздается с помощью аутентичных предметов быта и с добавлением деталей обстановки 1930-х годов.

Третий тип представляют собой мемориальные экспозиции, размещенные непосредственно при храме, где служило мемориали-

Рис. 3. Входная табличка на ограде мемориальной кельи преподобного Павла Таганрогского

зуемое лицо. Так, в Успенском соборе г. Пензы устроен мемориальный музей митрополита Пензенского Серафима (Тихонова), 20 лет возглавлявшего Пензенскую епархию и скончавшегося в 2000 г. В витринах экспонируют его личные вещи, документы, фотографии, богослужебные облачения. Приходским мемориальным является музей протоиерея Александра Меня при Сергиевском храме г. Сергиева Посада.

Четвертый тип — мемориальные церковно-исторические кабинеты, где в просветительских целях помещена информация о примечательных личностях. В приходском комплексе храма великомученика Пантелеимона г. Жуковского Московской обл. таких кабинетов два: в память о писателе и общественном деятеле Н.Д. Телешове, на средства которого некогда была выстроена Быковская земская больница (ее территорию сейчас частично занимает Пантелеимоновский приход) и преподобномученицы Великой княгини Елизаветы Феодоровны (рис. 4).

Особого упоминания заслуживает приходской музей храма Новомучеников и исповедников церкви Русской в пос. Ложок Исктимского р-на Новосибирской обл. Музей — мемориальный, посвящен истории Исктимского штрафного лагеря, поскольку храм

Рис. 4. Мемориальный кабинет преподобномученицы Елисаветы Федоровны Романовой при храме вмч. Пантелеимона в г. Жуковском Московской обл.

Рис. 5. Инсталляция лагерного барака в приходском музее храма Новомучеников пос. Ложок Исктимского р-на Новосибирской обл.

возведен на бывшей лагерной территории. В экспозиции, помимо вещей и документов, непосредственно связанных с историей лагеря, хранится собрание материалов о репрессиях в отношении православного духовенства Новосибирской обл. Один из залов представляет собой инсталляцию внутреннего интерьера камеры лагерного барака, что позволяет посетителям лучше представить быт заключенных (рис. 5).

Современные приходские музейные учреждения отличаются большим многообразием социальных функций. Прежде всего, в отличие от дореволюционных церковных древлехранилищ, посетителями которых обычно бывали знатоки из числа любителей старины, ученые, художники, архитекторы, аудитория современных церковных учреждений музейного типа гораздо шире. Это паломники, учащиеся приходских воскресных школ, организованные группы пенсионеров, часто посещающие церковные музеи в рамках социальных досуговых программ, школьники, для которых осмотр церковных экспозиций становится важной частью освоения курса «Основ православной культуры». Наконец, церковные музейные структуры, наравне с обычными светскими музеями, начинают включаться организаторами туристических поездок в групповые туристические маршруты, привлекая посетителей возможностью по-новому взглянуть на историю места. Помимо просветительных задач, такие учреждения служат целям миссионерским, поскольку рассказ о православии оказывает гораздо больший эффект на слушателей, если опирается на изучение памятников религиозной культуры. Наконец, это важные площадки диалога и сотрудничества музейного сообщества и Церкви. Приходские музейные учреждения в своей деятельности призваны дополнить, а ни в коем случае не подменять работу светских музеев, быть их партнерами в области просвещения. Для реализации этой значимой цели церковным музейным институциям необходимы участие и помощь музейных профессионалов. Хочется надеяться, их сотрудничество будет крепнуть.

¹ Российская Музейная энциклопедия. URL: <http://museum.ru/rme/dictionary.asp158> (дата обращения 25.10.2019).

² Устав Русской Православной Церкви. Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/133141.html> (дата обращения 25.10.2019).

Список сокращений

- АН СССР — Академия наук Союза советских социалистических республик
- АО — Акционерное общество
- АСЭИ — Акты социально-экономической истории
- БАН — Библиотека Академии наук
- ВМДПНИ — Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства
- ВМЧ — Великие Минеи Чети
- ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
- ГАВО — Государственный архив Владимирской области
- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
- ГИК — Главная инвентарная книга
- ГИМ — Государственный исторический музей, г. Москва
- ГИОП — Государственная инспекция по охране памятников г. Ленинграда
- ГНИМА — Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В. Щусева
- ДРВМ — Древняя Русь. Вопросы медиевистики
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
- ЗАО — Закрытое акционерное общество
- ИА — Исторический архив
- ИА РАН — Институт археологии РАН
- ИВИ РАН — Институт всеобщей истории РАН
- ИАК — Императорская Археологическая Комиссия
- ИИАК — Известия Императорской Археологической Комиссии
- ИМЛИ РАН — Институт мировой литературы им. А.М. Горького
- ИРЛИ РАН — Институт русской литературы Российской академии наук (Пушкинский дом)
- КГИОП — Комиссия по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры

- МАО — Московское археологическое общество
 МГАМИД — Московский государственный архив Министерства иностранных дел
 МДА — Московская духовная академия
 МДС — Московская духовная семинария
 МИД — Министерство иностранных дел
 МИХМ — Муромский историко-художественный музей
 МОНО — Московский отдел народного образования
 НА ДООКН ЯО — Научный архив Департамента охраны культурного наследия Ярославской области
 НБУ — Національна бібліотека України
 НИА ГМИ СПб. — Научно-исследовательский архив Государственного музея истории Санкт-Петербурга
 НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
 ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
 ОЛДП — Общество любителей древней письменности
 ООО — Общество с ограниченной ответственностью
 ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея, г. Москва
 ОР — Отдел рукописей
 ОР БАН — Отдел рукописей Библиотеки Академии наук
 ОР ГИМ — Отдел рукописей Государственного исторического музея, г. Москва
 ОРПГФ МЗ МК — Отдел рукописных, печатных и графических фондов музея-заповедника «Московский Кремль»
 ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
 ОР СПИХМЗ — Отдел рукописей Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника
 ОР ЦНБ АН УССР — Отдел рукописей Центральной научной библиотеки Академии наук Украинской советской социалистической республики
 ОСРК РНБ — Основное собрание рукописной книги Российской национальной библиотеки
 ОУ СПИХМЗ — Отдел учета Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника
 ПЗМ — Переславль-Залесский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
 ПС — Покровский собор
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
 ПЭ — Православная энциклопедия
 РАН — Российская Академия наук

- РГАДА — Российский государственный архив древних актов
 РГГУ — Российский государственный гуманитарный университет
 РГИА — Российский государственный исторический архив
 РЛ — Русские летописи
 РНБ — Российская национальная библиотека
 РОБ МГАМИД — Рукописный отдел библиотеки Московского государственного архива Министерства иностранных дел
 РПСЦ — Русская Православная старообрядческая Церковь
 РПЦ — Русская Православная Церковь
 РПЦЗ — Русская Православная Церковь за рубежом
 РсФ ГАЯО — Ростовский филиал Государственного архива Ярославской области
 РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
 СГГД — Собрание государственных грамот и договоров
 СККДР — Словарь книжников и книжности Древней Руси
 СНК — Совет Народных Комиссаров
 СПбДА — Санкт-Петербургская духовная академия
 СПИХМЗ — Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник
 СССР — Союз советских социалистических республик
 ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) Российской академии наук
 ТСЛ — Троице-Сергиева Лавра
 ЦГА Москвы — Центральный государственный архив Москвы
 ЦГАМО — Центральный государственный архив Московской области
 ЦГА СПб. — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
 ЦГАИПД СПб. — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга
 ЦГАЛИ СПб. — Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга
 ЦГИА СПб. — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
 ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете
 ЯО — Ярославская область
 ЯСНПРМ — Ярославские специальные научно-проектные реставрационные мастерские

Сведения об авторах

Берхина Татьяна Гемфриевна, заведующая Церковно-археологическим кабинетом храма пророка Божия Илии на Ильинке

Власникова Мария Александровна, аспирантка Санкт-Петербургского государственного института культуры

Городилин Сергей Владимирович, сотрудник Центра по истории Древней Руси Института российской истории РАН

Ерусалимский Константин Юрьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и теории культуры РГГУ

Катаев Роман Сергеевич, помощник настоятеля Воскресенского Смоленского собора в Санкт-Петербурге

Кирьянова Ольга Геннадьевна, аспирантка Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева

Майоров Роман Александрович, кандидат исторических наук, экскурсовод I категории отдела «Палаты бояр Романовых» Государственного исторического музея

Макарий (Веретенников), архимандрит, доктор богословия, Троице-Сергиева Лавра

Малыгина Алла Александровна, младший научный сотрудник отдела «Покровский собор» Государственного исторического музея

Мальшева Надежда Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела «Покровский собор» Государственного исторического музея

Маслова Юлия Валерьевна, заведующая отделом металла и камня Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства

Мирлас Иоанна Антониевна, студентка Литературного института им. А.М. Горького

Носов Артём Владимирович, специалист по учебно-методической работе исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Панова Татьяна Дмитриевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник музея-заповедника «Московский Кремль»

Савина Любовь Николаевна, искусствовед, член Ассоциации искусствоведов РФ, член Союза журналистов РФ, г. Сергиев-Посад

Сарачева Татьяна Григорьевна, кандидат исторических наук, заведующая отделом «Покровский собор» Государственного исторического музея

Серебрякова Елена Ивановна, старший научный сотрудник отдела рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея

Соболева Александра Евгеньевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, доцент Московской духовной академии, ведущий научный сотрудник Российской государственной библиотеки

Соболева Маргарита Евгеньевна, старший научный сотрудник Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника «Ризница Троице-Сергиевой Лавры»

Степанова Ольга Викторовна, экскурсовод отдела «Палаты бояр Романовых» Государственного исторического музея

Тарасов Аркадий Евгеньевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Шадунц Елена Константиновна, старший научный сотрудник Переславль-Залесского историко-архитектурного музея-заповедника

Содержание

Вступительное слово заместителя директора Исторического музея по научной работе А.Д. Яновского	3
Вступительное слово настоятеля Патриаршего подворья в Зарядье, протоиерея Вячеслава Шестакова	5
<i>Малышева Н.Н., Сарачева Т.Г.</i> Последний автограф. Страницы биографии протоиерея Покровского собора Иоанна Иоанновича Кузнецова	7
<i>Серебрякова Е.И.</i> По следам работы И.И. Кузнецова с рукописями Синодальной библиотеки	25
<i>Ерусалимский К.Ю.</i> И.И. Кузнецов о Житии Василия Блаженного: проблемы текстологии и сохранности списков	42
<i>Малыгина А.А.</i> Надписи на веригах святого Иоанна Блаженного: итоги расшифровки	77
<i>Макарий (Веретенников), архимандрит</i> Вифлеемская святыня	91
<i>Берхина Т.Г.</i> Настоятели собора Покрова на Рву второй половины XIX в.	96
<i>Соболева А.Е., Соболева М.Е.</i> Рукопись Жития Александра Свирского из собрания Покровского собора в кругу лицевых рукописей Жития	111
<i>Маслова Ю.В.</i> Храм Василия Блаженного в произведениях декоративно- прикладного искусства (на примере лаковой росписи из собрания ВМДПНИ)	132

<i>Панова Т.Д.</i>	
Судьба захоронения митрополита Алексея	142
<i>Шадунц Е.К.</i>	
История исследования и реставрации Никитской церкви (1566—1567) села Елизарова.	155
<i>Тарасов А.Е.</i>	
Сборник «Книги глаголемая Пчела вельми мудра» из собрания ГИМ и церковное строительство в Москве в конце XV — начале XVI в.	174
<i>Степанова О.В.</i>	
Храмоздательство на Двинской земле в правление царя Михаила Федоровича	181
<i>Городилин С.В.</i>	
К вопросу о формировании агиологической модели юродской святости в агиографии позднего русского Средневековья	190
<i>Носов А.В.</i>	
Уваровская редакция Жития Лазаря Муромского и начальный процесс сакрализации Обонежья в середине XIV в.	224
<i>Савина Л.Н.</i>	
К вопросу о судьбе иконостаса трапезного Сергиевского храма Свято-Троицкой Сергиевой Лавры	233
<i>Власникова М.А.</i>	
Изменение функциональной типологии Воскресенского Смольного собора в XX — начале XXI в. в контексте его сохранения	244
<i>Катаев Р.С.</i>	
Реконструкция исторического интерьера Воскресенского Смольного собора	256
<i>Мирлас И.А.</i>	
«В лаптях, но со своим народом»	260
<i>Майоров Р.А.</i>	
К биографии священника Иоанна Тимофеевича Верховского. . .	271
<i>Кирьянова О.Г.</i>	
Музейные учреждения приходов Русской Православной Церкви начала XXI в.	280
Список сокращений	289
Сведения об авторах.	292

ГИМ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Научное издание

Актуальные проблемы изучения и сохранения
памятников архитектуры

Чтения памяти И.И. Кузнецова
Выпуск 1

Редакционно-издательский отдел ГИМ
Заведующая *Г.В. Лемигова*
Редактор *С.Н. Романова*
Художник *А.Н. Белов*

Фотоотдел ГИМ
Заведующий *С.В. Милицкий*
Фотограф *Г.Г. Сапожников*

ISBN 978-5-89076-402-7

Электронная версия

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный исторический музей»
109012, Москва, Красная площадь, д. 1

Книги и сувениры Государственного исторического музея можно приобрести
в нашем интернет-магазине www.shm-store.ru

Будьте в курсе наших событий

